

Наставник и ученик
ДЗЕНСКИЕ ПРИТЧИ

Жемчужины мудрости

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)
Н 32

Оформление *Н. Кудря*

Наставник и ученик. Дзенские притчи / [сост. Н 32 М. Э. Логинова]. — М. : Эксмо, 2009. — 224 с. — (Жемчужины мудрости).

ISBN 978-5-699-37451-9

Великое искусство дзен — это путь самосовершенствования, разработанный мудрецами Древнего Востока. Захватывающе интересные дзенские притчи помогут вам принять верное решение в любой, даже сложной, ситуации. Лучшие советы целых поколений мудрых наставников, собранные в этой книге, помогут вам осознать свое истинное «я» и проявить его во всех ваших делах и решениях.

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)

ISBN 978-5-699-37451-9

© Логинова М. Э., составление, 2009
© Михайлов А. М., 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

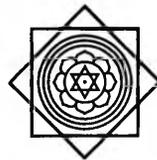
Предисловие

Буддизм, согласно преданию, возник в древней Индии и стал одной из мировых религий. Основоположителем буддизма считается принц Шакьямуни. После Шакьямуни возглавляли древнюю буддийскую общину патриархи, сменявшие друг друга.

28-й буддийский патриарх, Бодхидхарма (412–532), из Индии пришел в Китай (520), где начал проповедовать свое учение, сильно отличавшееся от классического буддизма. Рассказывают, что сначала Бодхидхарма отправился к императору государства Лян, но не понравился ему — тот не понял его учения. После этого Бодхидхарма пришел в государство Вей, где поселился в монастыре Шаолинь. Бодхидхарма считается **первым патриархом** дзен-буддизма (кит. чань-буддизм). В учении дзена, которое проповедовал Бодхидхарма и его первый ученик Эка, было нечто недоступное пониманию большинства буддистов того времени, ограничивающихся абстрактной метафизикой,

упражнениями, успокаивающими ум, или только моральной стороной вопроса. В отличие от них учителя дзена подчеркивали необходимость самостоятельного постижения истины посредством пробуждения внутреннего сознания, не считаясь даже с каноническим учением. Вот как выразил суть дзена один ученик Эки:

«Тень преследует человека, а звук порождает эхо. Изнулив свое тело в погоне за тенью, человек не знает, что тень – это порождение тела. Он не знает также, что эхо нельзя подавить повышением голоса, так как именно голос его и производит. Подобным образом того, кто, стремясь к нирване, подавляет желание и страсти, можно сравнить с человеком, гонящимся за своей собственной тенью, а того, кто стремится к совершенству будды, считая, что оно не зависит от природы живых существ, с тем, кто молчит, но все же желает услышать эхо, произведенное его же голосом. Поэтому и просветленный, и невежда идут одной и той же дорогой: мудрец несколько не отличается от профана. Мы даем название тому, что не имеет никакого названия, однако мы основываем свои суждения на этих названиях. Мы создаем теории там, где они неуместны, и созданные нами теории вызывают споры и разногласия. Все это – призраки, лишённые реальности. Кто может сказать, где правда? Все они пусты и бесплодны: кто знает, что существует и чего не существует? Таким образом, приходится признать, что наше достижение действительно не есть достижение, а потеря также не есть потеря».

Непостижимое

Дзен Будды

Будда сказал:

— Я считаю королей и правителей пылинками праха.

Я смотрю на сокровища, золото и жемчуг, как на кирпич и гальку. Я смотрю на лучшие шелковые одежды, как на рваные лохмотья.

Я вижу мириады миров Вселенной как маленькие зернышки, а самое большое озеро в Индии — как капельку масла на моей ноге. Я понимаю, что учение о мире — это иллюзии фокусников.

Я различаю высшее понятие освобождения, как золотую ткань во сне, и смотрю на святую дорогу среди освещенных дорог, как на цветы перед глазами.

Я вижу медитацию, как опору горы. Нирвану — как ночное сновидение среди дня.

Я смотрю на суждения о верном и неверном, как на коварный танец дракона, а на зарождение и гибель убеждений, как на слезы, оставляемые четырьмя временами года.

Слова Будды

Будда однажды сказал:

— Постой, погоди, молчи. О высшей истине не надо даже думать.

Суть дзен

Бодхидхарма — первый патриарх дзен. Дзен-буддизм — это синтез буддизма и даосизма. В Китае дзен вырос, распространился по всей стране и достиг Японии. Дзен в переводе с японского означает «медитация». Дзен — это состояние, возникающее, когда «жаждущий припадает к источнику бытия». Словами это невозможно передать, но Учителя стремятся выразить это примером своей жизни, как бы говоря: «К чему слова? Делай, как я!»

Ум — это постоянные вопросы и ответы. У пытливого человека должны быть вопросы, но если он примет ответ — вопрос умрет. Вопросы должны оставаться. Один вечный вопрос к бытию и один вечный, непрерывный ответ бытия.

Один ученый пришел к Будде и задал сразу множество вопросов. Будда спросил его:

— Вы пришли искать или задавать вопросы?

Ученый ответил:

— Какая разница? Вопрос — это и есть поиск!

Будда сказал:

— Разница такая же, как между Небесами и Землей.

Поиск — это жажда, а вопрос — это игра ума.

Дзенское хокку говорит:

В озере — отражение диких гусей.

Гуси не просят: «Отрази нас».

Озеро не говорит: «Спасибо —

вы прилетели отразиться во мне».

В чем разница?

Как-то у Бодхидхармы спросили:

— Какова разница между жизнью великого мудреца и жизнью обычного человека?

Бодхидхарма ответил:

— Это подобно осенней паутине. Некоторые ошибочно принимают ее за туман, но это — паутина, парящая в воздухе. Простой человек видит мудреца и считает его жизнь столь же обычной, как и свою собственную; просветленный видит нечто святое в жизни простого человека.

Успокоение сознания

Ученик сказал Бодхидхарме:

— Мое сознание беспокойно. Пожалуйста, успокой мое сознание.

— Принеси мне сюда свое сознание, — ответил Бодхидхарма, — и я его успокою!

— Но когда я ищу свое сознание, — сказал монах, — я не могу найти его.

— Вот! — хлопнул в ладоши Бодхидхарма. — Я успокоил твое сознание!

Сообразительный и глупый ученики

Как-то у Бодхидхармы спросили:

— Кого можно назвать сообразительным учеником и кого — глупым?

Бодхидхарма ответил:

— Сообразительный ученик не привязан к словам учителя, он опирается на свой опыт, чтобы найти истину. Глупый ученик рассчитывает только на слова учителя. Есть два типа учеников. Одни слушают слова учителя, не цепляясь за материальное или нематериальное, не привязываясь к форме и к отсутствию формы, не думая о живом и неживом, — это сообразительные ученики. Другие, они жаждут понимания, накапливая знания и смешивая добро и зло, — глупые ученики. Сообразительный ученик понимает мгновенно: он не использует низший ум, когда слушает учение, но и не следует уму мудрого, в нем слиты и мудрость, и невежество.

Основной принцип святого Учения

Император У-Ди — а он был учеником Бодхидхармы и усердно помогал распространению дзен-буддизма в Китае — как-то спросил у патриарха, что он заслужил своими делами в будущих жизнях.

— Ровно ничего, — ответил тот.

— Каков же, в таком случае, основной принцип святого учения?

— Да оно пусто, в нем нет ничего святого!

— Кто же тогда ты, что стоишь перед нами?

— Я не знаю, — сказал Бодхидхарма.

Что такое дзен?

Некто посетил храм и спросил у его настоятеля:

— Что такое дзен?

Настоятель приложил палец к губам и прошептал:

— Мы не разговариваем в комнате для медитации.

Посетитель последовал за настоятелем в читальню и попытался снова задать тот же вопрос. Но настоятель приложил палец к губам и сказал:

— Здесь мы читаем книги в тишине.

Когда они пришли в трапезную, настоятель, не дожидаясь вопроса, сказал:

— Мы готовим здесь молча и едим без разговоров.

Когда настоятель у дверей храма прощался с посетителем, тот в недоумении спросил:

— Так что же такое дзен?

Кегэн на дереве

Кегэн сказал:

— Дзен вот что такое. Некто, вцепившись зубами в ветку, висит над пропастью. Он не может ухватиться руками

за ветви, не может опереть ногу о сук. И тут вдруг из-под дерева другой спрашивает его:

— Зачем Бодхидхарма пришел из Индии в Китай?

Если тот промолчит — потерпит неудачу как ученик дзен, если ответит — упадет и лишится жизни. Так что же ему делать?

Обучение

Монах по имени Шинро пришел к Сэкито и спросил:

— Что значит: «Бодхидхарма пришел в Китай с Запада»?

Это равносильно тому, что спросить: «В чем заключается суть буддизма?»

Сэкито ответил:

— Обратись с этим вопросом вон к тому столбу.

— Я ничего не понимаю, — сказал монах.

Доисторический Будда

Один монах спросил у Сэйдзе:

— Говорят, Будда жил задолго до начала летописной истории и просидел в медитации десять кругов существования, но не смог осознать высшей истины и поэтому не смог стать совершенно освобожденным. Отчего это было так?

— Твой вопрос уже содержит ответ, — сказал Сэйдзе.

— Но если Будда медитировал, — спросил монах, — отчего же он не мог достичь состояния Будды?

— Он не был Буддой, — ответил Сэйдзе.

Потому что ты спрашиваешь!

— Считается, что каждый имеет природу Будды. Имею ли я ее? — спросил монах у наставника дзен.

— Не имеешь, — ответил наставник.

Тогда монах спросил:

— Если буддийское писание утверждает, что все наделено природой Будды, почему же ее нет у меня? Деревья и камни, горы и реки — все имеет природу Будды. Если это так, почему же я не имею ее?

— Кошки и собаки, горы и реки — все имеет природу Будды, но ты — нет.

— Но почему?

— Потому что ты спрашиваешь!

— Имеют ли живые существа природу Будды или нет?

— Имеют, — ответил монах.

Тогда Окэйсе указал на рисунок собаки на стене и спросил:

— Имеет ли это природу Будды?

Как эхо

Один монах спросил у учителя дзен Тосу:

— Что такое Будда?

Тосу ответил:

— Будда.

- Что такое Дао?
 — Дао.
 — Что такое дзен?
 — Дзен.

Большая разница

Одного дзенского монаха спросили:

— Чем вы занимались до того, как стали Просветленным?

Он сказал:

— Я рубил дрова и носил воду из колодца.

Затем его спросили:

— А теперь, когда вы стали Просветленным, что вы делаете?

Он ответил:

— Что же еще я могу делать? Я рублю дрова и ношу воду из колодца.

Вопрошающий озадаченно спросил:

— В чем же тогда разница? Перед просветлением вы делали это и после просветления делаете то же самое, в чем же тогда разница?

Наставник засмеялся и сказал:

— Разница большая. Раньше я был вынужден делать это, а теперь все происходит естественно. Раньше мне надо было делать усилие: перед тем, как я стал просветленным, это было обязанностью, которую мне приходилось выполнять, делать нехотя, заставляя себя. Я делал это потому, что

мне приказали это делать. Но в глубине души я злился, хотя ничего не говорил.

Теперь я просто рублю дрова, потому что вижу красоту этого и чувствую радость. Я ношу воду из колодца потому, что это мне нужно. Это уже не обязанность, а моя любовь. Я люблю старика. Холодает, зима уже стучится, нам будут нужны дрова. Учитель с каждым днем все больше стареет; ему нужно больше тепла. Необходимо хорошо отапливать его жилище. Именно из этой любви я рублю дрова. Из этой любви я ношу ему воду из колодца. Теперь появилось большое различие. Нет неохоты, нет сопротивления. Я просто откликаюсь на потребности жизни.

Суть

Цзюй-ань, думая, что он достиг чего-то в дзен, совсем молодым монахом оставил монастырь Цзи-мина и отправился странствовать по Китаю. Когда он через несколько лет вернулся посетить монастырь, его старый учитель спросил:

— Скажи мне, в чем суть буддизма?

Цзюй-ань ответил:

— Если облако не висит над горой, свет луны бороздит воды озера.

Цзи-мин гневно взглянул на своего бывшего ученика:

— Ты постарел, твои волосы поседели, твои зубы поредели, а у тебя все еще такое представление о дзен! Как можешь ты избежать рождения и смерти?

Слезы оросили лицо Цзюй-аня, и он низко склонил голову. Через несколько минут он спросил:

— Скажите мне, пожалуйста, в чем суть буддизма?

— Если облако не висит над горой, — ответил учитель, — свет луны бороздит воды озера.

Прежде чем учитель окончил говорить, Цзюй-ань стал просветленным.

Все — лучшее

Когда Бандзан шел по рынку, он услышал разговор между покупателем и мясником.

— Дай мне самый лучший кусок мяса, — сказал покупатель.

— Все, что есть у меня в лавке — лучшее, — ответил мясник. — Ты не сможешь найти кусок мяса, который не был бы самым лучшим.

При этих словах Бандзан обрел просветление.

Кадзан вспотел

Однажды Кадзана попросили исполнить богослужение на похоронах помещика. До тех пор он никогда не видел высородных и знатных господ и поэтому очень нервничал.

Когда церемония началась, Кадзан весь взмок от волнения. Возвратясь с церемонии, Кадзан собрал своих учеников. Он признался, что не достоин быть учителем, что ему не хватает равного отношения к славе и безвестности, которым он обладал в уединенном храме. Затем Кадзан сложил

с себя обязанности и стал учеником другого наставника дзен.

Через восемь лет он вернулся к своим бывшим ученикам просветленным.

Встреча с бодхисаттвой Манджушри

После многих лет мирной медитации один монах дзен понял, что в действительности еще не достиг просветления.

Придя к Учителю, он сказал:

— Прошу вас, разрешите мне уйти: я найду хижину на вершине горы и останусь там, пока не закончу практику.

Учитель, зная, что тот созрел для просветления, дал согласие. Взявшись на гору, монах встретил старика, который шел вниз и нес на плечах большую вязанку дров. Старик спросил:

— Куда идешь, монах?

Тот ответил:

— Иду на вершину горы; там я сяду и дождусь просветления или умру.

И поскольку старик выглядел очень мудрым, монах почувствовал желание спросить его:

— Скажите, почтенный старец, а вы знаете что-нибудь о просветлении?

Старик, который был бодхисаттвой Манджушри (говорят, что он является людям, когда они готовы к просветлению), сбросил с плеч свою вязанку, и она упала на землю.

В то же мгновение монах оказался просветлен.

— О, так просто — всего лишь освободиться и ни к чему не стремиться!

Затем просветленный обернулся к старику и спросил:

— Ну, а теперь что?

В ответ старик нагнулся, снова подобрал вязанку и зашагал к городу.

Маленькие деревья

Сэйкэй спросил Суйби Мугаку:

— В чем заключается основной принцип буддизма?

— Подожди, — сказал Суйби. — Когда мы останемся одни, я тебе скажу.

Через некоторое время Сэйкэй снова обратился к нему:

— Ну вот, теперь мы одни, умоляю тебя, объясни.

Суйби встал и повел сгоравшего от нетерпения Сэйкэя в бамбуковую рощу, но так ничего и не сказал, а когда ученик потребовал ответа, он шепотом промолвил:

— Смотри, как высоки эти деревья и как малы вон те.

Не привязывайся к праху

Учитель Дзенгецу написал наставления для своих учеников:

Живя в мире, не привязывайся к праху его — таков путь настоящего ученика дзен.

Когда видишь, как другой совершает хорошее, поддержи его, следуя его примеру.

Услышав об ошибках другого, старайся не превзойти его.

Даже если ты один в темной комнате, будь таким, как перед лицом благороднейшего гостя.

Выражай свои чувства, но не более, чем это свойственно твоей истинной природе.

Бедность — твое сокровище. Не меняй его на легкую жизнь.

Человек может выглядеть глупцом — но не быть им. Он может просто беречь свою мудрость.

Добродетели — плоды самодисциплины, они не падают с неба, как дождь или снег. Скромность — основа всех добродетелей.

Пусть твои соседи откроют тебя до того, как ты сам откроешься им.

Благородное сердце никогда не принуждает себя. Его слова как редкостные жемчужины, они редко появляются, но имеют большую ценность.

Для чистосердечного ученика каждый день — счастливый.

Время идет, но оно никогда не запаздывает. Ни слова, ни стыд не могут управлять им.

Осуждай себя, а не другого.

Не суди правого и виноватого.

Некоторые верные вещи могут казаться неправильными какому-нибудь поколению. Правда может быть установлена через века, нет нужды требовать немедленной оценки.

Живи делом, а результаты оставь великому закону Вселенной.

Проводи день в мирных размышлениях.

Как станут просветленными трава и деревья

В эпоху Камакура некто Синкан изучал шесть лет учение Тендай, а затем семь лет изучал дзен. После этого он отправился в Китай и еще тринадцать лет изучал дзен. Когда он вернулся в Японию, многим хотелось поговорить с ним, выяснить неясные вопросы. Но когда Синкан принимал посетителей, что случилось не часто, он редко отвечал на их вопросы.

Однажды пятидесятилетний искатель просветления сказал Синкану:

— Я изучал школу мысли Тендай, когда был еще мальчиком, но одного я так и не смог понять в ней. Тендай утверждает, что даже трава и деревья станут просветленными. Мне это кажется очень странным.

— Что пользы обсуждать, как трава и деревья станут просветленными? — спросил Синкан. — Вопрос в том, как тебе самому стать просветленным. Ты когда-нибудь задумывался над этим?

— Я никогда не думал об этом таким образом, — воскликнул старик.

— Так теперь пойд и подумай, — ответил ему Синкан.

Если хочешь вместить дзен

Губернатор одной из провинций спросил Юй-шаня:

— Как я понял, все буддисты должны овладеть Шила (принципами), Дхьяна (медитацией) и Праджна (мудростью). Следуешь ли ты принципам? Практикуешь ли медитацию? Достиг ли ты мудрости?

— Для чего бедному монаху столько лишнего? — ответил Юй-шань.

— Твое учение, должно быть, очень глубоко, — сказал губернатор, — но я не понимаю его.

— Если ты хочешь вместить его, — продолжал Юй-шань, — ты должен взобраться на самую высокую гору и сесть на вершине или погрузиться в самое глубокое море и пройти по дну. Если ты не можешь даже лечь спать, сняв бремя с ума, то как ты сможешь схватить и удержать мой дзен?

Почему?

К дзенскому наставнику пришел ученик и спросил:

— Почему одни люди красивы, а другие безобразны, одни умны, а другие глупы? Почему существует такое противоречие? Почему Бог создал одних красивыми, а других безобразными? И не говорите мне о кармах, что все это из-за прошлых жизней. Как появилась разница с самого начала, когда прошлого еще не было?

Наставник повел его в сад и сказал:

— Вот это дерево большое, а это — маленькое. Я часто сидел под этими деревьями и думал, почему так? Но когда я отбросил ум, то исчез сам вопрос. Сейчас я знаю, что это дерево большое, а это — маленькое. Нет никакой проблемы!

Мгновение дороже сокровища

Важный господин попросил наставника Такуана сказать ему, как ему нужно проводить время. Он чувствовал, что дни его слишком посвящены его учреждению, и попытался сидеть неподвижно, чтобы завоевать почтение других.

Такуан написал четыре пары китайских символов и дал их человеку:

«Этот день не повторится дважды. Мгновение дороже сокровищ. Этот день больше не придет. Каждая минута — бесценное сокровище».

Как учились молчать

Ученики школы Тендай учились медитации еще до того, как дзен пришел в Японию.

Четверо учеников, близкие друзья, обещали друг другу хранить молчание.

Первый день молчали, но когда пришла ночь и керосиновые лампы стали совсем тусклыми, один из учеников не смог сдержаться и крикнул слуге:

— Поправь эти лампы!

Второй ученик удивился, услышав, что первый заговорил.

— Мы ведь договорились не говорить ни слова, — заметил он.

— Вы, болваны, чего вы разговариваете? — спросил третий.

— Один я молчу, — заключил четвертый.

Я просто стою и ничего не делаю

Один последователь дзен-буддизма стоял на вершине холма рано утром в одиночестве. Он стоял неподвижно, одинокий, как холм. Мимо шли трое прохожих.

Один сказал:

— Я знаю этого монаха. Как-то у него потерялась корова. Вот он стоит здесь, высматривает ее с холма.

Второй сказал:

— Но он совсем не смотрит по сторонам. Он вообще неподвижен, его глаза, похоже, почти закрыты. Непохоже, чтобы он что-то искал. Видимо, он гулял с приятелем, и тот отстал — он поджидает.

Третий сказал:

— Непохоже. Если кто-нибудь ждет отставшего, он иногда оглядывается посмотреть, идет приятель или нет. Но он совсем не двигается, он не оглядывается. Он не ожидает, это не поза ожидающего человека. Я думаю, он молится или медитирует.

Они настолько разошлись во мнениях и настолько разгорячились спором, что решили подойти и спросить. Они подошли, и первый спросил:

— Ты ищешь корову? Ведь я знаю, что как-то ты ее потерял и теперь должен высмотреть.

Монах открыл глаза и сказал:

— Я ничем не обладаю, поэтому ничего не могу потерять. Я не ищу ни корову, ни что-либо еще, — и снова закрыл глаза.

Второй сказал:

— Тогда, должно быть, прав я — ты ждешь друга, который отстал.

— У меня нет друзей и врагов, как я могу ждать кого-нибудь? Я одинок — и никто от меня не отставал, так как никого нет. Я совершенно одинок, — ответил тот.

Тогда третий сказал:

— Тогда прав я, потому что больше ничего не остается. Я думаю, ты молишься, медитируешь.

Человек засмеялся:

— Ты — самый глупый, ведь я не знаю никого, кому я мог бы молиться, и у меня нет никакой цели, к которой я бы стремился, так как я могу медитировать?!

Трое одновременно воскликнули:

— Что же ты тогда делаешь?

— Я просто стою и ничего не делаю, — ответил монах.

Чувствуй это!

Ученик спросил:

— Что есть Нирвана?

Наставник ответил:

— Не верить себя порочному кругу рождения и смерти или удовольствия и боли — есть великая Нирвана.

— Что есть порочный круг рождения и смерти и удовольствия и боли?

Наставник сказал:

— Желание Нирваны! Попробуй помолчать и почувствуй, что я имею в виду, говоря: «Желание Нирваны». И обрати внимание, я не говорю: «Думай об этом». Потому что думать — значит упустить. Чувствуй это! Чувствуй это! Чувствуй это!

Такой же, как все

Жил-был человек. Жил как все, работал как все, и даже умер как все.

Но кто-то написал о нем притчу и отдал ее наставнику дзен. Наставник дзен знал, что с ней делать, и поэтому превратил ее в свое учение. И учение распространилось по местности, и стали люди восхвалять наставника дзен, которому, в общем, было все равно. И стали они стекаться толпами, чтобы послушать это великое учение.

И пришел однажды послушать учение наставника дзен обычный человек, который жил как все и работал как все. И понравилось ему учение, и последовал он советам. И стал он светлее и мудрее, хотя мало кто это заметил, кроме него самого. И написал он притчу про своего соседа, который никогда не ходил слушать учения наставника, но жил как

все. И отдал эту притчу наставнику дзен. А наставник дзен, которому было все равно, сказал: «Спасибо». И продолжал распространять свое учение.

Деревянный Будда

Учитель Теннен Танка однажды посетил храм и остановился там на ночь. Настоятель храма был счастлив, поскольку Теннен Танка был очень знаменитым наставником, и большим благословением храму было то, что он пришел сюда. Но ночью Теннен сделал нечто такое, что поразило настоятеля храма. Ночь была холодная, и Теннен сжег деревянного Будду, чтобы согреться. Настоятель храма был шокирован. Когда он увидел огонь в храме, он ворвался туда и обнаружил, что одна из великих статуй Будды отсутствует, а голова ее обгорела наполовину. Он закричал:

— Что ты сделал? Сумасшедший! Ты сжег моего Будду!

Теннен засмеялся и стал разгребать пепел своим посохом. Настоятель спросил:

— А это зачем, ты, сумасшедший?

Теннен сказал:

— Я пытаюсь найти останки Будды.

Настала очередь настоятеля смеяться. Он сказал:

— И впрямь сумасшедший. Деревянный Будда — откуда у него останки?

Теннен спросил:

— Ты в этом уверен?

Настоятель ответил:

— Да, уверен. Как может деревянный Будда иметь останки?

Тогда Теннен сказал:

— Принесите других Будд тоже. В вашем храме их много, так много вам не нужно. Ночь холодная, и я дрожу. Посмотрите, живой Будда дрожит, а деревянные Будды сидят на своих пьедесталах. Принесите их.

Постижение

Однажды к наставнику дзен пришел некий человек и сказал:

— Я не могу ощущать дождь.

Наставник ответил ему:

— Забудь третье слово и приходи на следующей неделе.

Через неделю человек снова пришел к наставнику и сказал:

— Я не ощущаю дождь.

Наставник повернулся в его сторону и сказал:

— Оставь у меня третье слово и приходи через месяц.

Прошел месяц, и человек снова пришел к наставнику.

— Я не дождь, — сказал он.

Наставник внимательно посмотрел на него и сказал:

— Что ж, теперь ты можешь отставить в сторону второе слово и идти под дождь самостоятельно. И если захочешь, приходи ко мне через год.

Через год к наставнику пришел дождь...

Дзенский диалог

Дзенские учителя обучали учеников искусству самовыражения. И вот случилась однажды такая история.

В двух дзенских храмах было по ученику-подростку. Один, отправляясь каждое утро за овощами, встречал на пути другого.

— Куда ты идешь? — спросил как-то первый при встрече.

— Иду, куда ноги несут, — ответил другой.

Этот ответ изумил того, кто спрашивал, и он обратился к своему учителю за помощью.

— Завтра, — сказал учитель, — когда ты встретишь этого мальчика, задай ему тот же вопрос. Он ответит тебе точно так же, мол, иду, куда ноги несут. И тогда ты спроси: «А если бы у тебя не было ног, куда бы ты шел?» Тут-то он и попадет впросак.

На следующее утро дети снова встретились.

— Куда ты идешь? — спросил первый.

— Куда ветер дует, — ответил второй.

Это снова привело в замешательство первого ученика, и он снова обратился за помощью к учителю.

— Спроси его, куда бы он пошел, если бы не было ветра, — предложил ему учитель.

На следующий день дети встретились в третий раз.

— Куда ты идешь? — спросил первый.

— На рынок за овощами, — ответил второй.

Что ты делаешь! Что ты говоришь!

В нынешние времена говорится много чепухи о наставниках и учениках, о наследовании учения наставника любимыми учениками, которое давало им право передавать истину последователям.

Конечно, учение дзен должно было передаваться таким путем, от сердца к сердцу, и в прошлом такое совершалось часто. В ходу были не формулировки и утверждения, а молчание и скромность. Тот, кто получал учение, скрывал это даже через двадцать лет, пока кто-то другой не обнаруживал, что настоящий наставник стремится передать свое учение, но даже и тогда естественно возникали случайности, и учение развивалось по своим законам. Ни при каких обстоятельствах учитель не мог сказать: «Я последователь Такого-то и Того-то».

Подобное заявление как раз доказывало совсем обратное.

У дзенского наставника Мунана был только один последователь. Звали его Сею.

После того как Сею закончил изучение дзен, Мунан позвал его к себе.

— Я стар, — сказал он, — и насколько я могу судить, ты, Сею, единственный, кто может продолжить учение. Вот книга. Она передавалась от наставника к наставнику в течение семи поколений. Я тоже многое добавил к учению согласно своему пониманию. Это очень ценная книга, и я даю ее тебе, чтобы и у тебя были продолжатели.

— Если эта книга такая важная, пусть она лучше будет у тебя, — ответил Сею. — Я получил дзен от тебя безо всяких книг и доволен тем, какой он есть.

— Я знаю это, — сказал Мунан. — Даже если это так, эта работа передавалась от наставника к наставнику в течение семи поколений. Поэтому сбереги ее как символ передачи учения. Вот.

По случайности они разговаривали перед жаровней. Как только Сею ощутил книгу в своих реках, он швырнул ее в пылающие угли. Он не желал быть профессионалом!

Мунан, до сих пор не знавший, что такое гнев, заорал:

— Что ты делаешь!

Сею крикнул в ответ:

— Что ты говоришь?

Белый лист

Пришло время наставнику проверять своих учеников. Он позвал троих, взял белый лист бумаги, капнул на него чернилами и спросил:

— Что вы видите?

Первый ответил: «Черное пятно». Второй: «Кляксу». Третий: «Чернила».

Монах заплакал и ушел в свою келью. Позже ученики спросили:

— Почему вы плакали?

Монах сказал:

— Никто из вас не увидел белого листа.

Великие наставники

Сосан — человек Дао

Сосан был третьим патриархом дзен. Немного известно о нем, но так и должно быть, потому что история записывает в основном то, что касается внешних событий. История не записывает молчания. Все записи касаются беспокойства. Когда кто-то становится просветленным и молчаливым, он исчезает из поля видимого.

Всю жизнь Сосан оставался странствующим монахом и никогда нигде не задерживался надолго. Он был в постоянном движении. В этом смысл буддийских скитальцев: не только во внешнем мире, но и во внутреннем они должны быть бездомными, непривязанными.

Даже когда Сосан стал наставником, всеми признанным просветленным, он продолжал свой прежний нищенский

путь. И ничего особенного не было в нем, он был обычным человеком — человеком Дао. И вместе с этим он не был обычным человеком, а, скорее, он был природным явлением — Буддой.

Молитва Сосана

Однажды император попросил наставника Сосана прийти во дворец и помолиться за него. Сосан пришел, но молиться отказался. Он сказал:

— Это невозможно. Есть несколько вещей в жизни, которые каждый должен делать сам. Например, если ты хочешь обнять женщину, я не могу сделать это за тебя, от твоего имени. Или если ты должен высморкаться, тебе самому придется сделать это. Я не могу сделать этого за тебя, это тебе не поможет. То же самое в отношении молитвы. Как я могу молиться за тебя? Ты сам молись, и я буду молиться.

Сказав это, он закрыл глаза и погрузился в глубокую молитву.

Сосан о пути освобождения

Досин однажды попросил своего учителя Сосана:

— Пожалуйста, укажи мне путь освобождения.

— Кто же и когда тебя поработил?

— Никто.

— Если это так, — сказал учитель, — то зачем же тебе искать освобождения?

Эно и наставник

Когда Эно пришел к наставнику, тот сказал:

— Зачем ты пришел ко мне? Нет нужды тебе быть здесь.

Ты достиг Этого.

Но Эно попросил:

— Позволь мне остаться.

Тогда наставник сказал:

— Хорошо, отправляйся на кухню и начинай перебирать рис. Ко мне не приходи. Если будет нужно, я сам приду к тебе.

Пяти сотням монахов нужен был рис, и Эно с самого утра до позднего вечера перебирал его. Мало-помалу все мысли исчезли. Его дело стало его медитацией. Так прошло двенадцать лет. Наставник состарился и объявил, что хочет найти себе преемника. Он сказал:

— Кто считает, что пробудился и познал Истину, пусть придет и напишет на двери моей хижины свое понимание в четырех строках.

В дневное время никто не осмеливался подойти к его двери, потому что все знали нрав старика. Если бы ему не понравились написанные строки, мог крепко побить. Ночью, когда он уснул, один человек подошел и написал: «Ум — это зеркало, и на зеркале ума собирается пыль желаний; сотри те пыль, и Истина предстанет пред вами». Эти строки понравились всем. В монастыре знали, кому они принадлежат, и ожидали от наставника одобрения, но он молчал.

Монахи пришли на кухню и живо обсуждали этот важный вопрос. Один из них сказал:

— Наставник слишком строг, и если он будет продолжать в таком же духе, то не найдет преемника.

Когда Эно услышал об этих строках, он рассмеялся. Его спросили:

— Глупец, почему ты смеешься? Ты же ничего не знаешь, кроме своего риса.

Никто никогда не слышал, чтобы Эно смеялся или высказывал свое мнение. Он сказал:

— Ум не зеркало, где может собираться пыль желаний. Тот, кто знает это, становится просветленным.

Собралась толпа. Некоторые начали горячиться, говоря:

— Иди и напиши свои слова на двери наставника, если не боишься быть побитым. Может быть, ты станешь его преемником.

Эно сказал:

— За двенадцать лет я разучился писать, кроме того, я не хочу быть ничьим преемником. Идите и напишите эти строки. Посмотрим, что скажет наставник.

Они пошли и написали: «Ум — не зеркало, где может собираться пыль желаний и мыслей.

Кто знает это, тот знает Истину».

Наставник прочитал эти строки, оставаясь в безмолвии. Он не произнес ни слова одобрения или неодобрения. Ночью он пришел к Эно и сказал:

— Я знаю, кто мог получить это озарение. Ну что ж, бери мою чашу и мою мантию и уходи из общины. Ты — мой преемник! Все эти двенадцать лет от тебя исходил свет, но никто не замечал этого. Они приходили на кухню каждый день, но никто не разглядел тебя. Они слишком ученые, и если ты останешься, они нас не поймут. Это породит много зависти. Ты — мой преемник. Иди и продолжай нести мой огонь. Ты достиг!

Эно о колышущемся разуме

Однажды Эно пришел в храм Фа-син в провинции Гуань. Несколько монахов спорили, собравшись у трепещущего флага.

Один из них сказал:

— Флаг — неодушевленный предмет, и не что иное как ветер заставляет его колыхаться.

Но это другой монах возразил:

— И флаг и ветер — неодушевленные вещи, а колыхание вообще невозможно.

Третий протестовал:

— Колыхание вызвано определенным сочетанием причин и следствий.

Четвертый предложил следующую версию:

— В конце концов, нет колыхающегося флага, это просто ветер сам собою движется.

Спор разгорался, но Эно прервал его замечанием:

— Не ветер, не флаг, а ваш разум колышется.

Шестой патриарх Эно и монах Ме

Монах Ме гнался за Эно до самого Дайюрэя. Когда Патриарх увидел, что Ме приближается, он положил на камень накидку и чашу и сказал ему:

— Эта накидка олицетворяет веру. Стоит ли из-за нее сражаться? Можешь забрать ее.

Ме попытался поднять мантию и чашу, но они были тяжелы, как гора — с места не сдвинешь. Он сказал:

— Я пришел за Учением, а не за мантией. Умоляю вас, откройте его вашему слуге!

— Не думай «Это хорошо» или «Это плохо». Когда ты не думаешь о хорошем и плохом — что такое подлинное «я» монаха Ме?

Услышав эти слова, Ме сразу достиг великого просветления. Из глаз у него текли слезы. Он смиренно поклонился и спросил:

— За пределами тайных слов и тайного смысла есть ли что-нибудь более глубокое?

— Ты постиг свое подлинное «я». Все, что глубже этого, принадлежит лишь тебе одному.

— Когда я был на горе Обай вместе с остальными, то ни разу не постиг своего подлинного «я». Когда я получил ваши наставления, я похож на человека, которой пьет воду: он сам знает, холодная вода или теплая. Вы — мой учитель!

— Мы оба ученики Обая. Никогда не забывай, чему ты научился у него! — сказал шестой патриарх.

Вопрос патриарха Эно

Однажды Эно спросил у учеников:

— У меня есть что-то без головы, без хвоста, без имени, без иероглифа. Знаете ли вы, монахи, что это такое?

— Я отвечу вам. Это начало всех Будд. Это моя природа Будды, — сказал Дзенно.

— Я сказал, что оно не имеет ни имени, ни иероглифа, а ты называешь его началом всех Будд. Ты можешь стать настоятелем небольшого храма, но даже тогда ты будешь не более чем пересказывателем дзен, — сказал патриарх.

Эно о природе Будды

Когда пятый патриарх дзен Гунин спросил у Эно, что тому нужно, Эно ответил:

— Я хочу стать Буддой, только и всего!

— Ты относишься к тем людям, что ничем не лучше диких собак, — сказал пятый патриарх. — Разве такой, как ты, может стать Буддой?

— Люди Севера и люди Юга имеют разное место жительства, но одну природу Будды. В этом различия между ними не существует, — ответил Эно.

Обыкновенный человек Эно

Кто-то спросил наставника Судзуки о его учителе Эно:

— Что было особенного в нем?

Судзуки ответил:

— Вот чего я никогда не забуду: я никогда не встречал человека, который думал бы о себе, как о совершенно обыкновенном. Он был простым, обычным человеком, а это наиболее необычно, потому что каждый обыкновенный ум думает, что он необыкновенный.

Басо

Ходзе с горы Дайбай, встретившись с Басо, спросил у него:

— Что такое Будда?

— Твое сознание, — ответил Басо, и Ходзе достиг полного просветления.

Впоследствии, узнав, где Ходзе поселился, Басо послал к нему монаха, который, придя к Ходзе, спросил:

— Встретившись с Басо, ты что-то постиг и после этого поселился в горах. Что ты тогда постиг?

— Басо сказал мне: «Твое сознание — это Будда!», и поэтому я поселился здесь, — ответил Ходзе.

— Но недавно Басо изменил свое мнение, — продолжил монах.

— Как он изменил его? — спросил Ходзе.

— Теперь Басо говорит: «Это не сознание, это не Будда!»

— Вот старый плут! — воскликнул Ходзе. — Он сбивает с толку людей и никогда не говорит им правду! Что ж, пусть он теперь говорит: «Это не сознание, это не Будда!», я по-прежнему скажу тебе: «Твое сознание — это Будда!»

Узнав об этом, Басо с удовлетворением отметил:

— Много слив уже созрело!

Фугюдзай, ученик Басо, поднялся на кафедру и промолвил:

— «Сознание — это Будда» — вот лекарство для тех, кто болен. «Это не сознание, это не Будда» — вот целебное снадобье для тех, кто отравился лекарством.

Фугюдзай доставил письмо Этю, наставнику императора.

— Чему учит вас Басо? — спросил Этю.

— Сознание есть Будда, — ответил Фугюдзай.

— Странно это все, — сказал Этю и после короткого молчания спросил: — А чему еще учит вас Басо?

— Не сознание, не Будда, — сказал Фугюдзай, а затем добавил: — Не сознание, не Будда, не вещь.

— Это уже лучше, — сказал Этю.

— Так говорит Басо, а что вы скажете по этому поводу? — спросил Фугюдзай.

— Оно подобно завихрению воды в реке; оно подобно серпу, который срезает деревья шелковицы.

Таинственное «я»

Монах спросил у Икана, ученика Басо:

— Имеет ли собака природу Будды?

— Да, — ответил Икан.

— А вы имеете природу Будды? — спросил монах.

— Нет, — ответил Икан.

— Все живые существа имеют природу Будды. Почему же вы ее не имеете?

— Я не отношусь к живым существам.

— Учитель, если, как вы говорите, сами вы не относитесь к живым существам, то это ваше «я» является Буддой или нет?

— Нет, это не Будда.

— Что же в таком случае такое это «я»?

— «Я» — это не «что-то».

— Можно ли увидеть ваше «я»? Можно ли о нем подумать?

— Чувства не могут уловить его, мысль также никак не способна охватить его, и поэтому оно и называется таинственным.

Воробей и Будда

Войдя в храм, Сайгун заметил, что воробей оставил свои следы на голове статуи Будды.

— Имеет воробей природу Будды или нет? — спросил Сайгун.

— Имеет! — ответил Неэ, ученик Басо.

— Почему же тогда он оставил следы на голове Будды? — спросил Сайгун.

— Оставляет ли воробей следы на голове у ястреба? — ответил Неэ.

Постижение сущности

Басо шел однажды с Хякудзе, одним из своих учеников. Увидев стаю диких гусей, пролетающих в небе, он спросил:

— Что это такое?

Хякудзе ответил:

— Это дикие гуси, учитель.

— Куда они летят? — снова спросил Басо.

— Они уже все улетели.

Басо повернулся к Хякудзе и ущипнул его за нос. Чувствуя боль, Хякудзе издал глухой стон. Басо не замедлил продолжить:

— Они действительно улетели?

Это пробудило в Хякудзе состояние *сатори*, и достижение его было продемонстрировано на следующий день, когда учитель поднялся на помост, чтобы сказать своим монахам кое-что о дзене. Хякудзе вышел и стал сворачивать коврик, который обычно расстилали перед учителем для того, чтобы его ученики могли совершать на нем свои поклоны. Как правило, это означает, что церемония окончена. Басо встал со своего сиденья и пошел в свою комнату. Хякудзе позвали к учителю. Басо спросил:

— Ведь я не сказал ни слова, почему же ты свернул коврик?

Сатори — состояние просветления, достигаемое путем мгновенного озарения.

Хякудзе ответил:

— Вчера ты был так добр, что ущипнул меня за нос.

— А где сегодня блуждает твой ум?

— Сегодня у меня нос уже не болит.

— Ты действительно достиг глубокого проникновения в сущность сегодняшнего дня, — подтвердил Басо.

Наставление Хякудзе

Наставник дзен Хякудзе даже в восемьдесят лет работал вместе с учениками, ухаживая за садом. Он расчищал дорожки, подрезал деревья и вскапывал землю. Ученикам было жалко видеть своего старого учителя за тяжелой работой. Зная, что он не послушает их совета оставить ее, они решили спрятать его инструменты.

В этот день учитель не стал есть. На другой день он снова не ел. И на третий день он продолжал голодать. «Он, верно, рассердился на то, что мы спрятали инструменты, — догадались ученики. — Положим-ка мы их лучше обратно».

В тот день наставник работал и ел, как и прежде. Вечером, наставляя учеников, он сказал:

— Нет работы — нет еды!

Хякудзе и старый монах

Всякий раз, когда Хякудзе читал проповедь, вместе с монахами ее слушал какой-то старик. Когда монахи выходили из зала, старик выходил вместе с ними, но однажды он остался, и Хякудзе спросил у него:

— Кто ты такой?

— Я не человек, — ответил старик. — В далеком прошлом, во времена Будды Касе, я был главным монахом в этих местах. Как-то монах спросил у меня, может ли просветленный человек подвергнуться воздействию причины и следствия, и я ответил, что не может. За эти свои слова я должен был перерождаться в шкуре лисицы в течение пятисот жизней. Прошу вас, освободите меня от этих перерождений, ответьте, может ли просветленный человек подвергнуться воздействию причины и следствия?

— Никто не может уйти от закона причины и следствия, — ответил Хякудзе.

Старик достиг просветления и, поклонившись, сказал:

— Теперь я освободился от перерождений в шкуре лисицы. Мое тело лежит там, по другую сторону горы. Прошу, похороните меня как монаха.

Хякудзе попросил дьякона ударить в бяку и сообщил монахам, что после полуденной трапезы будет похоронная

Будда Касе — шестой из семи Будд древности.

Бяку — деревянный барабан. Слово буквально означает «делать известным».

Лазарет буквально называется «покои Нирваны», однако для обычного монаха перспектива скорой смерти, даже в преддверии блаженства, не способствовала выздоровлению. Поэтому впоследствии «покои Нирваны» были переименованы в свою противоположность, в «покои продления жизни».

служба по покойному монаху. Монахи очень удивились, потому что все пребывали в добром здравии, и никого не было в лазарете. Они не могли понять, чем вызвано это распоряжение наставника. После трапезы Хякудзе провел их к основанию горы и посохом указал на тело лисицы, которое затем было предано огню.

Вр время вечерней проповеди Хякудзе рассказал монахам всю историю. Обаку спросил:

— Старик ошибся в своем ответе и вынужден был провести пятьсот воплощений в шкуре лисицы. Но если бы он не допустил этой ошибки, что бы с ним случилось?

— Подойди ко мне, — велел Хякудзе, — и я скажу тебе!

Обаку подошел к нему и наставил ухо. Хякудзе всплеснул в ладоши и воскликнул:

— Я думал, только у варвара рыжая борода, а оказывается, есть еще один человек с рыжей бородой!

Хякудзе, Исан и уголек

Однажды Хякудзе встретил Исана и спросил у него:

— Кто ты?

— Рэйю, — ответил Исан (тогда его так звали).

— Повороши кочергой пепел в камине и скажи, остались ли там непогасшие угольки, — сказал Хякудзе.

Рэйю сделал, как было сказано, и ответил:

— В камине не осталось непогасших угольков.

Тогда Хякудзе встал, помешал кочергой пепел и нашел

маленький светящийся уголек. Он поднял его и показал Рэйю со словами:

— Разве этот уже погас?

Рэйю был внезапно просветлен. Он низко поклонился наставнику и поведал ему о новом понимании вещей.

Хякудзе, Исан и имя кувшина

Обучаясь у Хякудзе, Исан исполнял обязанности *гэндзо*. Хякудзе пожелал избрать наставника для горы Дайи. Он позвал главного монаха и всех остальных и сказал им, что наставником может стать только очень одаренный человек. Затем он взял кувшин для воды, поставил его на пол и спросил:

— Не называя это кувшином, скажите, что это такое.

— Это нельзя назвать пнем, — сказал главный монах.

Хякудзе спросил у Исана, что он думает по этому поводу. Исан пнул кувшин ногой.

— Главный монах проиграл! — воскликнул Хякудзе, смеясь.

Исану было велено занять должность наставника в храме.

Гэндзо — монах, занимающийся приготовлением пищи.

Исан, Кедзан и зеркало

Однажды, когда Кедзан жил возле горы Тозэй, Исан послал ему письмо и бронзовое зеркало.

Кедзан проповедовал.

Он прочел письмо и сказал собравшимся монахам:

— Эй вы! Исан послал мне зеркало. Скажите мне, это зеркало Исана или мое? Если вы скажете, что это мое зеркало, разве не правда, что оно пришло от Исана? Если вы скажете, что это зеркало Исана, разве не правда, что оно здесь? Если вы сможете сказать слово дзен, я сохраню это зеркало; если не сможете, я разобью его!

Кедзан повторил последние слова три раза, но никто не ответил, и он разбил зеркало.

Встреча Обаку с Хякудзе

Когда Обаку впервые пришел повидаться с Хякудзе, тот спросил у него:

— Откуда ты пришел с таким величественным видом?

— С таким величественным видом я пришел из Рэйтю.

— Зачем ты пришел? — спросил Хякудзе.

— Просто так, — ответил Обаку.

Хякудзе отдал должное глубине постижения Обаку.

Место для Обаку

Однажды, будучи у Нансэна главным монахом, Обаку взял свою чашку и сел на место Нансэна. Нансэн вошел в зал, и, увидев, что Обаку сидит на его месте, спросил:

— Скажи, сколько лет ты являешься монахом?

— Со времени Царя с Громовым Голосом.

— Значит, ты внук старого наставника О. Слезай!

Обаку пересел на второе место. Нансэн ничего не сказал.

Однажды Обаку блуждал в свое удовольствие в окрестностях горы Тэндай и встретил другого монаха. Они долго разговаривали и смеялись, как старые друзья. Когда они смотрели друг другу в глаза, их взгляды проникали в самую суть. Вместе они спустились в долину и вскоре подошли к полноводному ручью, который преградил им путь. Обаку, сняв соломенную шляпу, в нерешительности стоял на берегу. Монах потянул Обаку к воде, но тот отстранился и сказал:

— Если ты собираешься идти вброд, иди сам, без меня.

Монах приподнял подол своей мантии и пошел по поверхности воды, словно по сухой земле. Затем он обернулся к Обаку и позвал:

— Ну, чего ты стал? Пошли со мной!

— Пропавший ты человек! Если бы я знал, что ты способен на это, я бы отрезал тебе ноги!

Монах вздохнул и исчез, сказав на прощанье:

— Ты подлинный последователь Махаяны. Мне не сравниться с тобой!

Однажды, когда монахи должны были работать на улице, Обаку вышел во двор с Риндзем. Оглянувшись, Обаку увидел, что Риндзай стоит с пустыми руками.

— Где твоя мотыга? — спросил Обаку.

— Кто-то взял ее! — ответил Риндзай.

— Подойди сюда. Я хочу поговорить с тобой.

Риндзай подошел. Обаку поднял свою мотыгу и сказал:

— Вот, смотри! Ни одно существо в Поднебесной не может взять ее в руки и поднять ее так!

Риндзай выхватил мотыгу у него из рук и поднял ее над головой со словами:

— Почему же я держу ее сейчас в руках?

— Сегодня один мой знакомый потрудится на славу, — сказал Обаку и вернулся в храм.

Риндзай и посох

Кто-то спросил Риндзая, наставника дзен:

— Каков путь познания изначального?

Он быстро поднял посох, с которым никогда не расставался во время прогулки, прямо к глазам вопрошающего, отчего тот отпрянул, и сказал:

— Вот! Наблюдайте! Просто посох. Вы можете наблюдать его, нет нужды никого ни о чем спрашивать.

Человек был здорово озадачен. Он поднял глаза, с минуту глядел на посох, а потом сказал:

— Вы всерьез полагаете, что можно достичь просветления простым наблюдением палки?

Риндзай ответил:

— Конечно, нет. Дело не в том, что ты наблюдаешь, а в том, как ты наблюдаешь.

Риндзай-лучник

В Японии в воинах воспитывают бдительность, осознанность. Это основа обучения, все остальное — второстепенно. Искусство фехтования, искусство стрельбы из лука — лишь способы развить бдительность.

О великом наставнике Риндзае рассказывают, что он не всегда добивался успеха в стрельбе из лука. Его стрелы часто пролетали мимо цели. А он был известен как один из величайших лучников. Когда спрашивали:

— Почему он считается великим лучником?

Его ученики отвечали:

— Это не конечная цель, это начало. Мы не имеем отношения к стреле, достигающей цели, мы имеем отношение к стреле, начинающей свой путь.

Среди учеников Риндзая был известный лучник. Ежедневно он учился стрелять из лука, и все его стрелы попадали точно в цель. Риндзай говорил ему:

— Нет, это неудача. Технически стрела вылетает правильно, но ты не весь здесь. Ты теряешь бдительность.

Однажды Риндзаю доложили, что к ним пришел замечательный мастер стрельбы из лука. Риндзай пошел посмотреть. И действительно, человек поражал своим искусством. Когда он прицелился и натянул тетиву, на его локоть поставили чашку с водой и он начал стрелять. Когда первая стрела поразила цель, вторая уже была в тетиве, и за ней сразу последовала третья. Сам он при этом даже не шелохнулся.

Наставник, посмотрев на это, сказал:

— Техника твоей стрельбы хороша, но это всего лишь техника. Ты выглядишь как статуя только снаружи. Пойдем сейчас на высокую гору, встанем на скалу, выступающую над пропастью, и тогда ты будешь стрелять.

Они взобрались на гору. Стоя на скале, выступающей над пропастью в тысячу метров глубиной, Риндзай отступил назад, пока одна треть его ступней не повисла над пропастью. Потом он предложил встать лучнику рядом и стрелять. Тот подошел, взглянул вниз, ноги его задрожали, лицо побледнело. Наставник, продолжая стоять над пропастью, сказал:

— Совершенный человек поднимается над голубым небом, ныряет в желтый источник или странствует во всех восьми пределах мира, и в его душе нет признаков изменения. Но ты был обманут признаками дрожи, твои глаза ошеломлены. И ты надеешься поразить цель?

Риндзай спрашивает, ученик отвечает

Как-то Риндзай попросил своего старшего ученика:

— Скажи что-нибудь об истине.

Старший ученик подошел к Риндзаю и ударил его. Тот засмеялся и сказал:

— Правильно! Ты поступил хорошо, потому что спрашивать нельзя. Ведь каждый вопрос неверен! Когда ученик может ударить наставника, он сам стал наставником. Теперь иди и учи других!

Лин-цзы встречает пустую лодку

Лин-цзы рассказывал: «Когда я был молодым, мне нравилось плавать на лодке; у меня была маленькая лодка: в одиночестве я отправлялся плавать по озеру и мог делать это часами. Однажды я сидел с закрытыми глазами и медитировал. Была прекрасная ночь. Какая-то пустая лодка плыла по течению и ударилась о мою. Во мне поднялся гнев!

Я открыл глаза и собирался обругать побеспокоившего меня человека, но увидел, что лодка пуста. Моему гневу некуда было двигаться. На кого мне было его выплескивать? Мне ничего не оставалось делать, как вновь закрыть глаза и начать присматриваться к своему гневу. В тот момент, когда я увидел его, я сделал первый шаг на моем Пути.

В эту тихую ночь я подошел к центру внутри себя. Пустая лодка стала моим учителем. С тех пор, если кто-то пытался обидеть меня и во мне поднимался гнев, я смеялся и говорил: «Эта лодка тоже пуста». Я закрывал глаза и направлялся внутрь себя».

Лин-цзы об усердии

Однажды утром Лин-цзы находился в храме. Вскоре пришел молодой человек и сел неподалеку с закрытыми глазами в застывшей позе. Этот молодой человек жаждал стать учеником и таким образом думал произвести впечатление на наставника... Лин-цзы подошел и, стукнув его костяшками пальцев по голове, произнес:

- Вставай и уходи! В нашем храме достаточно статуй.
 Огорченный молодой человек обернулся на пороге, и Лин-цзы сказал:
 — Будь живым! Не претендуй и не усердствуй!

Лин-цзы о внутренней природе

Лин-цзы говорил перед собравшимися о том, что каждый человек должен проявить свою внутреннюю природу. Из толпы послышался вопрос:

- Но как это сделать, если я не знаю, кто я?

Лин-цзы перестал говорить. Все насторожились. Какой он даст ответ? Но он не дал ответа. Он сошел со своего кресла и стал пробираться к тому человеку, который задал вопрос. Все внимательно наблюдали. Люди даже перестали дышать. Что он собирается делать? Ведь он мог бы ответить не вставая! В его действиях не было необходимости.

Лин-цзы подошел ближе, сверля человека взглядом, положил ему руку на плечо и сказал:

- Закрой глаза и вспомни того, кто задал вопрос.

Человек закрыл глаза и отправился внутрь, на поиски того, кто задал вопрос.

Люди ждали, наблюдая за ним. Его лицо стало спокойным, умиротворенным, тихим. Тогда Лин-цзы вынужден был встряхнуть его:

- Теперь выходи и скажи всем, кто ты?
 Человек начал смеяться. Потом сказал:
 — Какой чудесный способ отвечать на вопросы.

- Так кто ты есть? — повторил Лин-цзы.
 Человек ответил:
 — Я знаю, но не могу ответить.

Лин-цзы о сухих листьях в саду

Императорский сад создавался три года. И вот к открытию император пригласил знатных гостей полюбоваться красотой. Все были в восторге и расточали лишь комплименты. Но императора особо интересовало мнение Лин-цзы, который считался непревзойденным знатоком садового искусства. Когда император обратился к нему, все присутствующие стали слушать ответ. Лин-цзы сказал:

— Я не вижу ни одного сухого листа. Как жизнь может существовать без смерти? Из-за того, что здесь нет сухих листьев, сад мертв. Я думаю, что сегодня утром его подмести. Прикажете принести немного сухих листьев.

Когда листья принесли и разбросали, ветер начал играть ими. Шорох листьев... и сад ожил! Наставник сказал:

— Теперь все в порядке, ваш сад прекрасен, но он был слишком хорошо спланирован. Искусство становится величайшим, когда оно не обнаруживает себя.

Лин-цзы испытывает монахов

Лин-цзы сказал своему ученику:

— В этом монастыре есть два монаха, которые провели со мною много лет. Пойдем испытаем их.

Они подошли к месту, где два монаха неподвижно сидели в медитации. Лин-цзы поднял топор и сказал:

— Если вы произнесете слово из дзен, вы будете обезглавлены. Если вы не произнесете ни слова из дзен, вы будете обезглавлены тоже.

Оба монаха продолжали сидеть в медитации, совершенно игнорируя Лин-цзы.

— Вы настоящие последователи дзен, — сказал Лин-цзы и бросил топор.

Лин-цзы плачет

Однажды Лин-цзы удивил всех. Когда умер его учитель, Лин-цзы стоял и плакал. Слезы текли по его щекам. Многие его друзья стали говорить:

— Что ты делаешь? Здесь собралось столько людей. Они уже обсуждают твоё поведение и недоумевают: «Невероятно! Лин-цзы плачет! Мы думали, что он полностью непривязан и его дух свободен. И вот он плачет! Он сам учил нас, что душа бессмертна, умирает только тело; что тело — прах, прах возвращается к праху. Почему же сегодня он плачет?»

— Почему ты плачешь? — спросили они. — Ты говоришь, что ключом является непривязанность. Почему же ты привязан к своему учителю?

На это Лин-цзы ответил:

— Ваш вопрос логичен. Слезы текут. Я сам обнаружил, что плачу. Я тоже удивлен. Но что же я могу поделать? Так

во мне проявляется жизнь. И я не стану подавлять её проявления. Я всегда принимал её целиком.

Суть учения Лин-цзы

Лин-цзы сидел на берегу реки, когда к нему подошел философ, поклонился и задал вопрос:

— В чем суть вашего учения?

Лин-цзы посмотрел на него и не произнес ни единого слова. Философ подумал про себя: «Он очень стар, наверное, к тому же и глухой» и крикнул:

— Похоже, вы не слышите меня! Я спрашиваю: какова суть вашего послания?

Лин-цзы засмеялся. Философ подумал: «Что-то странное. Сначала он не ответил, теперь смеется! Может быть, он притворяется, что услышал меня? Но поскольку он не ответил на мой вопрос, значит, он ничего не услышал».

И тогда ученый закричал еще громче:

— Я спрашиваю, какова суть вашего учения?

Лин-цзы спокойно сказал:

— Сначала я ответил — безмолвие. Но вы не смогли этого понять и мне пришлось спуститься немного ниже. Я сказал — смех, радость. Но вы не смогли понять даже этого. Поэтому мне приходится спуститься еще ниже.

И он написал пальцем на песке: «медитация», сказав: «Это мое учение».

Ученый попросил:

— Не могли бы вы уточнить свою мысль, сделать ее более четкой.

Тогда Лин-цзы написал на песке более крупными буквами: «МЕДИТАЦИЯ».

Вконец раздраженный философ спросил:

— Вы что, шутите? Я прошу уточнить, детализировать свою мысль, а вы пишете то же самое, только более крупными буквами. Я профессор философии!

Лин-цзы воскликнул:

— Почему же вы сразу об этом не сказали!

И он написал: НЕ УМ.

Профессор стукнул себя по голове и ушел, даже не попрощавшись.

Лин-цзы и хороший собеседник

Какой-то монах спросил у учителя дзен Лин-цзы:

— В чем состоит основной смысл Дхармы Будды?

Наставник произнес:

— Кхе.

Монах низко поклонился.

— Этот почтенный монах очень хорош как собеседник, — сказал Лин-цзы.

Уход Лин-цзы

Наставник дзен Лин-цзы умирал. Тысячи учеников собрались, чтобы послушать последнюю проповедь, но Лин-цзы просто лежал радостный, улыбающийся, и не

произносил ни единого слова. Один его старый друг, наставник своего собственного пути, видя, что он умирает и не произносит ни слова, напомнил об этом Лин-цзы. Он не был учеником Лин-цзы. Вот почему он смог сказать ему:

— Лин-цзы, ты забыл, что ты должен сказать последние слова? Я всегда говорил, что у тебя плохая память. Ты же умираешь... ты забыл?

Лин-цзы сказал:

— Просто послушай.

А по крыше, крича, бегали белки. Он сказал:

— Как прекрасно.

И умер. В тот момент, когда он сказал: «Просто послушай...», была абсолютная тишина.

Все подумали, что он собирается сказать что-то великое, но только две белки дрались, пищали, бегали по крыше... Он улыбнулся и умер... И все-таки он дал последнее напутствие: не считайте вещи маленькими или большими, повседневными и важными. Все важно. Смерть Лин-цзы так же важна, как и две бегающие белки, — нет разницы. Для существования все равноценно.

Нет ничего великого и нет ничего малого, и значение происходящего зависит только от вас.

Ма-цзы не может ждать

Наставник Ма-цзы объяснял своим ученикам смысл медитации.

Он сказал:

— Если вы произнесете хоть слово, получите тридцать ударов палкой, если вы не произнесете ни слова, будет то же самое — тридцать ударов. Теперь говорите, говорите!

Один ученик вышел вперед и собирался просто поклониться наставнику, но получил удар.

Ученик запротестовал:

— Я не произнес ни единого слова, и вы не позволили мне произнести ни слова. За что же удар?

Наставник засмеялся и сказал:

— Если я буду ждать тебя, твою речь, твоё молчание... слишком поздно. Жизнь не может ждать.

Топор Ма-цзы

Однажды ученик Импо толкал впереди себя тачку, а Ма-цзы сидел на его пути, вытянув ноги.

Импо сказал:

— Учитель, уберите, пожалуйста, ноги!

— То, что вытянуто, не может быть убрано, — сказал Ма-цзы.

— То, что идет вперед, не может повернуть назад, — сказал Импо и толкнул тачку вперед.

Тачка проехала по ногам Ма-цзы, оставив на них синяки и кровоподтеки.

Когда они вернулись с работ, Ма-цзы зашел в зал и сказал, придвинув в себе топор:

— Пусть монах, который недавно поранил мои ноги, подойдет сюда!

Импо подошел и стал перед Ма-цзы, наклоня шею и готовясь принять удар.

Ма-цзы отложил топор в сторону.

Ответ Ма-цзы

Однажды ученик спросил у наставника дзен Ма-цзы:

— Вода не имеет костей, но она легко держит корабль весом в тысячи тонн. Как это может быть?

— Здесь нет воды и нет корабля — что я должен объяснить? — спросил Ма-цзы.

Подлинное лицо Басе

Монах попросил у наставника дзен поэта Басе:

— Покажите мне подлинное лицо.

Басе сидел неподвижно. Сидеть неподвижно, быть полным энергии, но лишенным амбиций — труднее всего в мире!

Басе и посох

Басе сказал ученику:

— Если у тебя есть посох — я тебе его дам. Если у тебя нет посоха — я его у тебя заберу.

Слова Басе — цветы

Басе спросили:

— Расскажите что-нибудь о своих беседах. Вы говорите и при этом выступаете против слов. Вы говорите: «Тот,

кто знает, тот молчит!» Но ведь вы не молчите! Как это понять?

Басе ответил:

— Говорят другие, я цвету!

Басе пишет умирающему

Басе написал следующее письмо одному из своих учеников, который был близок к смерти:

«Сущность твоего разума не была рождена и поэтому никогда не умрет. То, что тленно — не жизнь. Пустота — у нее нет цвета, нет формы. Она не получает наслаждения от удовольствий и не страдает от боли.

Я знаю, ты очень болен. Как хороший дзенский ученик, ты мужественно встречаешь эту болезнь. Ты не можешь точно знать, кто страдает, но спроси себя: «Что является сущностью этого разума?» Думай только над этим. Больше тебе ничего не надо. Твой конец, который не имеет конца, похож на хлопья снега, тающего в чистом воздухе».

Нансэн и кошка

Однажды монахи западного и восточного крыла ссорились из-за кошки. Нансэн поднял кошку и сказал:

— Слушайте меня, монахи! Если кто-нибудь из вас сможет сказать хотя бы одно слово дзен, я выпущу ее; если нет, я убью ее!

Ему никто не ответил, и он убил кошку.

К вечеру в монастырь вернулся Дзесю. Узнав от Нансэна о случившемся, он снял туфлю, положил ее себе на голову и ушел.

— Если бы ты был здесь утром, я бы пощадил кошку! — воскликнул Нансэн.

(Согласно уставу в храме запрещается держать животных, что часто не соблюдают, особенно в отношении кошек, которые были привезены в Японию вместе с сутрами.)

Однажды Нансэн рассыпал пепел перед дверью своей комнаты и прежде, чем захлопнуть ее, сказал:

— Я открою эту дверь только тогда, когда кто-то сможет сказать дзенское слово, но даже в этом случае добра не ждите!

Один только Дзесю сказал:

— Небо голубое! Небо голубое!

Нансэн открыл дверь.

Монах спросил у Нансэна:

— Есть ли истина, о которой никто не говорил?

— Есть, — ответил Нансэн.

— В чем суть истины, о которой до сих пор никто не говорил? — спросил монах.

— Это не ум, это не Будда, это другие вещи, — ответил Нансэн.

Серп Нансэна

Однажды Нансэн работал в горах. Пришел монах и спросил у него:

— Куда ведет путь Нансэна?

Нансэн поднял над головой серп и сказал:

— Я купил этот серп за тридцать монет.

— Меня не интересует ваш серп за тридцать монет. Я спрашиваю о том, куда ведет путь Нансэна!

— Я с удовольствием использую этот серп.

Нансэн и Кису

— Все это время мы с тобой, брат, обсуждали многое, и я знаю, что ты думаешь. Но скажи, если в будущем кто-нибудь спросит у меня, каково было твое мнение о том, что важнее всего в мире, что ему ответить? — спросил Нансэн.

— На этой земле можно построить хорошую хижину, — ответил Кису.

— Забудь о хижине и скажи, что ты думаешь о самом важном в мире?

Кису залпом допил чай и встал.

— Подожди, брат! Ты уже выпил чай, а я свой еще не начинал! — забеспокоился Нансэн.

— Если ты будешь так много болтать, ты не выпьешь ни одной капли!

Нансэн молча ушел.

Нансэн обратился к собравшимся со словами:

— Старый наставник О собрался продать себя. Найдутся ли желающие купить его?

— Я куплю его! — сказал один монах.

— Не плати за меня слишком много. Не плати за меня слишком мало. Сколько ты дашь за меня?

Монах молчал.

Нансэн вышел в сад и увидел там монаха.

Подняв кусок черепицы, Нансэн бросил им в монаха и попал.

Когда монах обернулся к нему, Нансэн поднял ногу. Монах ничего не сказал.

Нансэн вернулся в храм, но монах последовал за ним и попросил наставления. Нансэн отказался.

— Наставник только что бросил в меня куском черепицы. Разве он сделал это не для того, чтобы во мне проснулось стремление к познанию? — спросил монах.

— А что ты скажешь о поднимании ноги? — спросил Нансэн.

Монах молчал.

Однажды Нансэн стирал свою мантию.

— Неужели наставник занимается такими делами? — спросил монах.

Нансэнь выпрямился, поднял свою мокрую мантию и спросил:

— Разве с ней нужно что-то делать?

— Где будет наставник через сто лет? — спросил монах у Нансэня.

— Я стану водяным быком.

— Можно последовать за вами?

— Если последуешь, захвати с собой немного сена.

Дзен Дзесю

Дзесю начал изучать дзен в шестидесятилетнем возрасте, и учился до восьмидесяти лет, когда он постиг дзен. Он преподавал дзен с восьмидесяти до ста двадцати лет. Однажды ученик спросил его:

— Если у меня нет ничего в голове, что мне делать?

Дзесю ответил:

— Выброси его оттуда.

— Но если у меня нет ничего, как же я могу это выбросить? — продолжал спрашивать ученик.

— Ну, — сказал Дзесю, — тогда вытащи его.

Дзесю прозрел

Дзесю спросил Нансэня:

— Что есть путь?

— Путь — это повседневная жизнь, — ответил Нансэнь.

— А можно ли этому научиться? — спросил Дзесю.

— Если ты попробуешь учиться, — ответил Нансэнь, — то будешь от него далеко.

— Но если я не буду учиться, то как я смогу узнать, что это путь? — спросил Дзесю.

— Путь не принадлежит воспринимаемому миру. Также не принадлежит он и миру не воспринимаемому. Познание — иллюзия. Непознание — бессмыслица. Если ты хочешь достичь истинного пути — отдайся свободе, какая есть у неба. Ты не назовешь это ни хорошим, ни плохим, — ответил Нансэнь.

При этих словах Дзесю прозрел.

Ответ Дзесю

Некий монах сказал Дзесю:

— Я только что пришел в монастырь. Пожалуйста, дайте мне наставление.

Дзесю спросил:

— Ты уже съел рисовую кашу?

Монах сказал:

— Да.

— Тогда тебе лучше пойти и вымыть свою миску, — ответил Дзесю.

В этот миг монах обрел просветление.

Дзесю и женщина из Тайдзана

Монах из монастыря, в котором жил Дзесю, как-то спросил пожилую женщину, как пройти в Тайдзан. Она ответила:

— Прямо.

Но не успел монах пройти три или пять шагов, как она добавила:

— И этот монах уходит так же, как другие.

Позже другой монах рассказал Дзесю подобную историю, и тогда Дзесю сказал:

— Подождите, я схожу и испытаю эту женщину.

Он пошел, задал женщине тот же вопрос и получил от нее тот же самый ответ. Вернувшись, он сказал монахам:

— Я испытал пожилую женщину из Тайдзана.

Дзесю пришел к отшельнику и спросил:

— Есть тут что-нибудь? Есть тут что-нибудь?

В ответ отшельник поднял кулак.

— Здесь слишком мелко, чтобы бросить якорь, — сказал Дзесю и ушел.

Придя к другому отшельнику, он снова спросил:

— Есть тут что-нибудь? Есть тут что-нибудь?

В ответ отшельник поднял кулак.

— Свободно ты даешь, свободно отнимаешь, свободно ты даришь жизнь, свободно убиваешь, — сказал Дзесю.

Вежливость Дзесю

Сановник по имени Ее пришел к Дзесю, чтобы получить наставление в дзен.

— Я много постился в молодости, мое тело рано состарилось, и у меня нет больше сил вставать со стула, чтобы приветствовать тех, кто ко мне приходит, — сказал Дзесю и после паузы добавил:

— Вы понимаете?

Ее не понял Дзесю до конца, но почувствовал силу в его словах и воскликнул:

— Какой вы замечательный наставник!

На следующий день Ее послал к Дзесю своего слугу. Дзесю встал и приветствовал его. Главного монаха это удивило, и он спросил у Дзесю, почему тот оказывает такую честь человеку низкого сословия.

— Когда ко мне приходит человек высокого сословия, — сказал Дзесю, — я приветствую его, не вставая со стула; когда ко мне приходит человек среднего сословия, я встаю со стула; когда ко мне приходит человек низкого сословия, я выхожу из храма, чтобы встретить его.

Вот подлинный образец простоты и величия!

Дзесю о грехах Будды

Монах спросил, есть ли у собаки природа Будды.

— Нет! — ответил Дзесю.

— Все ползучие земные твари имеют природу Будды.

Как может собака не иметь ее? — спросил монах.

— Вследствие своего кармического неведения ты привязан к мыслям и эмоциям, — сказал Дзесю.

— Есть ли у собаки природа Будды? — снова спросил монах.

— Да! — ответил Дзесю.

— Вы говорите «Да!», но как может Будда поместиться в теле собаки? — спросил монах.

— Он грешит, сознательно и преднамеренно, — ответил Дзесю.

Духи и камни

— Какую сутру ты проповедуешь? — спросил Дзесю у главного монаха.

— Нирвана-сутру.

— Позволь задать тебе вопрос.

— Пожалуйста. Что вы желаете у меня спросить?

Дзесю ударил ногой пустое место, с шумом втянул воздух и спросил:

— Что это значит?

— В сутрах не пишут о таких вещах!

— Дикий, бездарный человек! Это означает, что пятьсот могущественных духов таскают на себе камни.

Дзесю понимал древних

— О чем говорили древние? — спросил у Дзесю монах.

— Слушай внимательно.

Дзесю пришел к Обаку, который, издали завидев его, закрыл дверь в комнату. Дзесю вошел в зал и заорал:

— Пожар! Пожар! Помогите!

Обаку открыл дверь, схватил его и сказал:

— Говори! Говори!

— Вы натягиваете лук, когда вор уже убежал, — сказал Дзесю.

Дзесю и глаз Будды

— Что такое глаз того, кто никогда не спит? — спросил монах у Дзесю.

— Это физический глаз обычного человека, — ответил Дзесю, а потом добавил:

— Об обычном человеке можно сказать, что он еще не открыл свой духовный глаз, но его физический глаз ничем не отличается от духовного.

— Что такое глаз того, кто спит?

— Глаз Будды, глаз Закона — вот глаз того, кто спит.

Дзесю о пути

— Что такое безошибочный путь? — спросил монах у Дзесю.

— Постигать свой ум, прозревать свою природу — это и есть безошибочный путь.

Дзесю и истина без слов

— Объясните мне истину без слов, — попросил монах.

— Недавно я оглох, — ответил Дзесю.

Монах обошел Дзесю один раз и сказал:

— Прошу вас объяснить мне!

Дзесю встал, обошел вокруг своего сиденья один раз и сказал:

— Сто тысяч Будд вышли из этих ворот.

— Что такое ворота ста тысяч Будд? — спросил монах.

Дзесю ударил его.

— Что такое Будда? — спросил монах у Дзесю.

— Тот, кто стоит в зале.

— В зале стоит статуя, кусок глины!

— Верно.

— Что такое Будда?

— Тот, кто стоит в зале.

Дзесю сказал монахам:

— Глиняный Будда не переправится через реку.
Железный Будда не переправится через плавильный тигль.
Деревянный Будда не переправится через огонь. Что такое Будда?

— Чему учит ваша школа? — спросил монах у Дзесю.

— Говори громче, я плохо слышу — сказал Дзесю.

Монах громко повторил свой вопрос.

— Ты спрашиваешь о моем учении. Я знаю твое.

— Если человек, ушедший из этого мира, внезапно предстанет перед вами и спросит вас, что такое истина, что вы ему ответите? — спросил монах у Дзесю.

— Соль благородна; рис едят повсюду.

Дзесю увидел, как Бун-он кланяется статуе Будды, и ударил его палкой.

— Разве я поступаю нехорошо, когда отдаю дань уважения Будде? — спросил Бун-он.

— Лучше не делать хорошего, — последовал ответ.

Однажды монах нарисовал портрет Дзесю.

— Скажи, это похоже на меня или нет? — спросил Дзесю у монаха. — Если портрет похож на меня, я побью тебя до смерти. Если он не похож на меня, я сожгу тебя живьем.

У монаха не нашлось, что ответить.

— Я слышал, что, когда вселенная будет уничтожена, природа Будды останется. Что такое эта природа? — спросил монах у Дзесю.

— Четыре элемента, пять составных частей. — сказал Дзесю.

— Именно это будет уничтожено. Что такое неуничтожимая природа Будды?

— Четыре элемента и пять составных частей.

Будда и Теса

— Как действует в жизни человек, переживший великую смерть? — спросил Дзесю у Тесу.

— Ты не можешь идти в темноте; ты должен подождать, пока забрезжит рассвет, — ответил Теса.

— В чем смысл слов «Повседневное сознание — это путь»? — спросил монах у Теса.

— Когда хочешь спать — спи; когда хочешь сидеть, сиди.

— Ваш ученик не понимает.

— Когда тебе жарко, ты ищешь прохладное место; когда тебе холодно, ты хочешь согреться.

Ученик кивнул. В этот момент к нему пришло просветление

Просветление Токусана

Однажды ночью Токусан пришел к Рютану за наставлениями. Когда он получил их, Рютан сказал:

— Уже поздно. Тебе пора идти.

Токусан поклонился, поднял шторы и вышел. Увидев, что на улице темно, он вернулся со словами:

— Там уже темно.

Рютан зажег фонарь и протянул его Токусану. Когда тот протянул руку, чтобы взять фонарь, Рютан задул свечу. Токусан достиг просветления и поклонился.

Бокудзю

Был такой наставник Бокудзю. Он жил в пещере и то и дело говорил вслух: «Бокудзю?», а затем сам отвечал: «Я здесь».

Ученики тихонько смеялись над ним.

В последние годы жизни он уже не звал себя по имени. Ученики как-то спросили его:

— Почему ты перестал это делать?

И он ответил:

— Раньше я терял себя, поэтому спрашивал, но теперь в этом нет необходимости. Бокудзю всегда здесь.

Уммон и калитка

Уммон не был удовлетворен тем знанием буддизма, которое он почерпнул из книг, и пришел к Бокудзю, чтобы

произвести окончательный подсчет своего умственного баланса. Увидев, что Уммон приближается к калитке, Бокудзю закрыл ее перед самым его носом. Уммон не мог понять, что все это означает, однако постучал, и голос с той стороны ответил:

— Кто там?

— Меня зовут Уммон, я из Чжи-сина.

— Чего тебе надо?

— Я не могу постичь суть своего существа и от всей души прошу помочь мне.

Бокудзю открыл калитку, посмотрел на Уммона, а затем закрыл ее. Не зная, что делать, Уммон ушел. Он действительно был очень озадачен и через некоторое время снова пришел к Бокудзю. Но тот обошелся с ним так, как в первый раз. Когда Уммон пришел в третий раз к Бокудзю, он твердо решил во что бы то ни стало поговорить с учителем. На этот раз, как только калитка открылась, он проскользнул внутрь. Вторгшийся сразу же был схвачен за грудь, и учитель потребовал от него:

— Говори, говори.

Уммон был ошеломлен и не знал, что делать. Бокудзю, однако, не терял времени, снова выставил его за дверь, сказав:

— Ты никудышный парень.

Когда тяжелая калитка закрылась, она прищемила Уммону ногу, и он закричал: «Ох! Ох!» Но это открыло ему глаза на все, что произошло.

— Мы всегда надеваем одежду, снимаем одежду и принимаем пищу. Можно ли избежать этого? — спросил монах.

— Надевай одежду, снимай одежду, принимай пищу, — ответил Бокудзю.

— Не понимаю, — сказал монах.

— Не понимать означает носить одежду и принимать пищу, — последовал ответ.

Банальность для Бокудзю

Однажды Бокудзю увидел монаха, раздававшего кунжутные булочки.

— Что ты раздаешь? — спросил Бокудзю.

— Кунжутные булочки.

— Банальный человек.

Однажды к Бокудзю пришел талантливый человек.

— Какую судьбу навлекли на себя ваши предки? — спросил у него Бокудзю.

— Я понимаю писания двадцати четырех наставников.

Бокудзю ударил посохом воздух и спросил:

— Вы понимаете, что я имею в виду?

Талантливый человек молчал.

— Вы говорите, что понимаете писания двадцати четырех наставников, как же тогда получается, что вы не

понимаете восьмеричный смысл иероглифа «вечность»? — сказал Бокудзю.

Наставление Бокудзю

— Я стал монахом совсем недавно. Прошу вас, дайте мне наставления! — обратился к Бокудзю монах.

— Ты новый монах?

— Да.

— Если ты не будешь противопоставлять себя другим, тебе нечего стыдиться, — сказал Бокудзю.

— Не понимаю.

— Подойди ближе, и я объясню тебе.

Монах подошел.

— Пошел вон отсюда! — крикнул Бокудзю.

Слово Бокудзю

Некто пришел к наставнику дзен Бокудзю и сказал:

— Я проходил мимо, но не могу оставаться у тебя долго.

И я подумал, что хорошо было бы зайти и послушать тебя. Мне много не надо. Скажи просто одно слово или одну фразу, которая означала бы истину, и я понесу их в моем сердце!

Бокудзю ответил:

— Я не могу этого сделать, потому что даже одно слово может разрушить истину. И спешишь ты или нет, я не могу ничего сказать. Неси только это — ты спросил Бокудзю, он сказал тебе: «Я ничего не могу сказать». Помни только это.

Человек сказал:

— Это не очень-то много, и это мне не поможет. Скажи что-нибудь, лишь слово. Я многого не прошу.

Бокудзю сказал:

— Не заставляй меня. Даже одного слова достаточно, чтобы истина испарилась. Просто посмотри на меня и неси это в своем сердце.

Палка Бокудзю выше Учения

— Что может быть выше учения Будд и Патриархов? — спросил монах.

Бокудзю, не задумываясь, поднял вверх посох и сказал:

— Я называю это палкой. Как вы назовете это?

Монах молчал. Тогда Бокудзю снова поднял посох и спросил:

— Что может быть выше учения Будд и Патриархов, — разве ты не об этом меня спрашивал?

Монах по-прежнему молчал.

Убей Бокудзю

Ученик пришел к Бокудзю. Поклонившись, прикоснулся к его ногам и спросил:

— Как долго мне придется ждать моего просветления?

Бокудзю смотрел на него долго, очень долго. Ученик начал беспокоиться, он повторил вопрос:

— Почему вы долго смотрите на меня и не отвечаете?

Наставник произнес ответ дзен. Он сказал:

— Убей меня!

Ученик не мог поверить, что это ответ на его вопрос. Смущенный, он ушел и обратился к старшему товарищу. Тот засмеялся и сказал:

— Ты не понял? Он сказал: почему вы продолжаете спрашивать меня? Оставьте этого наставника, оставьте всякое спрашивание. Убейте меня в себе, убейте мой авторитет. Оставьте всякое учение. Кто я? Я не удерживаю вас. Жизнь открыта для всех. Почему вы не начинаете жить? Почему вы продолжаете готовиться?

Бокудзю и пустота

Однажды к наставнику Бокудзю пришел большой ученый. Он изучил все священные писания, отлично владел речью и логикой, знал все обо всем. Он спросил наставника:

— Вы читали «Лотосовую сутру»?

— Нет, не читал, — ответил наставник.

Ученый сказал:

— Но говорят, что вы просветленный!

Бокудзю сказал:

— Люди чего только не придумают. Я вообще мало читал и ничего не знаю.

Ученый сказал:

— Тогда я вам ее почитаю, и то, что будет непонятным, мы обсудим.

Он начал читать. В сутре говорилось, что все — пустота:

природа всех вещей есть пустота, ничто, стоит настроиться на эту пустоту и вы достигнете.

Вдруг Бокудзю вскочил и ударил философа по голове. Тот рассвирепел и закричал:

— Вы ненормальный! Вы хулиган! Что это за шутки?

Бокудзю сел на место и спокойно спросил:

— Если все есть ничто, пустота, то откуда этот гнев?

Философ озадаченно сказал:

— Этого в сутре не написано, и бить меня — это не способ задавать вопросы.

Бокудзю спрашивает про усталость

Один сановник должен был прийти к Бокудзю в назначенное время, но опоздал. Бокудзю спросил его:

— Почему вы задержались?

Тот ответил, что он играл в поло.

Наставник спросил:

— Кто бьет по мячу, наездник или лошадь?

Сановник ответил:

— Наездник.

— Он устал?

— Да, он устал.

— А лошадь устала?

— И она устала.

Затем Бокудзю спросил:

— А ворота устали?

Озадаченный сановник ушел домой. Весь вечер он

размышлял над странным вопросом наставника. И ночью к нему неожиданно пришло решение. На следующий день он пошел к наставнику. Бокудзю спросил:

— Устали ли ворота?

— Да, устали, — сказал сановник.

Бокудзю рассмеялся и сказал:

— Ты прав.

Как Бокудзю ест, спит и гуляет

Кто-то спросил Бокудзю:

— Что вы делаете? Какова ваша религиозная дисциплина?

Он ответил:

— Я живу обычной жизнью — это моя дисциплина.

Когда я чувствую голод, я ем. Когда я чувствую, что хочу спать, я сплю.

Спрашивающий был озадачен. Он сказал:

— Но я не вижу в этом ничего особенного.

Бокудзю сказал:

— В этом вся суть. Нет ничего особенного. Все жаждущие чего-то особенного являются эгоистами.

Спрашивающий все еще был озадачен. Он сказал:

— Но это делают все: когда голодны — едят, когда хотят спать — спят.

Бокудзю рассмеялся и сказал:

— Нет. Это вовсе не так. Что делаете вы, когда едите? Вы делаете тысячу и одну вещь: вы думаете, мечтаете,

воображаете, вспоминаете. Вы делаете все это, а не только едите. Когда я ем, то я просто ем: тогда существует только еда и ничего больше. Когда вы спите, вы еще видите сны, боретесь, видите кошмары. Когда я сплю, то я просто сплю, не существует больше ничего. Когда есть сон, то есть только сон. Нет даже Бокудзю. Когда я гуляю, то существует только прогулка, не существует никакого Бокудзю: просто прогулка.

Упорный ученик Бокудзю

Один человек изучал дзен под руководством Бокудзю, которому был очень предан. Каждый раз, когда он приближался к нему, Бокудзю махал рукой, говоря:

— Не сейчас, не сейчас!

Однажды вечером ученик пришел в отчаянье:

— Как же быть? Наставник просто гонит меня, говоря: «Не сейчас». Что я могу сделать? Что я должен думать об этом?

Он продолжал в том же духе, думая, размышляя, медитируя, отчаянно, но упорно придерживаясь объекта своего исследования и рассматривая его со всевозможных точек зрения.

Внезапно что-то вспыхнуло в его уме, и он сразу же осознал, чего хочет от него наставник.

На следующее утро он посетил наставника. Увидя его, тот воскликнул:

— У тебя есть это, у тебя есть это сейчас!

Бокудзю и ручей

Один дзенский монах, знаменитый наставник Бокудзю, говорил: «Иди и пересеки ручей, но не позволяй воде прикоснуться к тебе». А через ручей около его монастыря не было никакого моста. Многие пытались сделать это, но когда они пересекали ручей, то, конечно же, вода прикасалась к ним. Поэтому однажды один монах пришел к нему и сказал:

— Вы задали нам неразрешимую задачу. Мы пытаемся пересечь этот ручей; через него нет никакого моста. Если бы был мост, то мы, конечно же, пересекли бы ручей, и вода не прикоснулась бы к нам. Но мы вынуждены идти через поток — и вода прикасается к нам.

И Бокудзю сказал:

— Я пойду и пересеку его, а вы наблюдайте.

И Бокудзю пересек ручей. Вода, конечно, прикоснулась к его ногам, и монах сказал:

— Смотрите, вода прикоснулась к вам!

Бокудзю ответил:

— Насколько я знаю, она не прикоснулась ко мне. Я был просто свидетелем. Вода прикоснулась к моим ногам, но вода не прикоснулась ко мне. Я был просто очевидцем. При пассивной чуткой внимательности, при свидетельствовании вы проходите через мир. Это очень просто. Попробуйте понять. Вы находитесь в мире, но мир вовсе не находится в вас.

Бокудзю трет кирпич

Один ученик Бокудзю медитировал в течение нескольких лет. Когда он приходил к наставнику, тот отправлял его назад со словами:

— Все это чепуха! Возвращайся и медитируй снова.

Однажды Бокудзю пришел сам к нему домой. Тот сидел в позе лотоса. Бокудзю растолкал его и сказал:

— Что ты сидишь как истукан? Нам не нужны каменные изваяния, мы их имеем в большом количестве в храме! Просто сидя, подобно статуе, ты не достигнешь состояния медитации. Посредством успокоения тела твой разум не исчезнет, так как именно с помощью разума ты успокаиваешь свое тело. Все то, что сделано разумом, будет укреплять только разум.

Прошел год. Учитель пришел снова. Ученик сидел почти в состоянии эйфории, с закрытыми глазами, наслаждаясь утренним ветерком и солнцем. Бокудзю взял кирпич и начал тереть его о камень, находящийся перед учеником. Ученик открыл глаза и с удивлением начал наблюдать за наставником. Бокудзю сосредоточенно продолжал тереть кирпич о каменную плиту. Наконец, ученик не выдержал и закричал:

— Что вы делаете?

Бокудзю спокойно ответил:

— Я намереваюсь сделать из этого кирпича зеркало! Если тереть его достаточно долго, то, я думаю, он станет зеркалом.

Ученик засмеялся и сказал:

— Но это невозможно! Сколько его ни тереть, кирпич останется кирпичом.

Учитель сказал:

— Твой ответ свидетельствует о некотором разуме! Тогда что ты делаешь? В течение нескольких лет ты стараешься извлечь медитацию из разума,— это подобно попытке сделать зеркало из кирпича.

И Бокудзю бросил кирпич в пруд, который находился рядом с деревом, под которым сидел ученик. Кирпич произвел всплеск. Этого звука было достаточно, чтобы произошло чудо. Что-то пробудилось в ученике. Сон был нарушен, мечта развеяна, он ожил! Впервые он вкусил что-то от медитации.

Сон Бокудзю

Однажды утром Бокудзю проснулся и сразу же позвал старшего ученика, говоря:

— Послушай, мне приснился сон. Можешь ли ты растолковать его знамение?

Ученик ответил:

— Подождите! Сначала я принесу воды, чтобы вы могли умыться свое лицо.

Он принес кувшин с водой и помог наставнику умыться. В это время мимо проходил другой ученик. Наставник сказал:

— Послушай, мне приснился сон. Не можешь ли ты дать его толкование?

— Лучше я принесу вам чашечку чая! — сказал ученик и ушел.

Еще один ученик слышал слова наставника, он подошел ближе и спросил:

— Что за сон вам приснился?

И в ответ получил удар бамбуковой палкой по голове. Двое учеников и наставник разразились громким смехом.

Бокудзю и сумасшедший

Бокудзю шел с учеником в храм после утренней прогулки. Сзади подошел какой-то человек, сильно ударил его палкой по спине и убежал. Бокудзю даже не обернулся; он продолжал свою прогулку. Ученик был потрясен. Он сказал:

— Он ударил вас так сильно, а вы даже не оглянулись!

Бокудзю сказал:

— Это его проблема. Он, должно быть, сумасшедший, бедняга. Я очень сочувствую ему. Я не могу посмотреть назад, потому что он уже сумасшедший; мой взгляд сделает его еще более сумасшедшим. Придя домой, он может почувствовать вину, подумать, что я осуждаю его. Нет, это не гуманно. Он и так в беде. Нет необходимости создавать ему новые проблемы.

Бокудзю следовал своему учителю

Один человек пришел к Бокудзю и спросил:

— Вы действительно следовали своему Учителю?

— Да, я следовал ему, — ответил Бокудзю.

Но всем было известно, что Бокудзю вовсе не следовал своему Учителю. Поэтому человек недоверчиво спросил:

— Вы хотите обмануть меня? Все знают, что вы не следовали своему учителю, и все же вы утверждаете, что следовали ему. Что вы имеете в виду?

Бокудзю ответил:

— Я следовал своему учителю, потому что мой учитель никогда никому не следовал, даже своему учителю. Этому я научился у него!

Уход наставника

Когда пришло время умирать, Бокудзю собрал учеников и объявил им об этом. Потом он обратился к ним со словами:

— Вы знаете меня, всю свою жизнь я ничего ни за кем не повторял. Теперь я обращаюсь к вам за советом. Есть ли какой-нибудь необычный способ ухода из жизни?

Один ученик предложил:

— Может быть, вы умрете в позе «лотоса»?

Но другие сказали:

— Многие мудрецы умирали в позе «лотоса». Это не ново.

Кто-то сказал:

— Вы можете умереть стоя.

Они обсуждали это так, как будто это была просто игра.

Кто-то стал возражать:

— Я уже слышал о мудреце, который умер стоя.

Тогда кто-то предложил:

— Остается одно. Умереть, стоя на голове. Я думаю, что этого еще никто не делал.

Неожиданно для всех присутствующих наставник сказал:

— Это мне подходит. Ну что ж, друзья, прощайте!

Он встал на голову и умер.

Ученики растерялись. Они не знали, что им делать. Это произошло так неожиданно. Они думали: «Что делать с телом, которое стоит на голове? Раз уж этот старик такой чужак, мог бы сказать нам, как следует поступить в этом случае».

Кто-то предложил:

— Его старшая сестра монахиня живет в женском монастыре неподалеку. Лучше позвать ее, а то мы можем сделать что-нибудь не так и будет нехорошо, если мы сделаем что-нибудь не то с нашим наставником.

Двое учеников побежали. Сестра Бокудзю была старше, чем он. Она пришла в большом гневе и закричала от самого порога:

— Он всю жизнь был хулиганом и никогда не вел себя так, как должен вести себя нормальный человек. Но я никогда не думала, что он может умереть по-хулигански! Где он?

Толпа расступилась перед нею, и она продолжала:

— Бокудзю, ты идиот! Ты стал просветленным, но не забыл свои проделки. Опускайся и ложись на кровать, как положено!

Бокудзю пришлось подчиниться: нельзя не послушаться старшую сестру! Ученики не могли поверить! Они проверяли — он не дышал и сердце его не билось! Бокудзю опустил, лег на кровать и сказал своей сестре:

— Ну хорошо, можешь идти. Я умру, как положено.

Сестра ушла, и он умер, как положено. Ученики снова проверили. Все было по-прежнему: ни дыхания, ни пульса.

Не оставлять следов

Умирая, дзенский монах Бокудзю попросил своих учеников принести все его книги, все, что он написал, и все, что он сказал. Все это было сложено, но они не могли понять, что он собирается делать. А он начал сооружать из них костер. Они начали кричать.

Бокудзю, видя такое, сказал:

— Я собираюсь уходить и не хочу оставлять за собой следов. Я не должен оставить ни одного отпечатка своих ног. Отныне тот, кто пожелает следовать за мной, должен будет следовать за собой. Тот, кто захочет понять меня, должен будет понять себя. Вот почему я уничтожаю все эти книги.

Уммон и Тодзан

Тодзан пришел к учителю Уммону. Уммон спросил его, откуда он пришел.

— Из деревни, — ответил Тодзан.

— А где ты был летом? — спросил Уммон.

— Учитель, этим летом я был в монастыре Ходзи,

том самом, что стоит на южном берегу озера, — ответил Тодзан.

— Когда же ты его покинул? — спросил Уммон, дивясь про себя: сколько же еще Тодзан сможет так отвечать.

— Двадцать пятого августа, — ответил Тодзан.

— Мне следовало бы отвесить тебе три удара палкой за такие ответы, но я тебя прощаю, — сказал Уммон.

На следующий день Тодзан поклонился Уммону и спросил:

— Вчера вы мне простили три удара палкой, но я не пойму — за что?

Упрекая Тодзана за бездушные ответы, Уммон сказал:

— Ты ни на что не годен.

Уммон еще не кончил говорить, как Тодзан прозрел.

Уммон сказал: «Мир вокруг без конца и без края. Почему вы надеваете монашескую мантию, когда слышите удары колокола?»

Возраст Уммона

— Разрешите спросить, сколько вам лет? — спросил монах у Уммона.

— Семью девять — шестьдесят восемь.

— Как это может быть: «Семью девять — шестьдесят восемь»?

— Я добавил пять лет для тебя.

Хогэн и Токусе

Токусе из секты Тэндай обошел не менее пятидесяти четырех наставников дзен, но не смог достичь просветления. И вот он пришел в Сайсэн к Хогэну. Стоило лишь Токусе показаться у ворот монастыря, как Хогэн сразу понял, на что способен этот на вид неприглядный монах. Однажды Хогэн поднялся на кафедру и некто, подойдя к нему, спросил:

— Что такое капля воды из источника Со?

— Это капля воды из источника Со, — ответил Хогэн.

Монах с недоумением посмотрел на него и вернулся на свое место, но Токусе, который находился поблизости, достиг просветления. Вопросы, которые преследовали его всю жизнь, больше не нуждались в ответах.

Бедный Сэйдзе и Содзан

Монах по имени Сэйдзе спросил Содзана:

— Сэйдзе одинок и беден. Вы не поможете ему?

— Сэйдзе, — позвал Содзан.

— Да, господин, — отозвался Сэйдзе.

— У тебя уже есть дзен — лучшее вино в Китае, — сказал Содзан, — и ты уже три чашки выпил, а все говоришь, что губ не намочил.

Содзан о самом ценном на свете

Ученик спросил наставника дзен Содзана:

— Что на свете самое ценное?

— Голова дохлой кошки, — ответил учитель.

— Почему же голова дохлой кошки — самое ценное на свете? — попытался выяснить ученик.

— Потому что никто не может назвать ее цену, — ответил Содзан.

Содзан пришел к Тодзану проститься.

— Куда ты идешь? — спросил Тодзан.

— Туда, где нет изменений.

— Как ты можешь идти туда?

— Уже само «идти» неизменно.

— Искатели истины безнадежно больны. Вы будете лечить их? — спросил монах у Содзана.

— Нет.

— Почему?

— Ищущий жизнь не находит ее; ищущий смерть не находит ее.

Догэн и тяжелая голова

Дзенский монах Догэн жил уединенно в своей хижине на опушке леса. Как-то несколько странствующих буддийских монахов попросились к нему на ночлег.

Когда они согрелись у огня и поужинали, то завели разговор о сущности бытия, утверждая, что мир — лишь иллюзия человеческого сознания.

Устав слушать их болтовню, Догэн спросил:

— Как вы считаете, вон тот камень находится внутри или снаружи сознания?

Один монах ответил с умным видом:

— Конечно, внутри.

— Твоя голова, должно быть, очень тяжелая, — сказал ему Догэн, — раз ты носишь в своем сознании такие камни!

Последняя воля и завещание

Иккю, знаменитый дзенский учитель эры Асикага, был сыном императора. Когда он был совсем молодым, его мать покинула дворец и ушла в храм изучать дзен. Тогда принц Иккю тоже стал студентом. Когда его мать умерла, она оставила ему письмо. Оно гласило:

«К Иккю:

Я закончила свое дело в этой жизни и теперь возвращаюсь в Вечность. Я хочу, чтобы ты стал хорошим учеником и реализовал свою природу Будды. Ты будешь знать, в аду ли я и всегда ли я с тобой или нет.

Если ты станешь человеком, осознавшим, что Будда и его последователь Бодхидхарма — его слуги, ты можешь закончить учиться и будешь работать для человечества. Будда проповедовал сорок девять лет и за это время понял, что не нужно говорить ни слова. Ты должен знать, почему. Но если ты не знаешь и все еще хочешь узнать, избегай бесполезного думания.

Твоя мать, не рожденная, не умершая. Первое сентября.

Учение Будды было, главным образом, для просветления других. Если ты зависишь от любого из методов, ты — ничто, невежественное насекомое. Существует восемьдесят тысяч книг по буддизму, и если ты хочешь прочесть их все и до сих пор не видишь собственной природы, ты не поймешь даже это письмо. Это моя последняя воля и завещание».

Иккю разбил чашу

Иккю, дзенский наставник, был очень умен, даже когда был еще мальчиком. У его учителя была драгоценная чаша для чая, редкая антикварная вещь. Случилось так, что Иккю разбил эту чашу и очень растерялся. Услышав шаги учителя, он спрятал осколки чашки за спину.

Когда наставник вошел, Иккю спросил:

— Почему люди умирают?

— Это естественно, — объяснил старик. — Все должно умереть, и особенно то, что уже долго жило.

Иккю, показывая разбитую вдребезги чашку, добавил:

— Вашей чашке настало время умереть.

Иккю — просветленный человек

Ренно, настоятель храма Хонгандзи, спросил Иккю, наставника дзен и своего современника:

— Я слышал, вы — просветленный человек. Это так?

— Я никогда не совершал такого зла, — ответил Иккю.

Иккю пишет мудрые слова

Однажды некто обратился к учителю дзен Иккю:

— Учитель, напишите мне, пожалуйста, несколько изречений великой мудрости.

Иккю сразу же взял кисточку и написал слово «внимание».

— Это все? — спросил тот человек. — И вы не добавите что-нибудь еще?

Иккю написал тогда два раза подряд: «внимание, внимание».

— Ей-богу, — произнес тот человек с заметным раздражением, — я не вижу особой глубины или остроты в том, что вы написали.

Тогда Иккю написал то же слово трижды подряд: «Внимание! Внимание! Внимание!»

Почти в гневе посетитель потребовал объяснить:

— Что же все-таки означает слово «внимание»?

На что Иккю мягко ответил:

— Внимание означает внимание.

Напутствие Иккю

Перед самым уходом монаха Нинакавы из этого мира его навестил наставник Иккю.

— Можно мне напутствовать тебя? — спросил он.

— Я пришел сюда один, — ответил Нинакава, — один и уйду. Чем можешь ты мне помочь?

— Если ты считаешь, что ты и в самом деле пришел и уйдешь, то ты заблуждаешься, — ответил Иккю. — Позволь мне показать тебе путь, в котором нет прихода и ухода.

Эти слова Иккю так ясно открыли Нинакаве путь, что он улыбнулся и ушел.

Наставник Банкэй

Тридцати лет от роду Банкэй вернулся домой из Нагасаки. К тому времени имя Банкэя было уже широко известно по всей стране. Множество учеников приходило в Хамада в поисках его учения, но он отказывался разговаривать с ними и по прошествии некоторого времени они уходили, так и не встретившись с ним. Люди говорили ему, что он должен принять учеников и даровать им свое учение.

— Я знаю, что такое сострадание, — улыбнулся Банкэй. — Принять учеников и учить их не так уж и сложно. Но это может привести их к бессмысленным рассуждениям. Когда придет время и сложится подходящая ситуация, они станут Буддами и патриархами, услышав лишь одно слово или увидев тень.

И действительно, впоследствии Банкэй принял множество самых разных учеников. Их преданность Банкэю и его учению была сильной и непоколебимой. Даже те, кто приходили к нему, вооружившись своими предвзятыми взглядами и предубеждениями, с тем чтобы помериться с наставником силой, встретив его и услышав одно или несколько слов его наставлений, принимали его учение прямо в свое сердце.

Банкэй несколько раз останавливался в уединенной обители Гекурю-ан (впоследствии храм Гекурюдзи) в горах Хитати. Во время одного из его пребываний там он сказал одному монаху, который находился в той же обители:

— Нынешняя зима необычайно холодна. Умпо уже стар. Я беспокоюсь о его здоровье. Кроме того, вчера ночью в Осаке скончалась жена моего ученика Энни. В течение многих лет он и его жена были добры ко мне и оказывали мне поддержку. Я хочу отправиться туда и выразить мои соболезнования.

— Я пришел сюда, чтобы разделить с тобой эту хижину и практиковать рядом с тобой, потому что я думал, что ты являешься человеком Пути, — сказал этот монах с отвращением, и лицо его покраснело от гнева. — Осака находится за много дней пути отсюда. Ты никак не мог узнать о том, что кто-то умер там вчера. Зачем ты вытворяешь подобные бесстыжие трюки, эх ты, лжец!

— В таком случае, — сказал Банкэй, — пойдём со мной. Тогда ты перестанешь сомневаться.

И они вдвоем отправились в Осаку. Когда они пришли туда, монах сказал:

— Если это неправда, я сорву с тебя твое монашеское облачение.

— Хорошо, идем, — сказал Банкэй.

Когда они подошли к дому, Энни, преисполнившись

радости, поспешил к воротам, чтобы поприветствовать гостей.

— В течение нескольких дней я только и надеялся на то, что вы придете сюда, — сказал он. — Моя жена скончалась, и завтра будет проводиться поминальная церемония седьмого дня. Ваше присутствие здесь — это ответ на мои молитвы.

Банкэй глянул на своего спутника. Все признаки былой обиды и презрения исчезли с его лица.

— Я обязуюсь следовать за тобой всю свою оставшуюся жизнь, — смиренно произнес он.

Потом Банкэй продолжил свой путь, но когда они пришли в Дзуйодзи, оказалось, что Умпо умер прошлой ночью. По завершении похорон Банкэй закончил свой скорбный поход у подножия поминальной пагоды Умпо.

Банкэй и Дзяку

Когда Банкэю было тридцать с чем-то лет, он часто приходил в деревню Икаруга в своей родной провинции Харима. Несмотря на то, что обитатели деревни любили и уважали его, монах Дзяку, настоятель расположенного в этой деревне храма школы Тэндай Буссе-ин, отказывался принять его, считая, что этот молодой монах недостойн его внимания. Только настойчивые просьбы жителей деревни заставили его в конце концов смилостивиться и снизить до встречи с Банкэем. Дзяку для начала небрежно задал Банкэю несколько вопросов. Банкэй ответил на них очень

быстро и с такой легкостью, что это слегка беспокоило Дзяку. Он припомнил все, что только знал об учении Будды. Снова и снова пытался он найти брешь в познаниях Банкэя, однако по истечении некоторого времени у него уже не осталось больше вопросов.

Тогда он подумал: «Теперь я понимаю, почему наставник Сайте, основатель нашей школы, установил в главном храме на вершине горы Хиэй три учения: Тэндай, эзотерическое учение и дзен».

С тех пор Дзяку стал относиться к Банкэю с большим уважением и часто навещал его. Впоследствии он отказался от своего положения монаха школы Тэндай и, облачившись в одежды дзенского монаха, стал учеником Банкэя. Он посвящал себя практике с неослабевающим усердием. Люди прозвали его «рогатым тигром дзенского леса».

Банкэй о гневе

Ученик спросил наставника Банкэя:

— У меня случаются приступы гнева, я хочу от него освободиться, но не могу. Что мне делать?

Банкэй, не сказал ни слова, просто заглянул глубоко в его глаза, тот даже вспотел от неожиданности. Ему хотелось нарушить молчание, но он не осмелился. Наконец, Банкэй улыбнулся и сказал:

— Странно! Я искал и искал, но не смог найти гнева внутри тебя. Покажи мне хоть немного гнева, здесь и сейчас.

Ученик сказал:

— Он не всегда здесь. Он проявляется внезапно. Как я могу показать его сейчас?

Банкэй снова улыбнулся и сказал:

— Тогда это не твоя истинная природа, которая остается с тобой всегда; если бы твой гнев был частью тебя, ты бы смог показать его мне. Когда ты родился, его с тобой не было. Когда ты умрешь, его с тобой не будет. Этот гнев — не ты. Где-то тут есть ошибка. Уходи и подумай. Ищи! Медитируй!

Банкэй изгоняет страх

Некая женщина сказала:

— Я до смерти боюсь грома. Когда я слышу его, я падаю в обморок. Мое лицо бледнеет. Я вся цепенею от страха. Пожалуйста, наставник, скажите мне, как мне преодолеть этот ужасный страх.

Банкэй ответил:

— Когда ты появилась в этом мире, то все, что у тебя было — это сознание Будды. Не было никакого страха. Твой страх — это иллюзия, или плод твоих мыслей, что ты сама создала после того, как ты появилась в этом мире. Гром приносит нам дождь, он приносит нам пользу, а не вред. Твой страх не возникает из-за чего-то, что находится вне тебя самой. Это иллюзия, которую создает плод твоих мыслей. Отныне и впредь, когда бы ты ни услышала гром, всецело доверься своему собственному сознанию Будды, своей природе Будды.

Банкэй пришел домой

Однажды Банкэй демонстративно сжег буддийское священное писание. Ученики спросили его:

— Наставник, что вы делаете? Вы всегда учили по этим писаниям, комментировали их и размышляли над ними. Зачем же вы сжигаете их?

Наставник рассмеялся и сказал:

— Я пришел домой. Карты мне больше не нужны.

Банкэй читает мысли

Некий мирянин сказал:

— Наставник, я слышал о том, что вы можете прозревать мысли других людей. Скажите, о чем я сейчас думаю?

Банкэй ответил:

— Именно об этом ты и думаешь.

Банкэй о течении мысли

Некий монах сказал:

— В прошлом году я спросил вас о том, как мне справиться с хаотичными мыслями, омрачающими мое сознание, и вы посоветовали мне просто позволить им приходить и уходить. Я пытался последовать вашему совету, но обнаружил, что сделать это почти невозможно.

Банкэй ответил ему:

— Для тебя это представляет трудность только потому, что ты думаешь, будто бы существует некий метод, который

позволит твоим мыслям возникать и исчезать, не омрачая при этом твое сознание.

Банкэй испытывает Кантаро

Однажды, когда Банкэй остановился в Зале Бодхисаттвы Каннон в Киетани, один человек по имени Кантаро, староста расположенной неподалеку деревни Уцу, приходил к наставнику за наставлениями в дзен. Как-то раз, направляясь в Киетани вместе со своим другом, которого звали Есино Едзидзаэмон, Кантаро сказал: «Всякий раз, как я прихожу к наставнику, он испытывает меня одним и тем же вопросом: «Пришел ли Кантаро?» Сегодня случится то же самое, но как только он скажет: «Пришел ли Кантаро?», я спрошу его: «А кто это говорит?»»

Когда они пришли в Киетани, Банкэй вышел к ним и поприветствовал Есино, но ничего не сказал Кантаро. В конце концов, после долгой паузы, Кантаро спросил:

— Как поживаете, наставник?

Банкэй сказал:

— А кто это говорит?

Окончательно растерявшись, Кантаро сумел только поклониться.

Некий монах сказал Банкэю:

— При чтении историй о выдающихся наставниках дзен прошлого можно заметить, что в зависимости от

сложившейся ситуации они использовали много разных слов для обучения своих учеников. Вы же используете только одно слово «Нерожденное». Не кажется ли вам, что это является препятствием для практики Дхармы?

— Разве ты не читал о Гутэе? — сказал Банкэй. — Когда кто-нибудь задавал ему какой-то вопрос, он просто поднимал вверх палец. Он говорил: «Я постиг дзен одного пальца Тэнрю. Я могу пользоваться им на протяжении всей своей жизни и не исчерпать его». Он просто поднимал свой палец и молчал. Как может то, что невозможно исчерпать за всю жизнь, быть препятствием для практики Дхармы? Дзен одного пальца Гутэя — это не единственный пример. Крик Риндзая, посох Токусана, «Не испытывай иллюзий!» Муго, «Основной иероглиф» Дзуйгана — все это примеры Великих Дел, олицетворяемых каждым настоящим наставником дзен. Не то чтобы слово «Нерожденное» отсутствовало в буддийских сутрах и дзенских писаниях, его можно в них встретить. Но кто со времен первых Будд и патриархов, за исключением этого старого монаха, использовал только одно слово для наставления своих учеников?

Монах почтительно поблагодарил Банкэя и впоследствии прилежно следовал учению наставника.

Как-то Банкэй сказал:

— Однажды, много лет тому назад, когда я еще учился под началом наставника Дося, один его приближенный по

имени Дзентэй беседовал о Дхарме с несколькими другими монахами. Дзентэй процитировал слова из «Хэкиганроку»: «Принц Чжан совершенно ясно нарисован на бумаге, но сколь бы громко вы ни возвышали свой голос, обращаясь к нему, он все равно не ответит».

Затем Дзентэй повернулся к сидевшему рядом с ним ученику и сказал:

— Попытайся ответить вместо принца Чжана.

Но прежде чем он успел произнести это до конца, ученик ударил его кулаком.

— Любой дурак мог бы сделать это, — сказал он. — Попытайся ответить своим языком.

— Ха! Тебе повезло, что я не ответил ногой, — сказал учитель.

«Хэкиганроку» — один из самых важных сборников дзенских текстов — коанов.

Некий монах сказал:

— Я исполнен решимости стать Буддой. Я всего лишь хочу стать добрым человеком. Пожалуйста, наставник, дайте мне свои указания.

Банкэй ответил:

— Ты пришел издалека, чтобы встретиться со мной. У тебя добрые намерения, но все твои устремления иллюзорны. В твоём изначальном сознании нет никаких иллюзий,

желаний или устремлений. Свободное от надежд и желаний, оно проясняет все сущее своей всеосвещающей мудростью. Мысль о достижении состояния Будды является причиной твоих затруднений. Но если ты осознаешь, что ты сам создаешь эти надежды и чаяния, если ты будешь пребывать в нерожденном сознании Будды и перестанешь противопоставлять себя всему сущему, твоя изначальная природа явит себя в своей истинной форме.

Банкэй и семь подушечек для сиденья

Однажды, когда наставник был в храме Фумондзи на острове Хирадо, к нему пришел настоятель храма Кодайдзи из Нагасаки. После краткой беседы этот наставник сказал:

— Ваше учение ясно и понятно. Необходимо без промедления пресечь в корне все страсти и иллюзии, не вовлекаясь в какую-либо практику. Но что же вы тогда скажете о той истории про наставника дзен по имени Текэй, который износил семь подушечек для сиденья, занимаясь дзен?

— Ты неверно прочел повествующие о нем записи, — сказал Банкэй. — Текэй обучался у многих наставников в течение двенадцати лет, его учителями были Рэйун, Сэппо, и Гэнся — вот когда он износил те семь подушечек для сиденья. Но все это не привело его к пониманию. Затем, подняв однажды занавес, он внезапно достиг просветления и сочинил следующее стихотворение: «Теперь все по-другому! Все по-другому! Я поднял занавес и увидел весь мир. Если кто-нибудь попросит меня объяснить, что я увидел, я дам

ему по губам своей мухоголкой». Я думаю, что тебе следует повнимательней перечитать этот отрывок.

Настоятель смог только кивнуть своей головой от удивления.

Банкэй о чести

У Банкэя было обычно пять-семь монахов, которые служили ему помощниками. Однажды он сказал им:

— Предположим, что вы невиновны, но кто-то начал распространять слухи о том, что вы совершили какой-то проступок. Каким будет состояние вашего сознания? Как вы считаете, сможете ли вы оставаться в Нерожденном сознании Будды, отстраненном от мысли, пытаться отстоять свою честь?

— Как же мы сможем в таком случае оставаться в состоянии несознания? — ответили все как один помощники Банкэя.

— Когда я был молод, — сказал Банкэй, — мое стремление к обретению Пути Будды не оставляло места для прочих мыслей. Я посвящал себя этому поиску с однонаправленной решимостью, не принимая во внимание свою жизнь и здоровье. Если бы в то время злонамеренные слухи о моем якобы недостойном поведении распространились по всей стране, я все равно продолжал бы вести свою практику без единой мысли о чем-либо ином.

— Такое поведение превыше наших сил, — сказали помощники с восхищением.

— Пусть даже дурная слава обо мне достигла бы ушей правительственных чиновников и меня заточили бы в тюрьму, мое стремление к Пути Будды не исчезло бы у меня ни на мгновение. Даже если бы меня приговорили к смерти и мне не суждено было избежать меча палача, мое сознание по-прежнему не поколебалось бы и не породило бы даже одной мысли о страхе.

Один из монахов-помощников сказал:

— Должно быть, среди нас есть кто-то, чье сознание отклонилось от Пути, иначе наставник не стал бы говорить нам все это.

Банкэй о наставниках прошлого

Некто спросил Банкэя о словах и высказываниях великих дзенских наставников прошлого. Банкэй ответил:

— Ты можешь понять одно из этих высказываний, но затем ты тут же начнешь сомневаться в другом. Ты можешь проработать хоть целый миллион таких фраз, но конца этому не будет. Если же ты внимательно прислушаешься к тому, что я говорю, и поймешь это, то тогда все эти удивительные слова и чудесные высказывания будут исходить непосредственно из твоих уст. А если это не произойдет с тобой, то в чем же тогда смысл следования Пути?

Банкэй и Сингэцу

Перед тем как принять обеты и стать буддийским монахом, наставник школы Обаку-дзен Сингэцу посетил Банкэя,

который тогда находился в храме Кориндзи, что расположен в Эдо.

— Как ты практикуешь Дхарму?

— В течение многих лет я читаю «Сутру Лотоса», — сказал Сингэцу.

— Кто читает сутру? — спросил Банкэй.

— Тот, кто произносит слова, — сказал Сингэцу.

— Кто произносит слова? — спросил Банкэй.

— Глаза по горизонтали, нос по вертикали, — сказал Сингэцу.

— Этим ты меня не проведешь, ты, сладкоречивый обманщик! — воскликнул Банкэй. — Сейчас же отвечай мне, кто произносит слова?

Сингэцу колебался.

— Если бы наставники нашей школы не обладали всепрозревающим Оком Дхармы, они никогда не смогли бы стать учителями людей и небожителей, — сказал Банкэй. — Обладаешь ли ты этим Оком?

— Я думаю, что я, насколько это возможно, обладаю этим Оком, — сказал Сингэцу.

— Можешь ли ты оценить понимание каждого из людей, присутствующих в этом собрании?

— Но ведь здесь никого нет, — сказал Сингэцу, оглядываясь вокруг себя.

— Каждый человек, сидящий здесь, обладает своими отличительными качествами, — сказал Банкэй. — Разве ты не можешь оценить их?

— А вы? — ответил Сингэцу.

— Если бы я не мог этого, то я прошел бы мимо тебя, не обратив на тебя никакого внимания, — сказал Банкэй.

Сингэцу от удивления даже рот открыл.

— Ни в Китае, ни в этой стране нет ни одного наставника, который мог бы опровергнуть ваше учение, — сказал Сингэцу. — Мне, несомненно, очень повезло, что я принял участие в столь проникновенной беседе.

— Никто, кроме этого старого монаха, не указал бы тебе на твои ошибки, — сказал Банкэй. — Отныне будь прилежней, и твои усилия будут вознаграждены.

Сингэцу никогда не забывал слов наставника и часто приходил в Кориндзи увидеться с ним.

Однажды зимой наставник дзен Банкэй проповедовал в храме Санюдзи, что находится в провинции Бидзен. Множество мирян и монахов из провинций Бидзен и Биттю собрались там для того, чтобы послушать его. В местечке Нивасэ в провинции Биттю располагался большой храм школы Нитирэн, настоятелем которого был некий ученый монах, весьма уважаемый своими прихожанами. Поскольку к тому времени имя Банкэя было уже широко известно и его учение вызывало к себе большой интерес, все прихожане этого храма посещали его собрания. Преисполнившись злобы и зависти, этот монах сказал им:

— Я слышал, что на самом-то деле Банкэй вовсе не просветленный. Если я пойду туда, то я задам ему вопрос, на который он не сможет ответить. Я смогу поставить его в тупик его, сказав лишь одно слово.

Затем он появился на одном из собраний и, стоя в задних рядах собравшихся, сказал громким голосом, прервав Банкэя:

— Все люди, собравшиеся здесь, слушают твои речи и безоговорочно верят всему, что ты говоришь им. Но сам я никогда не соглашусь с основной идеей твоего учения. Как же ты сможешь спасти меня, если я не принимаю твое учение?

Банкэй поднял свой веер и сказал:

— Не подойдешь ли ты поближе?

Монах подошел поближе.

— Пожалуйста, подойди еще чуть-чуть ближе, — сказал Банкэй.

Монах подошел еще ближе.

— Да ты только посмотри, как хорошо ты принимаешь мое учение! — сказал Банкэй.

Посрамленный монах удалился, не сказав больше ни слова.

Однажды, после того как Банкэй закончил проповедь в храме Кориндзи, некий самурай, гордившийся своим умением в боевых искусствах, подошел к наставнику.

— Я много лет тренировался в искусстве ведения поединка, — сказал он. — С тех пор как я овладел этим искусством, мои руки двигаются в совершенном согласии с моим сознанием. Теперь, если я столкнусь с противником, мой меч снесет ему голову прежде, чем он успеет поднять свое оружие. Это подобно тому Оку Дхармы, которым вы обладаете.

— Ты говоришь, что в своем искусстве ты достиг совершенства, — сказал Банкэй. — Нанеси мне удар!

Самурай заколебался.

— Мой удар ты уже пропустил, — сказал Банкэй.

От удивления самурай даже открыл рот.

— Я поражен, — вздохнул он. — Ваш удар быстрее молнии. Голова моя покатила к вашим ногам. Пожалуйста, наставник, научите меня основам вашего дзен.

С каждым последующим приходом в Кориндзи уважение этого самурая к Банкэю возрастало. Когда Банкэй пребывал в Эдо, множество самураев приходили встретиться с ним. Все они сталкивались с его мощным натиском и становились его преданными последователями.

Банкэй и самурай

Однажды, после проповеди, проведенной Банкэем в храме Неходзи, несколько самураев столпились вокруг наставника, с тем чтобы порасспросить его о Дхарме.

— Мы верим всему, что вы сказали нам, — заявили эти самурай. — Но есть еще кое-что, о чем мы хотели бы

спросить вас. Мы изучаем искусство владения мечом и к настоящему времени уже постигли основной принцип этого искусства. Однако мы не можем полностью применить это понимание на практике.

— В таком случае, — сказал Банкэй, — вы еще не постигли принцип. Истинный принцип находится за пределами всех принципов и практики. Это совершенное взаимное переплетение принципа и действия, духа искусства и его техники — совершенное взаимопроникновение всего сущего.

Но это не убедило самураев. Они продолжали спорить о теории и практике и о том, существует ли между ними разделение. Затем один из них сказал:

— Я понимаю то, что вы говорите, наставник, но я слышал, что вы сами иногда используете посох для наставления своих учеников и что вы никогда не бьете тех из них, кто проявляет выдающиеся способности.

— Тот, кто сказал тебе это, ошибался, — сказал Банкэй. — Ты не прав. В руках истинного учителя посох всегда бьет туда, куда надо. Никто не избежит посоха этого старого монаха!

Самурай замерли в немом изумлении.

Банкэй об утонувшем мече

Банкэй сказал, обращаясь к своим ученикам:

— В наши дни люди, изучающие дзен, тратят все свое время на изучение старых дзенских слов и историй, цитируя то одного, то другого наставника, в то время как сами

они безнадежно бьются над их коанами. Подобно собакам, крутятся они вокруг слов других людей, кормятся их объедками. Они заперты в чьей-то клетке и неспособны вырваться на свободу. Так и живут они вместе с бесплотными духами в глубоких темных пещерах. Здесь вы не встретите подобных «мыслителей» и «думателей». Каждое слово или высказывание, произнесенное достойными учителями прошлого, было сказано как реакция на какую-то конкретную ситуацию, в соответствии с меняющимися обстоятельствами — они пытались остановить плач ребенка, показывая ему пустой кулак. Да как может тот, кто принадлежит к школе дзен, передать людям хоть какую-то Дхарму!

Если вы привязываетесь к каким-то высказываниям и путаетесь в словах, то вы ничем не лучше того человека, который, стоя на борту плывущего корабля, уронил свой меч в воду, а затем отметил на поручне то место, где он упал, надеясь найти его несколько позже.

Банкэй о женской карме

Некая женщина сказала:

— Говорят, что у женщин плохая карма. Нам не позволено совершать восхождения на священные горы. Их вершины недоступны для женщин.

На что Банкэй ответил:

— В Камакура есть женский монастырь. Туда нет доступа для мужчин.

Некая женщина сказала:

— Я слышала, что женщинам очень трудно достичь состояния Будды из-за их глубоких кармических причин. Правда ли это?

Банкэй ей ответил:

— Когда ты становишься женщиной?

Язык Банкэя

Некий монах спросил Банкэя:

— Почему вы не применяете посох и не кричите, как Риндзай, и Токусан, и все другие настоящие наставники дзен прошлого?

Банкэй сказал:

— У Риндзая был крик. У Токусана был посох. У меня есть мой язык.

Банкэй видит насквозь

Из глаз наставника исходил свет, который освещал людей и проникал прямо в сердца тех, кто предстал перед ним. Он совершенно точно узнавал о них все, прежде чем они успевали сказать или сделать что-нибудь. Он был подобен светлому зеркалу. Как говорил Дзесю: «Если к нему приходил варвар, являлся варвар. Если к нему приходил китаец, являлся китаец». Однажды, когда он был в храме Кориндзи в Эдо, к нему подошел и поклонился некий монах.

— Как ты практикуешь Дхарму? — спросил Банкэй.

Монах высказал ему свое понимание.

— Твои слова и твое понимание не совпадают, — сказал Банкэй. — То, что ты говоришь, обгоняет летящего дракона, но то, что ты есть, не поспевает за хромой черепахой. Перед тем, как прийти сюда, ты обсудил те слова, которые ты сказал мне, с более продвинутым учеником, думая, что тебе удастся провести этого старого монаха. Но когда ты приходишь к учителю, который обладает истинным Оком Дхармы, ты не можешь утаить от него даже то, что тебе удалось спрятать от самого солнца.

Монах встал, поклонился Банкэю и с благодарностью принял его учение.

Просветление Банкэя

Некий монах сказал:

— Великим наставникам прошлого приходилось долго и упорно практиковать, дабы в совершенстве достичь просветления. Говорят, и к вам просветление пришло только после многих трудов и усилий. Сам я не занимался дзадзен или какими-либо другими практиками и нисколько не приблизился к просветлению, но мне кажется, что я не смогу достичь истинного успокоения сознания, всего лишь узнав о том, что для этого мне просто необходимо жить в нерожденном сознании Будды, оставаясь таким, каков я есть.

Банкэй ответил:

— Представь себе, что несколько путешественников, совершающих переход через высокую горную гряду,

испытывают сильную жажду. Один из них спускается далеко вниз, в долину, чтобы затем вернуться к остальным и принести им воды. Это нелегко, но, в конце концов, он находит источник и приносит своим спутникам воды. Разве те, кто пьют эту воду, не утолив себя поисками источника, не утоляют свою жажду точно так же, как тот, кто принес ее? Если кто-то откажется пить эту воду только потому, что ему кажется, что это неверно, то ему нечем будет утолить свою жажду.

Мне пришлось пройти через многие тяжкие испытания только потому, что мне не посчастливилось встретить на своем пути ясноокого наставника. Однако, несмотря на это, я все же сумел постичь свое сознание Будды. С тех пор я говорю другим людям о естественно присущем им сознании Будды, чтобы они постигли его, не подвергая себя столь тяжким испытаниям, точно так же, как путешественники утоляют свою жажду, хотя сами они и не искали источник. Теперь ты понимаешь, что любой человек *может* достичь истинного успокоения сознания, не прибегая для этого к каким-либо аскетическим упражнениям.

Банкэй и Мацудайра

Наставник никогда не пытался привлечь к себе внимание этого мира. Он держался на удалении от наделенных властью и богатством и воздерживался от поддержания близких отношений с членами императорской семьи и представителями аристократии.

Однажды, когда Банкэй проезжал через провинцию Этидзен, дайме этой провинции, господин Мацудайра, услышал что-то о Банкэе и пришел посетить наставника на постоялом дворе, где он остановился. Однако, когда он вошел в комнату, Банкэй не встал поприветствовать его; наставник также не снял свой головной убор во время беседы. И все же его обращение было очень теплым и уважительным. Когда господин Мацудайра вернулся в свои владения, он сказал своим вассалам:

— Наставник Банкэй, несомненно, не обычный наставник. Он не снял своего головного убора во время нашей беседы, и все же я не почувствовал ни малейшего намека на неуважение. Такое спокойствие и уверенность вряд ли были бы возможны, если бы его постижение не было полным и совершенным.

Банкэй обходился так со всеми людьми высокого положения. Его слова были достойными и уважительными, его поведение было благородным и утонченным, но он никогда не вел себя в угоду этому миру.

Банкэй и Юйэ

Однажды, когда Банкэй находился в храме Гекурюдзи в провинции Мино, к нему пришел наставник школы Сотодзен по имени Юйэ. Банкэй тепло принял его и приказал монахам приготовить для него отдельные покои. Вместо того чтобы подождать, пока Юйэ придет к нему, он сам пошел в гостевые покои, чтобы побеседовать с ним. Когда

монахи увидели, что Банкэй зашел в комнату, они тихонько подошли к двери, чтобы услышать, о чем будут говорить два наставника, однако Банкэй обнаружил это и приказал своим приближенным отогнать их. Когда Банкэй вернулся в свои покои, он сказал:

— Это дзенский наставник обладает обширными знаниями, но вот и конец им.

Кто-то сказал:

— Отныне Юйэ не будет наполнять свои проповеди множеством необязательных слов.

В ходе беседы Юйэ сказал Банкэю:

— Духовное сознание пробудилось во мне, когда мне было семнадцать или восемнадцать лет. Я посвящал все свое время занятиям дзен, не делая перерывов даже на сон и отдых. Я продолжал в таком духе в течение тридцати лет. Я делал это для того, чтобы остановить мои иллюзорные мысли. Последние несколько лет мне удается поддерживать свое сознание немного более чистым. Но какой практикой занимались вы, что позволяет вам освобождать людей так, как вы это делаете с теми, кто приходит к вам? Скажите мне об этом, пожалуйста, поскольку это окажет мне совершенно неоценимую помощь.

— Когда я был молод, — сказал Банкэй, — мое сознание тоже было омрачено иллюзорными мыслями. Затем я внезапно постиг истину, что все сущее изначально пусто и спокойно, и с тех пор я перестал метаться и выбирать, и мое сознание стало совершенно чистым.

Юйэ преисполнился к Банкэю самого искреннего восхищения и уважения.

Он подумал: «Все достойные наставники дзен прошлого стали учителями людей, достигнув совершенства своего Ока Дхармы. Этот старый монах прорвался к просветлению, и теперь он обладает точно таким же всепронзающим Оком. Он может прямо прозревать сердца людей и все узнавать о них с одного взгляда».

Банкэй прощает вора

Когда Банкэй зимними месяцами затворялся с учениками для медитации, на это время к нему сходились ученики со всех концов Японии. Как-то на таком собрании один ученик был уличен в воровстве. Дело было доложено Банкэю, с просьбой изгнать виновного. Банкэй не отреагировал на жалобу.

Некоторое время спустя этот ученик был пойман опять, но Банкэй и теперь оставил дело без внимания. Это возмутило остальных учеников. Они составили петицию, в которой просили прогнать вора и заявили, что иначе все они, как один, покинут монастырь. Прочитав петицию, Банкэй созвал всех и сказал:

— Вы разумные братья-монахи, вы знаете, что — хорошо, а что — нет. Если вы захотите, то сможете уйти и учиться где-нибудь еще. Но что же делать этому несчастному брату, который не отличает хорошего от плохого? Кто же еще будет учить его, если не я? Я намерен оставить его здесь, даже если уйдете вы все.

Слезы потоком залили лицо виновного. Страсть к воровству пропала.

Банкэй и мисо

Повар-монах Дейре в монастыре Банкэя решил, что он должен как следует заботиться о здоровье своего старого учителя и давать ему только свежее мисо — тесто из соевых бобов, смешанных с пшеницей и дрожжами, которое очень быстро скисает. Банкэй, заметив, что ему дают лучшее, чем ученикам, мисо, спросил:

— Кто сегодня готовит?

Дейре послали к нему, и Банкэю было разъяснено, что из-за его возраста и положения ему необходимо есть свежее мисо. Банкэй сказал повару:

— Тогда я совсем перестану есть.

Он вошел в свою комнату и закрыл дверь. Дейре, сидя за дверью, умолял учителя простить его. Банкэй не отвечал. Семь дней Дейре сидел под дверью, а Банкэй в запертой комнате. Наконец, монах в отчаянии воззвал к Банкэю:

— Может быть, ты прав, старый учитель, но твой молодой ученик должен поесть.

Банкэй открыл дверь. Улыбаясь, он сказал Дейре:

— Я хочу есть ту же пищу, что и самый последний из моих учеников. Когда ты станешь учителем, я хочу, чтобы ты не забывал об этом.

Не трать свое время зря

Некий мирянин сказал:

— Я слышал, что вы говорите, будто бы из-за наших невежественных мыслей мы становимся животными и, неспособные достичь состояния Будды, блуждаем из одной тьмы в другую. Но все же, поскольку в сознании животных нет сожалений, они могут делать то, что им нравится, не ведая о своих страданиях. Разве нельзя назвать это безмятежной жизнью?

Банкэй ответил ему:

— Но разве не грустно жить в полном неведении относительно того, что вы обращаете в адские мучения единственно сущее сознание Будды, что дали вам ваши родители при рождении в этом мире? Когда кто-то бьет собаку, украшую вчера цыпленка, собака не понимает, что бьют ее за то, что она натворила вчера, и жалобно воет. Будучи животным и не зная о законе причинности, собака подвержена бесконечным страданиям. Но так как ты человек и, несомненно, обладаешь способностями к пониманию, ты довольно просто можешь встретить доброго учителя и стать Буддой. Ты должен быть очень рад тому, что тебе повезло родиться в человеческом облике. Не трать свое время зря!

Тэнкэй и Банкэй

Наставник школы Сото-дзен Тэнкэй навестил Банкэя в храме Кориндзи в Эдо.

После обмена приветствиями Тэнкэй сказал:

— Несколько лет назад, когда вы остановились в моем храме в Симада, я не сумел постичь истинное значение вашего учения. Только совсем недавно, обретя больше опыта и понимания, я осознал, как я тогда ошибался. Наставник, теперь я испытываю глубочайшее уважение к вашим великим деяниям.

Тэнкэй держал в своей руке веер. Он поднял его вверх.

— Что вы видите, наставник?

— Я вижу веер.

Банкэй просто покачал головой.

— С почтением принимаю ваше наставление, — сказал Тэнкэй.

Банкэй о чудесах

Когда Банкэй читал проповедь в храме Ремон, священник Синсю, который верил в спасение через повторение имени Будды Любви, позавидовал его большой аудитории. Банкэй дошел до середины беседы, когда появился священник, но тот произвел столько беспорядка, что Банкэй прекратил проповедь и спросил о причине шума.

— Основатель нашей секты, — хвастливо начал священник, — обладал такой сверхъестественной властью, что, стоя на одном берегу реки с кистью в руке, он мог через воздух написать все имя Амиды на листе бумаги, который держал его помощник на другом берегу реки. Можешь ли ты совершить такое чудо?

Банкэй легко ответил:

— Очень возможно, что ваша лиса могла проделывать такой трюк, но это не в обычае дзен. Мое чудо в том, что, если я голоден, я ем, а если я хочу пить — пью.

В Хамада, родной деревне Банкэя, жил некий бедный крестьянин по имени Хатироэмон. Хатироэмон жил среди грязи и пыли этого мира и регулярно приходил к Банкэю слушать его учение. Так как он был человеком весьма эксцентричного поведения, другие жители деревни обращались с ним как с сумасшедшим и обходили его стороной. Они с недоумением смотрели на его близкие отношения с Банкэем и на те из ряда вон выходящие вещи, которые они делали вместе. Однажды, когда Банкэй уходил из деревни, он встретил по пути Хатироэмона.

— Куда это вы собираетесь, наставник? — сказал Хатироэмон.

— К тебе домой, — ответил Банкэй.

— Захватили ли вы с собой свое лекарство? — спросил Хатироэмон.

— Конечно, захватил, — ответил Банкэй.

— Я хочу, чтобы вы заплатили мне за это лекарство, — сказал Хатироэмон, протягивая свою руку. Банкэй плюнул ему на ладонь. Оба они затряслись от смеха.

Все их беседы были более-менее похожи на эту. Никто не понимал, к чему они это делают.

Хатироэмон умер на руках у Банкэя. Последние его слова были таковы:

— Я умираю прямо в самом центре поля битвы Дхармы. Есть ли вам что сказать мне, наставник?

— Скажу только, что ты должен повергнуть грозного противника, — сказал Банкэй.

— Позвольте ли вы мне сделать это?

— Нет ничего, что я бы не позволил, — сказал Банкэй.

— О, муж мой! — запричитала жена Хатироэмона, вытирая слезы со своего лица. — Ты Будда. Почему же ты не спас меня от моего неведения до того, как ты оставил меня?

— Все мое тело, говорю я или молчу, пребываю ли я в движении или в покое, есть совершенное проявление истины, — ответил Хатироэмон. — Я никогда не переставал открывать тебе основы сознания. Почему же ты этого не понимала?

Голос Банкэя

Когда Банкэй умер, один слепец, живший рядом с храмом учителя, рассказывал своему другу:

— Из-за того, что я слеп, я не могу наблюдать за лицом человека, поэтому я сужу о его характере по звуку его голоса. Обычно, когда я слышу, как кто-то поздравляет другого с его успехами или счастьем, я слышу также тайный голос зависти. Когда выражается соболезнование о несчастье другого, я слышу удовольствие и удовлетворение, как будто соболезнующий на самом деле доволен, будто в своем

собственном мире он остается в выигрыше. Однако, несмотря на весь мой опыт, в голосе Банкэя я слышал одну только искренность.

Когда он выражал счастье, я не слышал в его голосе ничего, кроме счастья; когда он выражал печаль — единственное, что я слышал, была печаль.

Наставник Хакуин

Солдат по имени Нобусиге пришел к Хакуину и спросил:

— Правда ли, что есть рай и ад?

— Кто ты? — спросил Хакуин.

— Я — самурай, — ответил воин.

— Ты — солдат! — воскликнул Хакуин. — Что за начальник держит тебя в своем войске? У тебя лицо, как у нищего.

Нобусиге так рассвирепел, что начал вытаскивать свой меч, но Хакуин продолжал:

— У тебя есть меч! Но, наверное, он слишком туп, чтобы снести мне голову.

Когда Нобусиге вытаскил меч, Хакуин заметил:

— Тут открываются двери в ад.

При этих словах самурай, внезапно почувствовавший себя учеником наставника, вложил меч в ножны и поклонился.

— Здесь открываются врата рая, — сказал Хакуин.

Эти слова открыли самураю учение наставника.

Беспорочный Хакуин

Дзенский учитель Хакуин слыл среди соседей человеком, живущим беспорочной жизнью. Рядом с ним жила красивая девушка, родители которой владели продуктовой лавкой. Внезапно родители обнаружили, что у нее должен появиться ребенок. Они были в ярости. Девушка отказалась назвать отца ребенка, но после долгих настояний назвала Хакуина. В большом гневе родители пришли к учителю.

— Так ли это? — вот было все, что он сказал.

После того, как ребенок родился, его принесли к Хакуину. К этому времени он потерял всякое уважение окружающих, что совсем не волновало его. Он окружил ребенка заботой и теплом, брал у соседей молоко для ребенка и все, в чем тот нуждался.

Через год девушка-мать все же не выдержала и сказала родителям правду: что отцом ребенка был молодой человек, работавший на рыбном рынке.

Отец и мать девушки сразу пошли к Хакуину, просили у него прощения, долго извинялись перед ним и просили вернуть ребенка. Хакуин охотно простил их. Отдавая ребенка, он сказал лишь:

— Так ли это?

Хакуин о понимании дзен и кочерге

Хакуин любил рассказывать своим ученикам об одной старухе — владелице чайной, хваля ее за понимание дзен.

Ученики отказывались верить его рассказу и решили сами сходить в чайную и проверить его слова.

Когда женщина увидела их, она сразу смогла определить, пришли ли они попить чаю или посмотреть как она владеет дзен. В первом случае она любезно обслужила их. Во втором — пригласила учеников зайти за ширму. Как только они зашли, она начала лупить их кочергой. Девять из десяти учеников не смогли убежать от нее.

Учителя и ученики

Ученик Хакуина

Сюйво, ученик Хакуина, был хорошим учителем. Как-то летом к нему пришел ученик с Южного острова Японии. Сюйво дал ему задачу:

— Услышь хлопок одной ладони.

Ученик оставался у него три года, но так и не смог пройти испытания. Однажды ночью он в слезах пришел к Сюйво:

— Я должен вернуться на юг в стыде и смущении, — сказал он, — потому что я не могу решить мою задачу.

— Подожди неделю и непрерывно медитируй, — посоветовал ему Сюйво.

Но просветление не пришло к ученику.

— Попытайся еще недельку, — посоветовал Сюйво.

Ученик послушался, но все было тщетно.

— Еще неделю.

Никакого успеха. В отчаянии студент стал умолять освободить его, но Сюйво потребовал еще пятидневной медитации. Никакого результата. Тогда он сказал:

— Медитируй еще три дня, и если и на этот раз у тебя ничего не получится, лучше убей себя.

На второй день ученик стал просветленным.

Гуду и император

Император Гудзай изучал дзен под руководством Гуду. Он спросил:

— Истинный разум в дзен — это Будда. Верно ли это?

Гуду ответил:

— Если я скажу «да», ты будешь думать, что ты понимаешь, не понимая. Если я скажу «нет», я вступаю в противоречие с фактом, который многие понимают очень хорошо.

На следующий день император спросил Гуду:

— Куда отправляется просветленный человек после смерти?

Гуду ответил:

— Не знаю.

— Почему? — спросил император.

— Потому что я еще не умирал, — ответил Гуду.

Император не решился спрашивать Гуду о вещах, которые его ум еще не мог осознать.

Так Гуду пробивал стену своими руками, чтобы разбудить его сознание, и император был просветлен! После своего просветления император еще больше стал уважать дзен и старого Гуду, и даже разрешил Гуду не снимать шапку во дворце зимой.

Когда Гуду было за восемьдесят, он однажды заснул во время лекции, и император удалился в другую комнату, чтобы его любимый учитель мог наслаждаться отдыхом, которого требовало его тело.

Подобрал драгоценность на грязной дороге

Гуду был учителем императора. Несмотря на это, он часто путешествовал в одиночку под видом странствующего нищего. Однажды, когда он шел в Эдо, он подошел к маленькой деревеньке под названием Такенака. Вечерело, шел сильный дождь. Гуду совершенно промок, его соломенные сандалии развалились. В окне дома неподалеку он заметил четыре или пять пар сандалий и решил купить сухую пару. Женщина, которая вынесла ему сандалии, увидев, что он совсем промок, пригласила его переночевать в доме.

Гуду принял приглашение и поблагодарил ее. Он вошел и прочитал сутру перед семейной святыней. Затем представился матери женщины и ее детям. Увидев, что вся семья в горести, Гуду спросил, что случилось.

— Мой муж — игрок и пьяница, — сказала хозяйка, — Стоит ему добраться до вина, как он напивается и скандалит. Когда он проигрывает, залезает в долги. Иногда, когда

он совершенно пьян, он и вовсе не приходит домой. Что я могу поделать?

— Я хочу помочь тебе, — сказал Гуду. — Вот тебе немного денег. Купи мне бутылку хорошего вина и чего-нибудь поесть получше. После этого можешь уйти. Я буду заниматься медитацией перед святыней.

Когда муж вернулся домой около полуночи, совершенно пьяный, он заорал:

— Эй, жена, я дома! Есть что-нибудь пожевать?

— У меня есть, — сказал Гуду. — В дороге меня захватил дождь, а твоя жена была так добра, что предложила мне переночевать здесь. Чтобы как-то отплатить за это, я купил вина и рыбы, так что можешь взять их.

Муж был в восторге. Он сразу выпил все вино и улегся на пол. Гуду сел возле него в медитации. Утром, когда мужчина проснулся, он забыл все, что случилось ночью.

— Кто ты? Откуда ты? — спросил он Гуду, который все еще сидел в медитации.

— Я — Гуду из Киото, иду в Эдо, — ответил дзенский учитель.

Человеку стало очень стыдно. Он стал бурно извиняться перед учителем самого императора. Гуду улыбнулся:

— Все в твоей жизни изменчиво, — сказал он. — Жизнь коротка. Если же ты проведешь ее в игре и пьянстве, ты не успеешь ничего достичь, и твоя семья тоже пострадает.

Сознание мужа как будто пробудилось ото сна.

— Ты прав, — признал он. — Смогу ли отплатить тебе хоть когда-нибудь за это удивительное учение? Позволь мне проводить тебя и хоть немного понести твои вещи.

— Если хочешь, — согласился Гуду.

Двое отправились в путь. После того, как они прошли три мили, Гуду предложил ему вернуться.

— Позволь мне пройти еще пять миль, — стал просить Гуду человек. Они продолжили путь.

— Ты можешь вернуться сейчас, — сказал Гуду.

— Еще десять миль, — ответил человек.

— Возвращайся сейчас, — сказал Гуду, когда и десять миль были пройдены.

— Я буду идти за тобою всю жизнь, — ответил человек.

Высокородный болван

Два дзенских учителя, Дайгу и Гуду, были приглашены к властителю.

Когда они пришли, Гуду сказал вельможе:

— Вы по натуре мудры и имеете врожденные способности к дзен.

— Чепуха, — сказал Дайгу. — Чего ты льстишь этому болвану?! Может, он и начальник, но в дзен ничего не понимает.

Властитель построил храм Дайгу, а не Гуду, и стал изучать дзен под его руководством.

Рука Мокусена

Мокусен Хики жил в храме в провинции Тамба. Один из его приверженцев пожаловался на скупость своей жены. Мокусен навестил жену своего приверженца и показал ей сжатую в кулак руку.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила удивленная женщина.

— Предположим, что моя рука все время сжата в кулак. Как ты назовешь это? — спросил Мокусен.

— Увечье, — ответила женщина.

Тогда он раскрыл руку и снова спросил:

— Теперь предположим, что моя рука всегда в таком положении. Что это тогда?

— Другая форма увечья, — сказала жена.

— Если ты хорошо это понимаешь, — закончил Мокусен, — ты хорошая жена.

И он уехал.

После его визита жена стала помогать мужу как в накоплениях, так и в тратах.

Знать изнутри

Один человек пришел к великому художнику и сказал:

— Я хочу научиться рисовать бамбук. Что мне нужно делать?

Учитель ответил:

— Сначала пойди в джунгли и живи три года среди

бамбука. Когда ты начнешь чувствовать, что ты стал бамбуком, возвращайся.

Человек ушел и не вернулся. Прошло три года. Учитель ждал, ждал, а потом был вынужден отправиться на поиски этого человека и посмотреть, что случилось; потому что если вы стали бамбуком, то как же вы можете вернуться к учителю? Когда учитель пришел, то увидел, что человек стоит в бамбуковой роще. Дул ветер, бамбук раскачивался и танцевал, вместе с ним раскачивался и танцевал человек. Учитель потряс его. Он сказал:

— Что ты делаешь? Когда ты собираешься рисовать?

Тот ответил:

— Забудь об этом. Оставь меня в покое! Не мешай мне.

Учителю пришлось силой тащить его домой. Он сказал:

— Теперь ты готов рисовать бамбук, потому что ты знаешь изнутри, что такое бамбук.

Ответ мертвеца

Когда Мамийя, который позже стал известным проповедником, пришел к учителю, чтобы учиться, учитель попросил его объяснить, что такое хлопок одной ладони.

Мамийя сосредоточился: что же такое хлопок одной ладони?

— Ты трудишься недостаточно усердно, — сказал ему учитель. — Ты слишком привязан к пище, благосостоянию, вещам и всему такому. Лучше бы ты умер, это решило бы проблему.

Когда Мамийя в следующий раз появился перед учителем, тот снова попросил показать, что такое хлопок одной ладони. Мамийя сразу упал на землю, как мертвый.

— Ты умер очень хорошо, — сказал учитель, глядя на него. — Только что же с хлопком?

— Я еще не решил эту задачу, — ответил Мамийя, глядя на учителя снизу.

— Мертвецы не разговаривают, — сказал учитель, — убирайся!

Первый принцип

Когда путник подходит к храму Обаку в Киото, он видит вырезанные над воротами слова: «Первый принцип». Буквы необычайно большие, и ценители каллиграфии восхищаются ими, как верхом искусства. Они были написаны Кодзеном двести лет тому назад. Когда наставник писал их, он изобразил их сначала на бумаге, а потом мастера, увеличив, перенесли их на дерево. Когда Кодзен рисовал буквы, с ним работал самоуверенный ученик, который сделал несколько галлонов чернил для письма и никогда не упускал случая покритиковать работу своего наставника.

— Это нехорошо, — сказал он Кодзену после первых его усилий.

— А это?

— Плохо. Еще хуже, чем раньше, — произнес ученик.

Кодзен терпеливо исписывал один лист за другим, пока не набралось восемьдесят четыре «Первых принципа».

Ни один так и не заслужил одобрения ученика.

Однажды, когда молодой человек вышел на несколько минут, Кодзен подумал:

— Вот единственная возможность избежать его строгих глаз.

И он торопливо написал без оглядки на критика: «Первый принцип».

— Это — работа наставника, — произнес ученик.

Дзен в жизни нищих

Тосун был известным дзенским учителем своего времени. Он жил в нескольких храмах и учил в различных провинциях. В последний храм, который он посетил, собралось так много его приверженцев, что Тосун сказал им, что он собирается прекратить читать лекции навсегда. Он посоветовал им разойтись и идти, куда они хотят. После этого никто не мог отыскать даже его следа.

Через три года один из его учеников обнаружил, что Тосун живет в Киото с несколькими нищими под мостом. Он сразу стал умолять Тосуна учить его.

— Если ты сможешь прожить, как я, хотя бы пару дней, я согласен, — ответил Тосун.

Итак, бывший ученик оделся как нищий и провел день с Тосуном.

На следующий день один из нищих умер.

Тосун и его ученик в полночь унесли тело и сожгли его на склоне горы. После этого они вернулись в свое укрытие

под мостом. Остаток ночи Тосун беспробудно спал, но ученик не мог спать.

Когда наступило утро, Тосун сказал:

— Сегодня нам не надо просить пищу. Наш мертвый друг нам кое-что оставил.

Но ученик не мог проглотить ни кусочка.

— Ты не смог, — заключил Тосун. — Уходи и больше не беспокой меня.

Единственная улыбка в его жизни

Мокуген был известен тем, что не улыбнулся ни разу до самого последнего своего часа на земле.

Когда пришло время умирать, он сказал своим верным ученикам:

— Вы учились у меня более десяти лет. Покажите мне, как вы понимаете дзен. Тот, кто выразит это наиболее ясно, станет моим преемником и получит мою рясу и чашу.

Все смотрели на суровое лицо Мокугена и не отвечали.

Энге, ученик, который очень долго находился рядом с учителем, стал рядом с ним. Он подтолкнул вперед на несколько дюймов чашку с лекарствами. Это и был его ответ.

Лицо учителя стало еще суровее.

— И это все, что ты понимаешь? — спросил он.

Энге взял чашку и снова подвинул ее назад.

Прекрасная улыбка озарила лицо Мокугена.

— Ах ты, мошенник, — сказал он Энге. — Ты работал со мною десять лет и до сих пор не видел меня всего. Возьми мою рясу и чашу. Они принадлежат тебе.

Вор, ставший учеником

Однажды вечером, когда Ситиро Кодзюн читал сутры, вошел вор с острым мечом и стал требовать деньги или жизнь.

Ситиро сказал ему:

— Не мешай мне, можешь взять немного денег в этом ящике.

И он продолжал свое чтение. Через некоторое время он остановился и сказал:

— Не забирай все. Мне нужно немного денег, чтобы заплатить завтра подати.

Незванный гость забрал большую часть денег и собрался уходить.

— Когда тебе делают подарок, надо благодарить, — добавил Ситиро. Человек поблагодарил и ушел. Через несколько дней его поймали, и, среди других, он сознался в преступлении против Ситиро. Когда Ситиро позвали как свидетеля, он сказал:

— Этот человек не вор, по крайней мере у меня он ничего не украл. Я дал ему денег, и он поблагодарил меня за них.

После того как закончился тюремный срок, вор пришел к Ситиро и стал его учеником.

Проглоченный упрек

Как-то раз повар не сумел вовремя приготовить обед для наставника школы дзен Фугаи и его учеников. В спешке он вышел в сад и ножом срезал верхушки зеленых овощей, крошил их и приготовил суп, не подозревая, что среди овощей он срезал часть змеи. Ученики Фугаи говорили, что им не приходилось есть более вкусного супа, как вдруг наставник нашел в своей миске голову змеи. Он потребовал к себе повара.

— Что это? — спросил он.

— Благодарю тебя, учитель, — ответил повар, взяв кусок и быстро проглотил и голову змеи и упрек своего учителя.

Наставник Фугаи

Наставник Фугаи был прекрасным художником. Он считался мудрым и великодушным. Но он был суров по отношению к себе и к ученикам.

Говорят, что наставник Фугаи встретил свой конец необычным образом. Почувствовав, что пришел его последний день, он быстро велел землекопу выкопать яму. Затем наставник забрался в нее и приказал землекопу засыпать его землей.

Потрясенный землекоп убежал.

Когда он привел людей, те обнаружили, что в яме стоит исполненный достоинства мертвый наставник.

Одна нота Дзен

После того, как монах Каку посетил императора, он исчез, и никто не знает, что с ним стало. Он был первым японцем, изучившим дзен в Китае, но поскольку он ничего не показал и не рассказал другим, кроме одной ноты дзен, он обычно не упоминается среди тех, кто принес дзен в эту страну.

Каку побывал в Китае и принял истинное учение. Пока он был там, он не путешествовал. Постоянно находясь в медитации, он жил далеко в горах. Если же люди находили его и просили прочесть проповеди, говорил несколько слов и удалялся еще дальше в горы, где найти его было не так-то легко.

Император услышал о Каку, когда тот вернулся в Японию, и попросил его прочесть проповедь дзен. Каку стоял перед императором в молчании. Потом он извлек флейту из складок своей одежды и сыграл один короткий звук. Вежливо поклонившись, он удалился.

Безмолвный монастырь

Сэйчи был учителем дзен. Днем и ночью царило в монастыре молчание, ни единого звука. Он отменил даже чтение сутр вслух — разрешалось только медитировать.

Когда жившая неподалеку старушка услышала колокольный звон и чтение сутр, она сразу поняла, что Сэйчи скончался.

Нельзя украсть луну

Ренан, наставник дзен, жил самой простой жизнью в маленькой хижине у подножья горы. Однажды вечером в хижину забрался вор и обнаружил, что украсть нечего. Вернувшись, Ренан застал вора в хижине.

— Ты прошел долгий путь, чтобы навестить меня, — сказал он бродяге, — и негоже отпускать тебя с пустыми руками. Пожалуйста, возьми в подарок мою одежду.

Ошарашенный вор взял одежду и тихонько ушел. Ренан сидел нагой, любуясь луной.

— Бедный парень, — задумчиво сказал он. — Мне бы так хотелось подарить ему эту прекрасную Луну.

Истинное преобразование

Ренан посвятил свою жизнь изучению дзен. Однажды он услышал, что его племянник, несмотря на увещевания родственников, тратит деньги на куртизанок. Поскольку племянник управлял семейным имуществом и благосостояние семьи оказалось в опасности, родственники обратились к Ренану с просьбой что-то предпринять.

Ренан отправился в долгий путь, чтобы навестить племянника, которого он не видел много лет. Казалось, племянник рад был снова увидеть дядю и пригласил его остаться переночевать.

Всю ночь Ренан сидел в медитации. Когда утром он собрался уехать, он сказал юноше:

— Я уже стар. Руки мои дрожат. Не сможешь ли ты завязать мне шнурки на сандалиях?

Племянник охотно помог ему.

— Спасибо, — сказал Ренан. — Ты видишь, человек стареет и слабеет день ото дня. Береги себя.

И Ренан уехал, ни словом не упомянув о куртизанках или жалобах родственников. Но с этого дня племянник прекратил беспутную и расточительную жизнь.

Последняя поэма Хосина

Дзенский учитель Хосин много лет жил в Китае, а потом вернулся на северо-восток Японии, где воспитывал учеников.

Когда он стал совсем старым, он рассказал ученикам историю, услышанную им в Китае. Вот эта история.

Однажды, 25 декабря какого-то года, Токуфу, который был очень стар, сказал своим ученикам:

— Я не доживу до будущего года, так что в этом году вы должны хорошо угощать меня.

Ученики подумали, что он шутит, но поскольку он был великодушным учителем, во все последующие дни уходящего года каждый из них устраивал ему праздник.

Накануне Нового года Токуфу подвел итоги:

— Вы были добры ко мне. Я покину вас завтра в полночь, когда закончится снегопад.

Ученики засмеялись, решив, что от старости он несет чепуху, так как ночь была ясная и бесснежная. Но в полночь

начал падать снег, и на следующий день они не нашли своего учителя. Они пошли в зал медитации. Здесь он и скончался.

Рассказав эту историю, Хосин сказал ученикам:

— Дзенскому учителю не обязательно предсказывать свой уход, но если он захочет, он сможет сделать это.

— А вы можете? — спросил кто-то.

— Да, — сказал Хосин. — Я покажу вам, что я могу делать, через семь дней, считая от сегодняшнего.

Никто из учеников не поверил ему, и большинство просто забыло этот разговор, когда Хосин вновь собрал их вместе.

— Семь дней назад, — сказал он, — я сказал, что собираюсь покинуть вас. Существует обычай, по которому я должен написать прощальную поэму, но я не поэт и не каллиграф. Пусть кто-нибудь из вас запишет мои последние слова.

Ученики думали, что он шутит, но один из них начал писать.

— Готовы ли вы? — спросил Хосин.

— Да, учитель, — ответил записывающий.

Тогда Хосин продиктовал:

Я пришел из великолепия
И возвращаюсь в великолепие.

Что это?

Стихотворение было на одну строчку короче положенного, поэтому ученик сказал:

— Учитель, мы не дописали еще одну строчку.

Хосин с рычанием победившего льва вскричал:

— Каа!.. — и покинул этот мир.

Черноносый Будда

Монахиня, искавшая просветления, сделала статую Будды и покрыла ее золотом. Она носила золотого Будду с собою повсюду. Проходили годы, и, все еще таская с собой Будду, монахиня пришла жить в маленький храм в деревню, где было много Будд, каждый приходил со своею святыней.

Монахиня хотела воскурить ладан перед своим золотым Буддой, но так как ей не нравилась мысль, что благовония перепадут и другим, она сделала трубу, через которую дымок попадал только на ее статую. Из-за этого нос золотого Будды почернел, и он стал очень уродливым.

Совет матери

Дзиун, наставник школы Сингон, был известен как знаток санскрита в эпоху Токугава. Когда он был молод, читал лекции своим братьям-студентам. Его мать услышала об этом и написала ему письмо: «Сын, я не думаю, что ты посвятил себя Будде, так как ты хочешь превратиться в ходячую энциклопедию для других. Нет конца фактам и комментариям, славе и почестям. Я хочу, чтобы ты прекратил эти лекции. Укройся в маленьком храме в горах. Посвяти свое время медитации и на этом пути достигни истинного».

Печатание сутр

Тецуген, знаменитый проповедник дзен в Японии, решил издать сутры, доступные в то время лишь в Китае. Книги должны были печататься с деревянных блоков в количестве семи тысяч экземпляров, — чудовищное предприятие.

Тецуген начал путешествовать и собирать денежные пожертвования для этой цели. Несколько сочувствующих дали ему сто кусков золота, но в основном он получал малые крохи. Каждого дарителя он благодарил одинаково. Через десять лет Тецуген собрал достаточно денег, чтобы начать выполнять задуманное.

Случилось так, что в это время разлилась река Ую, вслед за наводнением начался голод. Тецуген взял все деньги, которые он собрал для книг, и послал их пострадавшим, чтобы спасти их от голода. Затем он снова начал свою работу по сбору денег. Через несколько лет по всей стране вспыхнула эпидемия. Тецуген снова отдал все, что собрал, чтобы помочь людям.

В третий раз начал он свою работу, и через двадцать лет его желание исполнилось. Печатные блоки, с которых делалось первое издание сутр, и сейчас можно увидеть в монастыре Обаку в Киото. Японцы рассказывают своим детям, что Тецуген сделал три издания сутр и что первые два его невидимых издания даже превосходят третье, последнее.

Ни воды, ни луны

Когда монахиня Тено училась дзен у наставника Букко из Энгаку, она долгое время не могла вкусить от плодов медитации. Но вот однажды лунной ночью она несла воду в старом ведре, обвязанном бамбуком. Бамбук разорвался, и дно ведра отвалилось, — и в этот момент Тено стала свободной!

В память об этом она написала поэму:

И так, и сяк старалась я спасти старое ведро,
Пока бамбуковая веревка не ослабла и не порвалась,
Пока, наконец, дно не вылетело.
Нет больше воды в ведре!
Нет больше луны в воде!

Работа Гисе

Гисе стала монахиней, когда ей было всего десять лет. Она прошла то обучение, которое получают маленькие мальчики. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, она стала путешествовать от одного учителя дзен к другому, учась у них всему.

Она пробыла три года у Ундзана, шесть лет у Гукея, но не могла достичь чистого видения.

Наконец, она пришла к учителю Индзану. Индзан показал ей, что это не связано с ее полом. Он кричал на нее, бранил ее, метал громы и молнии. Он колотил ее, чтобы разбудить ее внутреннюю природу. Гисе оставалась с

Индзаном тринадцать лет, и тогда она нашла то, что искала! В ее честь Индзан написал поэму:

Училась тринадцать лет под моим руководством.
Вечерами размышляла над глубочайшими проблемами.
По утрам возвращалась к другим проблемам.

Китайская монахиня Тецума превзошла всех до нее,
И после Мудзяку не было человека искреннее, чем Гисе.

Существует много ворот, через которые она может войти.

Ей причитается еще колотушек от моего железного кулака.

После того как Гисе обрела просветление, она отправилась в провинцию Банею, создала там свой храм. Она учила двести монахинь, пока однажды в августе не скончалась.

Смеющиеся святые

Рассказывают о трех смеющихся святых. Они двигались от одного города к другому и смеялись. Обычно они останавливались на рыночной площади и смеялись раскатистым глубоким смехом. Их животы тряслись, и слезы катились из глаз. Это было так заразительно, что все присутствующие начинали смеяться. Веселье распространилось молниеносно. Со всех сторон к ним бежали люди и, лишь взглянув на них, начинали хохотать. Это было настоящим чудом. Всего лишь несколько минут назад здесь была совсем другая атмосфера. Уставшие люди спорили,

торговались. Всех интересовали только деньги. И вдруг все преобразилось! Люди забывали, что пришли сюда покупать и продавать, они смеялись и танцевали вокруг этих трех сумасшедших.

Смеющиеся святые странствовали по всему Китаю: из одного места в другое, от одной деревни к другой, просто помогая людям смеяться. За несколько секунд они открывали людям новый мир.

Неожиданно в одной деревне один из троих друзей умер. И тут деревенские жители подумали: «Уж теперь-то они не смогут смеяться. Их друг умер; они должны плакать».

Но когда они пришли, то увидели, что эти двое танцевали, смеялись, праздновали. Жители деревни решили: «Ну, это уж слишком! Это невежливо. Когда человек умирает, непристойно смеяться и танцевать».

Но двое смеющихся сказали:

— Между собой мы загадывали, кто из нас умрет первым. И вот этот человек выиграл. Всю свою жизнь мы смеялись вместе с ним. Мы не можем проводить его в последний путь по-иному. Мы должны смеяться, мы должны радоваться и праздновать. Иначе он будет смеяться над нами с той стороны и думать: «Вот дураки! Опять попали в ловушку!»

А потом случилось неожиданное.

Когда тело положили на погребальный костер и люди стали грустить, вдруг начали взрываться и хлопать

красочные хлопушки и фейерверки, которые были спрятаны в одеждах умершего.

Эти два сумасшедших друга танцевали, а с ними танцевала и вся деревня, смеясь сквозь слезы. Потому что смерть — это иллюзия, а иллюзия — это смерть.

Из этой деревни вместе с двумя смеющимися китайцами ушел и молодой парень — он никогда не унывал и очень заразительно смеялся!

Великое искусство

Император попросил нарисовать Гималаи на стенах его дворца. Художник, наставник дзен, он сказал, что ему нужно для этого три года жить в Гималаях. Император спросил:

— Это займет у тебя три года?

Художник ответил:

— Я прошу минимум времени, потому что, пока я не стану частью Гималаев, я не смогу написать их. Мне нужно пойти туда и раствориться в них.

По прошествии трех лет он вернулся и расписал стену в три дня. Император пришел посмотреть. Это было чудо! Он никогда не видел такие прекрасные горы. Даже настоящие Гималаи были немного бледнее в сравнении с ними. Он долго стоял и любовался, а потом заметил:

— Здесь я вижу тропинку, куда она ведет?

Художник ответил:

— Мы можем пойти посмотреть.

Они пошли и больше не вернулись.

Теория и практика

Однажды правитель области посетил дзенского учителя, прозванного в народе Птичье Гнездо за то, что он медитировал, сидя на дереве среди густой листвы. Правитель поглядел вверх и сказал:

— Какое же у тебя опасное место там, на верху дерева!

— Твое намного хуже, чем мое, — возразил учитель.

— Я правитель этой области и не вижу, какая опасность может мне грозить.

— Значит, ты не знаешь себя! Когда ты изживешь свои страсти и твое сознание лишится устойчивости, что может быть опаснее, чем это?

Тогда правитель спросил:

— В чем заключается учение буддизма?

Учитель произнес следующие известные строчки:

Не делать зла, а использовать добро
И сохранять сердце чистым —
Вот в чем учение Будд.

Правитель, однако, возразил:

— Это знает любой трехлетний ребенок.

— Может быть, даже любой трехлетний ребенок знает, но вот мне, восьмидесятилетнему старцу, трудно следовать этому, — так сказал дзенский учитель, сидя на своем дереве.

Книжное знание

Однажды наставник дзен проходил мимо деревни и услышал, как какой-то монах читал книгу:

— Если человек видит, что форма не есть форма, то он видит истину!

В свою очередь наставник дзен ответил:

— Ты неправильно читаешь, надо читать так: «Если человек видит, что форма есть форма, то он видит истину!».

Монах возмутился наставнику:

— Ты говоришь противоположно святой книге!

Наставник:

— А как слепой может читать книгу?!

Испытание рапиры Бандзе

Матаюро Ягью был сыном известного фехтовальщика. Его отец, поняв, что сын лишен вдохновения и не приходится ожидать от него наставничества, отрекся от него. Тогда Матаюро отправился на гору Футара и здесь нашел знаменитого фехтовальщика Бандзе.

Но Бандзе подтвердил мнение отца.

— Ты хочешь научиться искусству фехтования под моим руководством? — спросил Бандзе. — Ты не удовлетворишь моим требованиям.

— Но если я буду очень стараться, за сколько лет я смогу стать наставником? — настаивал юноша.

— Весь остаток твоей жизни, — ответил Бандзе.

— Я не могу ждать так долго, — объяснил Матаюро. — Я согласен трудиться день и ночь, если ты только согласишься учить меня. Если я стану твоим доверенным слугой, сколько это займет времени?

— О, может быть, лет десять, — смягчился Бандзе.

— Мой отец стар, и скоро мне придется заботиться о нем, — продолжал Матаюро. — Если я буду трудиться еще больше, сколько это займет времени?

— О, может быть лет тридцать, — сказал Бандзе.

— Как же так? — спросил Матаюро. — Сначала ты сказал десять, а теперь тридцать? Я готов перенести любое учение, лишь бы научиться этому наставничеству в кратчайший срок.

— В таком случае, — сказал Бандзе, — ты должен оставаться у меня семьдесят лет. Человек, который так спешит добиться результатов, редко учится быстро.

— Хорошо, — заявил юноша, поняв, наконец, что его упрекнули в невыдержанности. — Я согласен.

Наставник предложил Матаюро никогда не заговаривать о фехтовании и не прикасаться к рапире. Он готовил еду учителю, мыл посуду, стелил ему постель, подметал двор, ухаживал за садом и ни словом не упоминал об искусстве фехтования.

Прошло три года. Матаюро все еще работал. Думая о своем будущем, он становился печальнее. Он еще даже и не начинал учиться искусству, которому посвятил свою жизнь.

Но однажды Бандзе подкрался к нему сзади и ужасно сильно ударил его деревянной рапирой. На следующий день, когда Матаюра варил рис, Бандзе опять неожиданно напал на него. После этого днем и ночью Матауро должен был быть готовым к защите от неожиданных ударов. Не проходило ни одной минуты, чтобы он не думал о нападении рапиры Бандзе. Он учился так быстро, что вызывал улыбку на лице своего учителя. Матаюра стал величайшим фехтовальщиком страны.

Бдительность

К одному очень старому учителю пришел принц и сказал:

— Меня послал отец. Он стар и не проживет долго. Он послал к вам со срочной просьбой — подготовить меня, пока он жив. Я прекрасно владею многими боевыми искусствами, участвовал в сражениях и имею награды. Еще я закончил университет с отличием. Когда я вернулся к отцу и сказал: «Я готов», он ответил: «Нет, ты еще не готов, потому что упущена основная вещь. Ты должен пойти к одному учителю, чтобы научиться у него медитации. Это даст возможность объединить всю твою предыдущую подготовку. Пока ты не преуспеешь в этом, я не могу доверить тебе государство». И он назвал ваше имя.

Помолчав некоторое время, принц добавил:

— Я готов выполнять все ваши указания, но время не ждет!

Учитель сказал:

— Мое первое требование в том, чтобы меня не связывали временем. Все зависит от вас. Я буду стараться как можно лучше, ведь у меня тоже не так много времени. Я уже стар и не собирался брать учеников, но вас послал император, он мой старый друг, мы с ним учились медитации у одного наставника. Я не могу отказать ему. Ваше обучение начнется прямо сейчас.

Принц спросил:

— Что мне нужно делать?

Старый Учитель сказал:

— Вы будете делать самые обычные вещи: убирать, готовить, носить воду, рубить дрова. Но помните, я могу в любой момент ударить вас сзади, так что оставайтесь бдительным.

Принц не ожидал такого поворота, он пожал плечами и сказал:

— Что же это за обучение? Но раз отец послал меня к вам, значит, все правильно.

И его непрерывно били. Старик мастер своего дела. Он подходил бесшумно, шагов не было слышно. Неожиданно он выпрыгивал из ниоткуда и больно бил. Через пятнадцать дней все тело принца болело от побоев, но он был счастлив, потому что научился слышать шаги своего учителя. Он рубил дрова, но его мысли были сконцентрированы на старике: «Откуда он появится и как себя защищать?» Старик старался ударить его, а принц лишь перехватывал

его бамбуковую палку. В таких условиях его бдительность должна была возрастать. Через три месяца старик уже не мог ни разу за целый день нанести удар.

Принц был очень счастлив. Он думай: «Настал великий день!» Он радовался своему телу, тому, как оно крепло под ударами. Теперь он понимал, что обрел некую силу, которой у него не было никогда раньше. Иногда, чувствуя, что старик подкрадывается, он кричал из своей комнаты:

— И не пытайтесь. Я бдителен!

Но на этом воспитание бдительности не закончилось.

Однажды старик позвал его к себе и сказал:

— Теперь начинается вторая ступень. До этого я бил тебя бамбуковой палкой. Начиная с завтрашнего дня я буду бить тебя настоящим мечом!

Он вынул свой меч и сказал:

— Вот мой меч, посмотри на него. Следи за ним! Теперь он будет следовать за тобой постоянно.

Это уже были не шутки, а вопрос жизни и смерти.

Концентрация внимания у принца перед лицом настоящей опасности возросла как столб света. И так, старик начал пытаться ударить его, но не смог этого сделать на протяжении трех месяцев. Иногда, сидя в медитации, с закрытыми глазами, он чувствовал, как учитель подходил сзади, чтобы нанести удар, и, когда тот замахивался, он отпрыгивал в сторону, спасая себя. Наступил день, когда учитель снова позвал его и сказал:

— Я счастлив. Вторая часть обучения закончена.

Принц ответил:

— Я тоже счастлив и бесконечно благодарен вам. Я и не подозревал, что во мне есть такие способности. Даже малейший ветерок не может пронестись мимо меня, чтобы я не заметил его. Ни одна мысль не промелькнет в моем сознании бесконтрольно, и я счастлив, что еще есть чему учиться. Сначала я сомневался и пришел сюда только потому, что меня послал отец. Но теперь я сам хочу учиться и больше не думаю ни о своем отце, ни о царстве, ни о чем другом. Я думаю лишь о том, как подвести мое сознание к его высочайшей вершине, и все это из-за той радости, которую я познал и о которой даже не подозревал и не мог мечтать. Так что давайте начнем третий этап.

Учитель сказал:

— Третий этап такой: я буду бить тебя настоящим мечом ночью, когда ты спишь.

Принц сказал:

— Хорошо.

Учитель пытался ударить принца, но в тот момент, когда он входил в его комнату, тот просыпался. Он начал видеть себя спящим со стороны. Засыпая, он наблюдал за тем, как сон наваливается на него и овладевает телом. Поворачиваясь во сне, он видел со стороны, как его тело поворачивается с одного бока на другой. Три месяца Учитель пытался нанести удар, но не смог. Самоконтроль ученика стал абсолютным.

Однажды учитель позвал принца, обнял его и передал свой меч, сказав:

— Вот тебе моя рекомендация. Твой отец поймет, потому что он знает, что это меч нашего учителя. Теперь ты можешь владеть им, потому что ты достиг высшего состояния самосознания; потребность в мече осталась далеко позади.

Ничто не существует

Ямаока Тесю, будучи молодым учеником дзен, посещал одного учителя за другим. Однажды он пришел к Докуону из Секоку. Желая показать свои знания, он сказал:

— Разум, Будда, чувственное бытие, в конце концов не существуют. Истинная природа явлений — пустота. Не существует ни воплощения, ни заблуждений, ни мудрости, ни посредственности. Ничто нельзя дать, ничего нельзя взять.

Докуон, который спокойно курил, ничего не сказал.

Внезапно он сильно ударил Ямаоку бамбуковой трубкой. Юноша очень разозлился.

— Если ничего не существует, — спросил Докуон, — откуда же эта злость?

Дети его величества

Ямаока Тесю был наставником императора, придворным фехтовальщиком и знатоком дзен. У него был единственный поношенный костюм — ему платили гроши.

Император дал Ямаоке денег на покупку новой одежды. В следующий раз Ямаока снова появился в старой одежде.

— Что случилось с новой одеждой, Ямаока? — спросил император.

— Я купил одежду детям Вашего Величества, — объяснил Ямаока.

Благодарить должен дающий!

Когда Сэйсецу был настоятелем монастыря, ему понадобилось построить новое учебное здание, ибо там, где он учил, было уже слишком тесно. Купец из Эдо по имени Умэдзу Сэйбей решил пожертвовать на постройку нового учебного здания пятьсот золотых монет — ре — и принес их учителю.

— Хорошо, я возьму их, — сказал Сэйсецу.

Подав учителю мешок с золотом, Умэдзу остался недоволен его безразличным отношением. На три ре целый год можно прожить, а тут не благодарят за пятьсот.

— В мешке — пятьсот ре, — намекнул он.

— Ты уже говорил это, — ответил Сэйсецу.

— Но ведь даже для такого богатого купца, как я, это огромная сумма, — сказал Умэдзу.

— Ты хочешь, чтобы я за них благодарил тебя? — спросил Сэйсецу.

— Вы должны сделать это, — ответил купец.

— Почему же? — удивился Сэйсецу. — Благодарить должен дающий!

Дзен рассказчика историй

Энте был знаменитым рассказчиком. Его истории о любви волновали слушателей. Когда он рассказывал о войне, слушателям казалось, что они сами побывали на поле битвы.

Однажды Энте встретил Ямаоку Тесю, человека, который почти овладел наставничеством дзен.

— Я знаю, — сказал Ямаока, — что ты самый лучший рассказчик в нашей стране и что ты можешь заставить людей плакать и смеяться. Расскажи мне мою любимую историю о персиковом мальчике.

Когда я был малышом, я обычно спал с матерью, и она часто рассказывала мне эту сказку. Где-то в середине истории я засыпал. Расскажи мне сказку так, как мне рассказывала ее моя мать.

Энте попросил дать ему время на то, чтобы изучить эту историю. Через несколько месяцев он пришел к Ямаоке:

— Я готов рассказать тебе эту историю.

— В любой другой день, — ответил Ямаока.

Энте был разочарован. Он продолжал изучать сказку и снова попытался рассказать ее. Ямаока много раз отвергал его. Как только Энте начинал рассказывать, Ямаока останавливал его, говоря:

— Нет, ты еще не любишь мою мать.

Пять лет ушло у Энте на то, чтобы рассказать эту легенду Ямаоке так, как рассказывала ее мать. Так Ямаока передал

дзен Энте.

Ночная прогулка

Дзенский наставник Сенгаи учил медитации учеников. Один из них имел обыкновение ночью перелезть через стену храма и уходить в город искать развлечений.

Однажды, осматривая спальню, Сенгаи обнаружил отсутствие этого ученика, а также нашел высокий табурет, который тот подставлял, чтобы перелезть через стену.

Сенгаи отодвинул табурет и стал на его место. Когда бродяга вернулся, не подозревая, что вместо табурета стоит Сенгаи, он поставил ноги на голову учителя и спрыгнул на землю. Когда ученик увидел, что он сделал, он был ошеломлен. Сенгаи сказал:

— Рано утром очень прохладно, не подхвати простуду.

С тех пор ученик никогда больше не уходил ночью.

Последний щелчок

Танген с детства учился у Сенгаи. Когда ему исполнилось двадцать лет, ему захотелось посетить других учителей, чтобы сравнить обучение, но Сенгаи не позволил ему сделать это. Каждый раз, когда Танген просил об этом, Сенгаи щелкал его по лбу. Наконец, Танген попросил своего старшего брата уговорить Сенгаи дать разрешение.

Брат выполнил просьбу и сказал Тангену:

— Все улажено. Я договорился, что ты отправляешься немедленно в паломничество.

Танген пошел к Сенгаи поблагодарить за разрешение. Наставник в ответ щелкнул его по лбу. Когда Танген рассказал об этом старшему брату, тот сказал:

— В чем же дело? Сенгаи не прав, если он сначала дает разрешение, а потом передумывает. Пойду поговорю с ним.

И он отправился к учителю.

— Я вовсе не изменил решения, — сказал Сенгаи. — Просто мне захотелось в последний раз щелкнуть его, потому что, когда он вернется, он будет просветленным и мне нельзя уже будет выговаривать ему.

Истинное процветание

Один богач попросил Сенгаи написать табличку, чтобы процветание его семьи продолжалось от поколения к поколению. Сенгаи взял большой лист бумаги и написал: «Отец умер, сын умер, внук умер».

Богач рассердился:

— Я просил тебя написать что-нибудь для счастья моей семьи. Зачем ты так шутишь?

— Я и не собирался шутить, — объяснил Сенгаи. — Если твой сын умрет раньше тебя, это сильно огорчит тебя. Если твой внук умрет раньше сына, это разобьет вам сердца. Если в твоей семье от поколения к поколению будут умирать в том порядке, в котором я написал, это будет естественным ходом жизни.

Я называю это истинным процветанием.

Капля воды

Дзенский наставник Гидзан попросил молодого студента принести ведро чистой воды — охладить его бассейн. Студент принес воду и, после того, как вода в бассейне стала достаточно прохладна, выплеснул остатки воды на землю.

— Болван, — обругал его наставник. — Почему ты не вылил воду под деревья? Какое ты имеешь право тратить даром хоть каплю воды в этом храме?

Молодой студент получил дзен в этом упреке. Он сменил свое имя на Текусуй, что означает «капля воды».

Уроки медитации

У наставника Дого был ученик, которого звали Сошин. Он ждал уроков медитации, подобных школьным, но их не было, и это сбilo его с толку и разочаровало. Однажды он сказал наставнику:

— Много времени прошло с тех пор, как я пришел сюда, но ни слова не было сказано мне о сути медитации.

Дого улыбнулся этому и сказал ему:

— Что ты говоришь, мой мальчик? С тех пор, как ты пришел, я всегда давал тебе уроки медитации!

Эти слова смутили бедного ученика еще больше. Некоторое время он обдумывал их.

Однажды, набравшись храбрости, он опять обратился к Наставнику:

— Что это были за уроки, учитель?

Дого сказал:

— Когда утром ты приносишь мне чашку чая, я принимаю ее, когда ты подаешь мне еду, я принимаю ее, когда ты кланяешься мне, я в ответ киваю головой. Как еще хочешь ты обучиться медитации?

Сошин повесил голову и стал думать о загадочных словах наставника.

Но тут наставник обратился к нему:

— Если хочешь что-либо увидеть, смотри прямо сейчас.

Когда ты начинаешь думать об этом, ты полностью упускаешь главное.

Скупое учение

Молодой врач из Токио по имени Кусуда встретил своего школьного друга, который учился дзен. Молодой врач спросил его, что такое дзен.

— Я не могу сказать тебе, что это, — сказал друг. — Но одно я знаю точно. Если ты понимаешь дзен, ты не должен бояться смерти.

— Прекрасно, — сказал Кусуда. — Я должен попробовать это. Где можно найти учителя?

— Пойди к наставнику Нан-ин, — посоветовал друг.

Итак, Кусуда собрался пойти к Нан-ин. Он взял с собой кинжал длиной в девять с половиной дюймов, чтобы проверить, действительно ли сам учитель не боится смерти.

Когда Нан-ин увидел Кусуду, он воскликнул:

— Привет, друг! Как поживаешь? Давненько мы не виделись!

Это привело Кусуду в недоумение, и он ответил:

— Мы никогда не встречались до сих пор.

— Верно, — ответил Нан-ин. — Я спутал тебя с другим врачом, который учился здесь.

После такого начала Кусуда потерял возможность испытать наставника, поэтому он спросил, нельзя ли ему обучиться дзен. Нан-ин сказал:

— Дзен не трудная вещь. Если ты врач, лечи своих пациентов с добротой. Это и есть дзен.

Кусуда приходил к Нан-ину трижды, и трижды Нан-ин говорил одно и то же:

— Врач не должен терять времени здесь. Иди домой и заботься о своих больных.

Кусуде не ясно было, как такое обучение сможет прогнать у него страх перед смертью. Поэтому в свой четвертый визит он пожаловался:

— Мой друг сказал мне, что когда человек учится дзен, у него пропадает страх смерти. Каждый раз, когда я прихожу к вам, все, что вы говорите мне, это: заботься о своих пациентах. Я запомнил это, и я прекрасно знаю это. Если это и есть ваше так называемое дзен, я больше не буду ходить к сюда.

Нан-ин улыбнулся и похлопал доктора по плечу:

— Я был слишком строг к тебе. Позволь мне дать тебе коан.

Он предложил Кусуде поработать над проблемой «ти» (ничто), которая является первой задачей для просветления ума в книге под названием «Врата без входа».

Кусуда решал эту проблему два года. В конце этого срока ему показалось, что он достиг определенности ума. Но учитель сказал:

— Ты еще не готов.

Кусуда продолжал занятия концентрацией еще полтора года. Его ум стал спокойным.

Проблема постепенно исчезла. Ничто стало истиной. Он хорошо лечил своих пациентов и, даже не догадываясь о том, стал свободен от жизни и смерти.

Когда он снова навещал Нан-ина, его старый учитель только улыбнулся.

Нан-ин

Один ученый, преподаватель философии, поехал повидать наставника Нан-ина. Всю дорогу от университета до места, где жил Нан-ин, профессор обдумывал свои вопросы: их было так много! Он думал, как бы лучше построить беседу. Когда он вошел, Нан-ин сказал ему:

— Пожалуйста, входите, но оставьте толпу за дверью!

Преподаватель оглянулся, рядом никого не было. Толпу он был один.

Нан-ин сказал:

— Не смотрите по сторонам, смотрите внутрь себя: толпа там.

Профессор был шокирован. Но он был умным человеком и сказал:

— Вы правы. Там толпа. Но ведь я профессор. Я постоянно имею дело с толпой. Извините меня, но я не могу оставить толпу за дверью. Я хотел бы узнать — есть ли в жизни правда и в чем она?

Нан-ин ответил:

— Разве я давал обещание кому-нибудь рассказывать правду? Если она есть, то она есть везде. Если вы ее не видите там, где находитесь, то вы не увидите ее нигде.

Профессор сказал:

— Если вы не желаете со мной говорить, я уйду.

Он немного обиделся. Нан-ин сказал:

— Вы устали, на улице так жарко. Присядьте, отдохните. Я сейчас приготовлю чай.

Нан-ин принес чашку с блюдцем, поставил ее перед гостем и начал медленно наливать чай. Профессор наблюдал за тем, что происходит.

В Японии ритуалу чаепития уделяют особое внимание. Чашка наполнилась до краев, но Нан-ин продолжал лить в нее, и чай уже переливался на блюдце. Профессор старался сохранять спокойствие, потому что обещал, что толпа будет сидеть тихо. Но эта толпа была в нем и она говорила: «Этот человек сошел с ума! Разве это способ? Что он хочет этим сказать?» Нан-ин продолжал лить и лить. Когда блюдце наполнилось и чай побежал по столу, профессор воскликнул:

— Пожалуйста, прекратите! Чашка полна, в нее больше не поместится ни капли!

Нан-ин сказал:

— Вы правильно заметили, если чашка полна, то в нее невозможно поместить сверх того ни одной капли. Вы наполнены до краев, как эта чашка, и если я попытаюсь вас наполнить, то мои усилия просто пропадут зря. Когда придете в следующий раз, то постарайтесь принести «пустую чашку», тогда я охотно поделюсь с вами всем, что имею.

Осознавать каждый миг

Тэнно пришел к Нан-ину в гости. Он обучался у него более десяти лет и теперь уже сам обучал учеников. На улице шел дождь, поэтому Тэнно надел деревянные башмаки-гэта и взял зонтик.

Поздоровавшись с ним, Нан-ин спросил:

— Ты, я полагаю, оставил башмаки в прихожей, хотелось бы знать, зонтик ты оставил справа от башмаков или слева?

Тэнно замешкался. Он понял, что не воплощает дзен в каждом мгновении. Поэтому он вернулся к Нан-ину и проучился у него еще шесть лет.

Перевоплощение

Император, желая повидать Нан-ина, приехал в монастырь. Встретив там дровосека, коловшего дрова, он спросил:

— Монастырь большой, где я могу найти учителя Нан-ина?

Человек подумал несколько мгновений с закрытыми глазами и сказал:

— Прямо сейчас вы не можете найти его.

Император сказал:

— Почему я не могу найти его сейчас? Он уехал?

— Нет, он здесь, — ответил дровосек.

Император сказал:

— Он что, занят каким-то срочным делом? Какой-нибудь церемонией? Или уединился?

— Он сейчас перед вами рубит дрова. А когда я рублю дрова, я — дровосек. Учителя Нан-ина сейчас нет.

Вам придется подождать. Пройдите, пожалуйста, в дом.

Император, не зная, что думать и как реагировать, пошел вперед. Через некоторое время к нему вышел Нан-ин в одеянии Наставника. Император поклонился ему, хотя и узнал в нем дровосека. Нан-ин спросил:

— Чем могу быть полезным?

Император ответил:

— У меня много вопросов, но прежде я хотел бы уточнить: вы тот самый человек, который рубил дрова?

Нан-ин ответил:

— Я не тот самый человек: изменилось все. Рубил дрова дровосек, его имя тоже Нан-ин. Он очень похож на учителя, но все-таки рубил дрова не учитель Нан-ин.

Вернувшись во дворец, император спросил своего советника:

— Как это понимать?

Придворный ответил:

— Когда он рубит дрова, он полностью вовлечен в это, не остается ничего, что можно назвать учителем Нан-ином.

Царский подарок

Однажды император посетил Нан-ина. В знак уважения он преподнес учителю мантию. Это было великолепное одеяние, из самой дорогой ткани, расшитое драгоценными камнями.

Преподнося ее, он сказал:

— Не отказывайтесь. Это мой подарок.

Нан-ин ответил:

— Я могу взять ее, но я не смогу ее носить, потому что вокруг никого нет. Какой смысл? Более того, олень будет смеяться, павлин будет подшучивать надо мной: «Посмотрите на этого старика, он, должно быть, свихнулся на старости лет». Так что, пожалуйста, возьмите ее обратно. Я принял подарок и возвращаю его вам. Эта вещь нужна там, где много людей, где ее оценят, а здесь она не имеет смысла.

Будьте внимательны!

Великий учитель Нан-ин находился на смертном одре. И вот, умирая, он сказал своим ученикам:

— Я не хочу, чтобы вы оплакивали мою смерть, потому что это и не смерть вовсе. Имейте в виду, когда вы будете проливать слезы, я буду наблюдать за вами с другого «берега» и смеяться. Я хочу, чтобы не плакали, а радовались — танцевали, пели и веселились. Я уйду, потому что пришло время. Мое тело стало источником беспокойства, а не комфорта. Такова моя воля. Тело мое не обмывайте, я уже сделал это сам. И не переодевайте, я уже надел все, что нужно.

Сказав это, он лег на погребальные носилки и умер.

Но люди есть люди. Конечно, когда уходит такой человек, остается невосполнимая пустота. Они плакали и грустили, но недолго. Когда тело наставника положили на погребальный костер, все стали смеяться помимо своей воли, хотя слезы были у них на глазах.

Это было удивительно. Учитель спрятал в своих одеждах много разных штучек — огненных хлопушек и маленьких бомбочек! В Японии их делают с большим искусством. Люди смеялись и плакали. Бомбочки взрывались, хлопушки хлопали, подпрыгивая. Было очень ярко и красочно!

И это еще не все; в один момент все люди обратили свои взоры к небу. На его синем фоне дым, исходящий от костра, образовал несколько иероглифов, означающих: «Будьте внимательны!»

Ученики уставились на небо, совершенно забыв о похоронах.

Именно это учитель чаще всего повторял им при жизни!

Это означало, что он не оставил их и после своей смерти и продолжал делать то, чему посвятил всю свою жизнь.

Сеун и его мать

Сеун стал учителем школы дзен.

Когда он еще был студентом, отец его умер, оставив ему заботы о старой матери. Каждый раз, когда Сеун шел в зал медитации, он брал с собой мать.

Так как она была с ним, когда он посещал монастыри, он не мог жить с монахами. Поэтому он построил маленькую хижину и там заботился о матери. Он переписывал сутры, буддийские трактаты и таким образом зарабатывал на пищу.

Когда Сеун покупал рыбу для матери, люди издевались над ним, потому что монахам дзен не полагалось есть рыбу. Но Сеун не обращал на это внимания. Однако его матери тяжело было видеть, как другие смеются над ее сыном. Наконец, она сказала ему: «По-моему, мне нужно стать монахиней, тогда я тоже буду есть растительную пищу».

Она стала монахиней, и они учились вместе.

Однажды ночью мимо их дома проходила молодая дама и услышала музыку. Глубоко тронутая, она пригласила Сеуна навестить ее следующим вечером и поиграть ей. Он принял приглашение. Через несколько дней он

встретил молодую даму на улице и поблагодарил ее за гостеприимство. Все смеялись над ним. Он навестил дом этой женщины.

Однажды Сеун уехал в отдаленный монастырь читать лекции. Через несколько месяцев он вернулся домой и узнал, что его мать умерла. Друзья не знали, куда ему сообщить, и поэтому уже начались похороны. Сеун вошел и постучал в гроб своей палкой.

— Мама, твой сын вернулся, — сказал он.

— Я очень рада видеть, что ты вернулся, сын, — ответил он за мать.

— Да, я тоже очень рад, — ответил Сеун.

После этого он объявил людям вокруг:

— Погребальная церемония окончена. Можете сжечь тело.

Когда Сеун состарился, он знал, что приближается его конец. Он попросил учеников утром собраться вокруг него и сказал, что отойдет в полдень. Возжигая благовония перед изображением матери и старого учителя, он написал поэму:

56 лет я старался жить как можно лучше,

Свершая свой путь в этом мире.

Теперь дождь кончился.

Облака разошлись.

В синем небе — полная луна.

Его ученики собрались вокруг, читая сутры, и Сеун отошел во время молитвы.

Если любишь, люби открыто

Двадцать монахов и одна монахиня по имени Эсюн занимались медитацией у некоего дзенского учителя.

Эсюн была очень милостивой, несмотря на то, что голова ее была острижена, а одежда очень скромна.

Несколько монахов тайно влюбились в нее. Один из них написал ей любовное послание, настойчиво требуя встречи наедине.

Эсюн не ответила. На следующий день учитель проводил занятия с группой, и когда они были окончены, Эсюн встала. Обращаясь к тому, кто написал ей, она сказала:

— Если ты действительно любишь меня, подойди и обними меня.

Уход Эсюн

Когда Эсюн, дзенской учительнице, было за шестьдесят, она приготовилась покинуть этот мир

Эсюн попросила нескольких монахов сложить во дворе дрова.

Решительно усевшись в центре погребального костра, она подожгла его с краю.

— О, монахиня, — закричал один монах. — Горячо ли тебе там?

— Только такому глупцу, как ты, есть до этого дело, — ответила Эсюн.

Пламя поднялось вверх, она умерла.

Чайный наставник и убийца

Тейко, воин, живший в Японии перед эрой Токугава, изучал ча-но-ю — чайный этикет — у Сен-но Рикю, учителя этого эстетического выражения спокойствия и удовлетворенности.

Его воин-слуга считал, что увлечение Тейко чайным этикетом является преступным пренебрежением государственными делами, поэтому он решил убить Сен-но Рикю.

Он прикинулся, что имеет какую-то просьбу к чайному наставнику, и был приглашен пить чай. Наставник, который был очень искусен в своей области, с одного взгляда угадал намерение воина, поэтому он попросил Като оставить меч перед входом в комнату, объяснив, что ча-но-ю — олицетворение миролюбия. Като не пожелал его слушать.

— Я — воин, — сказал он — и всегда ношу свой меч с собою. Ча-но-ю или не ча-но-ю, а мой меч при мне.

— Хорошо, вноси свой меч и попробуй чаю, — согласился Сен-но Рикю.

Чайник кипел на огне. Вдруг Сен-но Рикю опрокинул его. Кипяток зашипел, комната наполнилась дымом и золой. Испуганный воин выбежал из комнаты. Чайный наставник извинился:

— Это моя вина. Вернись и попей чаю, а я почищу твой меч от золы и принесу тебе.

Воин понял, что не сможет убить чайного наставника, поэтому подчинился просьбе.

Точная пропорция

Сен-но Рикю, чайный наставник, захотел повесить на столб корзину с цветами. Он попросил плотника помочь ему, указывая снизу, куда поместить корзину: немного выше или пониже, немного вправо или влево, до тех пор, пока не нашел, что она точно на месте.

— Вот теперь она точно на месте, — сказал наконец Сен-но Рикю.

Плотник, чтобы испытать хозяина, отметил место, а затем притворился, что забыл, куда нужно поместить корзину.

— Сюда, а может, сюда? — спрашивал плотник, указывая различные места.

Но хитрость его не удалась.

Чувство пропорции у чайного наставника было таким совершенным, что он указал плотнику точно то же место, что и ранее.

Три вида учеников

Дзенский наставник по имени Геттан жил в конце эры Токугава. Он говорил:

— Существует три вида учеников: те, кто передают дзен другим, те, кто поддерживают храмы и святыни, а также существуют сумки для риса и вешалки для одежды.

Гадзан высказывал ту же мысль.

Когда он учился у Текесуна, его учитель был очень суров. Иногда он даже бил учеников. Другие ученики не

хотели переносить такое учение и уходили. Гадзан же остался, говоря:

— Плохой ученик использует влияние учителя. Средний ученик восхищается добротой учителя. Хороший ученик растет сильным под давлением дисциплины учителя.

«Ясное понимание» Ренен

Буддийская монахиня, известная под именем Ренен, родилась в 1797 году. Она была старшей дочерью известного японского полководца Сингена. Ее поэтический дар и редкостная красота были таковы, что в 17 лет она прислуживала императрице как одна из придворных дам. Даже в таком юном возрасте ее ожидала слава.

Внезапно любимая императрица умерла, и надежды и мечты Ренен развеялись как дым. Она остро почувствовала бренность человеческой жизни в этом мире. Она решила изучать Дзен. Однако родственники воспротивились ее желанию и почти насильно выдали ее замуж. Она согласилась на замужество лишь после того, как ей обещали, что после рождения третьего ребенка она сможет сделаться монахиней. Ей не было и двадцати пяти лет, когда она выполнила это условие. После этого ни муж, ни родственники не могли отговорить ее от ее желания.

Она обрила голову, взяла себе имя Ренен, что означает «ясное понимание», и отправилась в свое паломничество. Она пришла в Эдо и попросила Тецугена принять ее в ученицы. С первого взгляда учитель отверг ее, так как она была

слишком красива. Тогда Ренен пошла к другому учителю, Хакуо. Он отверг ее по той же причине, сказав, что ее красота приведет к одним неприятностям. Ренен взяла горячее железо и приложила его к лицу. После этого Хакуо взял ее себе в ученицы.

Вспоминая этот случай, Ренен написала стихи на обратной стороне маленького зеркала: «Служа моей императрице, я жгла ладан, чтобы благоухали мои праздничные одежды. Сейчас, как бездомный нищий, я жгу лицо свое, чтобы войти в храм Дзен».

Перед смертью Ренен написала другие строки:

Шестьдесят шесть раз видели эти глаза,
Как меняется картина осени.
Я много сказала о лунном свете,
Не просите меня о большем,
Только слушайте голоса сосен и кедров,
когда их не колышет ветер.

Человек и Будда

В Токио, в эпоху Мейдзи, жили два известных учителя, различных по характеру.

Один из них, Унто, учитель из школы Сингон, тщательно соблюдал все заповеди Будды. Он никогда не пил возбуждающих напитков и не ел после одиннадцати часов утра. Другой учитель, Тандзан, профессор философии императорского университета, никогда не соблюдал заповедей. Он ел, когда хотел, спал, когда хотел, даже днем.

Однажды Унто навестил Тандзана, который в это время пил вино, даже к капле которого не должен был прикасаться язык буддистов.

— Приветствую тебя, брат, — сказал ему Тандзан. — Не хочешь ли выпить?

— Я никогда не пью, — важно сказал Унто.

— Кто не пьет, тот даже не человек, — сказал Тандзан.

— Неужели ты считаешь меня нечеловеком только потому, что я не пью отравы? — воскликнул Унто в гневе. — Если я не человек, то кто же я?

— Будда, — ответил Тандзан.

Я оставил девушку на берегу реки...

Как-то Тандзан и Экидо держали путь по грязной дороге. Лил сильный дождь. Подойдя к берегу реки, они повстречали девушку в шелковом кимоно с поясом, которая не могла перейти разбушевавшуюся реку. Девушка была очень красива.

— А ну-ка, — сказал Тандзан и, взяв ее на руки, перенес через реку.

Экидо не возобновлял беседы и молчал до вечера, пока они не достигли храма, где остановились на ночь. Там он уже не мог больше сдерживаться и сказал:

— Мы, монахи, не должны приближаться к женщинам, особенно к таким молодым и красивым, ведь это опасно. Скажи мне, Тандзан, почему ты сделал так, как ты сделал?

— Я оставил девушку там, на берегу, — ответил Тандзан, — а ты все еще несешь ее.

Сообщение

Тандзан написал шестьдесят почтовых карточек в последний день своей жизни и попросил отправить их. Вслед за тем он умер. На карточках было написано:

Я покидаю этот мир.

Это мое последнее сообщение.

Тандзан. Июль, 27, 1892.

Солдаты человечества

Одна из дивизий японской армии участвовала в военных учениях, и несколько офицеров сочли необходимым разместиться в храме Гадзана. Гадзан сказал своему повару:

— Давай воинам такую же простую пищу, как и нам.

Это очень рассердило вояк, так как они привыкли к очень почтительному отношению. Один из них отправился к Гадзану и сказал:

— Как ты думаешь, кто мы? Мы — солдаты, жертвующие жизнями за свою страну. Почему ты не обращаешься с нами, как подобает?

Гадзан сурово ответил:

— А мы — солдаты человечества, наша цель — спасение всего сущего. То, что подобает нам, подобает и вам

Пора спать

Гадзан сидел у кровати Текисуна за три дня до смерти учителя. Текисун уже выбрал его своим преемником. Храм недавно сгорел, и Гадзан торопился восстановить его. Текисун спросил его:

— Что ты собираешься делать, когда храм будет восстановлен?

— Когда ты выздоровеешь, мы хотим, чтобы ты говорил здесь, — сказал Гадзан.

— А если я не доживу до тех пор, тогда что?

— Тогда у нас будет кто-то другой, — ответил Гадзан.

— А если вы никого не найдете, тогда что? — продолжал Текисун.

— Не задавай такие глупые вопросы. Пора спать — ответил Гадзан.

Убийство

Гадзан учил своих последователей: «Те, кто выступают против убийства и кто хочет сберечь жизнь всем сознательным существам, правы. Прекрасно защищать даже животных и насекомых. Но что делать с теми, кто разрушает благосостояние и экономику, кто убивает время? Мы не должны смотреть на них сквозь пальцы. Что касается тех, кто проповедует, не будучи просветленным, — они попросту убивают буддизм».

Твой свет может погаснуть

Студент, изучающий Тендай, философскую школу буддизма, пришел к дзенскому учителю Гадзану, чтобы стать его учеником. Когда через несколько лет он собрался уходить, Гадзан предостерег его: «Умозрительное изучение истины полезно лишь как путь собирания материала для проповеди. Но помни, твой свет истины может померкнуть».

В мире грез

— Каждый день в полдень наш учитель обычно дремал, — рассказывал ученик Сена Саку. — Мы, дети, спросили его, почему он так делает, и он ответил: «Я ухожу в страну грез, чтобы встретить там старых мудрецов, как это делал Конфуций».

Когда Конфуций спал, он видел во сне древних мудрецов и позже рассказывал о них своим ученикам.

— Однажды был очень жаркий день, так что некоторые из нас задремали. Наш учитель побранил нас. «Мы отправились в страну грез, чтобы встретиться с древними мудрецами, как это делал Конфуций», — объяснили мы.

— Что же вам сообщили мудрецы? — требовательно спросил учитель.

— Мы ходили в страну грез и встретили мудрецов, мы спросили их, приходит ли сюда наш учитель каждый день в полдень, они, что никогда не видели такого человека.

Сон в дневное время

Учитель Сен Саку покинул этот мир, когда ему было шестьдесят один год. Выполнив свою жизненную задачу, он оставил великое учение, гораздо более богатое, чем учение большинства других дзенских учителей. Обычно его ученики спали днем, и, когда он видел это, он сам не терял ни минутки.

Когда ему было всего двенадцать лет, он изучал философию школы Тендай. Однажды летним днем воздух был такой знойный, что маленький Сен вытянул ноги и заснул, пока учителя не было. Прошло три часа, когда, внезапно проснувшись, он услышал, как входит учитель. Но было слишком поздно. Он лежал как раз поперек дверей.

— Прошу прощения, прошу прощения, — прошептал учитель, заботливо переступая через него, как будто это был один из известных гостей.

После этого Сен никогда не спал днем.

Мое сердце пылает как огонь

Сен Саку, первый дзенский учитель в Америке, говорил:

— Мое сердце пылает, как огонь, глаза холодны, как мертвый пепел.

Он создал правила, которые выполнял всю свою жизнь:

Утром перед одеванием воскури ладан и медитируй.

Ложись спать в определенный час.

Принимай пищу через определенные интервалы.

Ешь умеренно и никогда не досыта.

Будь наедине с собой таким же, как при гостях.

Будь при гостях таким же, как наедине с собой.

Следи за тем, что говоришь, и все, что сказал, выполняй.

Если приходит благоприятный случай, не позволяй ему пройти мимо; прежде, чем действовать, дважды подумай.

Не сожалей о прошлом. Смотри в будущее.

Пусть у тебя будет бесстрашие героя и любящее сердце ребенка.

Отходя ко сну, спи, как будто это твой последний сон.

Просытаясь, сразу же оставляй свою постель, как оставляешь пару старых ботинок.

Огромные волны

На заре эры Мейдзи (1858–1912) жил хорошо известный борец сумо по имени О Нами — «Огромные волны».

О Нами был чрезвычайно силен и хорошо знал искусство борьбы. В схватках наедине он побеждал даже своего учителя. Однако при публике он так терялся, что даже его собственные ученики могли побороть его. О Нами чувствовал, что ему надо обратиться за помощью к дзенскому учителю. Как раз в маленьком храме по соседству остановился странствующий дзенский учитель Хакудзи, так что О Нами пошел к нему и рассказал о своем несчастье.

— Твое имя — «Огромные волны», — сказал ему учитель. — Останься на ночь в этом храме. Представь себе, что

ты и есть эти огромные волны. Ты больше не борец, который боится. Ты — эти огромные волны, сносящие и поглощающие все на своем пути. Сделай это — и ты будешь величайшим борцом на земле.

Учитель ушел. О Нами сел в медитации, пытаясь вообразить себя волнами. Он думал о самых разных, совершенно посторонних вещах. Но постепенно все больше и больше стал чувствовать себя волнами. Ночь шла, а волны становились все больше и больше. Они поглотили все цветы в вазах. Даже Будда на святыне был затоплен. Перед рассветом в храме не было ничего, кроме отлива и прилива огромного моря.

Утром учитель застал О Нами в состоянии медитации, на лице блуждала слабая улыбка. Он похлопал борца по плечу:

— Теперь ничто не сможет сбить тебя с пути, — сказал он. — Ты — эти волны. Ты сметешь все перед собою.

В тот же день О Нами выступил в соревнованиях и победил. Ни один человек в Японии не мог побороть его.

Постижение

Учителем храма Кеннин был Мокугай, «Молчащий гром». У него был маленький воспитанник по имени Тойо, всего двенадцати лет от роду. Тойо видел, как каждое утро и вечер более старшие ученики приходили в комнату учителя для получения общих инструкций по дзен или для персонального обучения, при котором задавались коаны для

того, чтобы освободить ум от заблуждений. Тойо тоже захотел выполнять дзен.

— Подожди немного, — сказал Мокугай, — ты еще молод.

Но ребенок настаивал, так что учитель, наконец, был вынужден согласиться. Вечером в соответствующее время маленький Тойо подошел к порогу комнаты Мокугая. Он ударил в гонг, чтобы сообщить, что он пришел, три раза поклонился перед дверью в знак уважения, вошел и сел перед учителем в почтительном молчании.

— Ты можешь услышать хлопок двух ладоней, когда они ударяются друг о друга, — сказал Мокугай. — Теперь покажи мне хлопок одной ладони.

Тойо поклонился и пошел в свою комнату, чтобы рассмотреть эту проблему. Из окна он услышал музыку гейш.

— Ах, я понял! — воскликнул он.

На следующий вечер, когда учитель попросил его показать хлопок одной ладони, Тойо начал играть музыку гейш.

— Нет, нет, — сказал Мокугай, — это никак не подойдет. Это не хлопок одной ладони. Ты совсем не понял его.

Думая, что музыка будет мешать, Тойо ушел в более спокойное место. Он снова погрузился в медитацию.

— Чем же может быть хлопок одной ладони?

Он услышал как капает вода.

— Я понял, — подумал Тойо.

Оказавшись перед учителем в следующий раз, Тойо начал капать водой.

— Что это? — спросил Мокугай. — Это звук капающей воды, но не хлопок ладони. Попробуй еще раз.

Напрасно Тойо медитировал, чтобы услышать хлопок одной ладони. Он слышал шум ветра, но и этот звук, был отвергнут. Он слышал крик совы, но и этот звук был отвергнут.

Более чем десять раз приходил Тойо к Мокугаю с различными звуками, все было неправильно. Почти год обдумывал он, что же может быть хлопком одной ладони. Наконец, маленький Тойо достиг подлинной медитации и перешел пределы звуков.

— Я больше не мог собирать их, — объяснил он позже, — поэтому я достиг беззвучного звука.

Тойо реализовал хлопок одной ладони.

История Сюнкай

Прелестную Сюнкай, другое имя которой было Судзу, против ее воли выдали замуж, когда она была еще совсем юной. Позже, овдовев, она стала посещать университет, где изучала философию.

Увидеть Сюнкай для любого человека означало влюбиться в нее. Более того, где бы она не находилась, она и сама влюблялась в других. Любовь была с нею в университете, и позже, когда неудовлетворенная философией, она стала посещать храм, чтобы изучить дзен, дзенские студенты влюблялись в нее. Вся жизнь Сюнкай была наполнена любовью.

Наконец, в Киото она стала настоящей дзенской студенткой. Ее братья по малому храму Кеннина восхваляли ее искренность. Один из них оказался близок ей по духу и помогал ей в овладении дзен.

Аббат Кеннина, Мокугай (Молчащий Гром), был очень суров. Он сам выполнял заповеди и ожидал того же от своих священников. В современной Японии священникам разрешается иметь жен, и поэтому они служат буддизму не с таким рвением, как раньше.

Мокугай изгонял и преследовал женщин, если находил их в каком-либо из храмов, но чем больше женщин он изгонял, тем больше, казалось, их возвращалось. Жена главного священника этого храма стала завидовать красоте и искренности Сюнкой.

Похвалы, которыми студенты осыпали серьезность Сюнкой, ее отношение к дзен, заставили жену священника корчиться от злости. Наконец она стала распространять дурные слухи о Сюнкой и ее друге. Из-за этих слухов юношу изгнали, а Сюнкой удалили из храма.

«Может быть, из-за любви я поступаю неправильно, — подумала Сюнкой, — но жена священника тоже не должна оставаться в храме, если с моим другом поступили так несправедливо.»

Той же ночью Сюнкой облила керосином пятисотлетний храм и сожгла его дотла. Утром ее схватила полиция. Молодой адвокат заинтересовался ею и пытался смягчить приговор.

— Не помогайте мне, — сказала она ему. — Я могу решиться еще на что-нибудь, что снова приведет меня в тюрьму.

Наконец, семилетний срок истек, и Сюнкой была освобождена из тюрьмы, где шестидесятилетний начальник тюрьмы тоже был очарован ею.

Но теперь все смотрели на нее, как на прокаженную.

Никто не хотел иметь с нею дело. Даже последователи дзен, которые должны были бы верить в просветление ее духа и тела, избегали ее. Сюнкой поняла, что дзен — это одно, а последователи дзен — совсем другое. Ее родственники не хотели знать ее. Она стала худой, бледной и слабой. Она встретила священника Шиншу, который научил ее имени Будды любви, и в этом Сюнкой нашла умиротворение и успокоение. Она покинула этот мир еще очень красивой, едва достигнув тридцати лет. Она написала историю своей жизни.

Житейские истории

Без привязанности

Китано Гелеко, аббату из храма Эйхей, было девяносто два года, когда он умер. Всю жизнь он старался прожить без привязанностей. Странствующим нищим, когда ему было двадцать лет, он встретился с путником, курящим табак. Они вместе шли по горной дороге, а затем остановились отдохнуть под деревом.

Путник предложил Китано закурить, и тот согласился, так как был голоден.

— Как приятно курить, — заметил он.

Путник дал ему лишнюю трубку и табак, и они закурили вместе. Китано почувствовал: «Такое удовольствие может разрушить медитацию. Пока это не зашло далеко, надо остановиться.» И он выбросил трубку и табак.

Когда ему было двадцать три, он изучал И-Цзин, мудрейшую доктрину о вселенной. Была зима, и ему нужна была теплая одежда. Он написал об этом своему учителю, который жил за сотни миль от него, и отдал письмо для передачи путнику. Прошла почти вся зима, но он не получил ни ответа, ни одежды.

Тогда Китано прибег к предсказаниям И-Цзин, которая также учила искусству гадания, чтобы определить, было ли доставлено письмо. Он обнаружил, что письмо его затерялось. В полученном вскоре письме от учителя не было никаких упоминаний об одежде.

«Если я стану заниматься предсказаниями по И-Цзин, может пострадать моя медитация» — подумал Китано. Он отказался от этого удивительного учения и никогда больше не прибегал к его помощи.

Когда ему было двадцать восемь, он начал изучать китайскую каллиграфию и поэзию. Он стал так искусен в этих областях, что его учитель гордился им. Китано задумался: «Если я не остановлюсь, я стану поэтом, а не учителем дзен.» И он никогда больше не написал ни одного стихотворения.

Чтение сутр

Один крестьянин попросил монаха школы Тендай читать сутры для его умершей жены. Когда чтение было окончено, крестьянин спросил:

— Как ты думаешь, будет моей жене какая-нибудь польза от этого?

— Не только твоя жена, но и все сущее получит пользу от чтения сутр, — ответил священник.

— Если ты говоришь, что все сущее получит пользу, — сказал крестьянин, — то моей жене мало достанется, и другие получат преимущество перед ней и заберут все выгоды, которые должны достаться ей. Поэтому, пожалуйста, прочти сутру только для нее.

Священник объяснил, что таково было желание Будды, чтобы каждое существо было счастливо, всем была польза.

— Это прекрасное учение, — сделал вывод крестьянин, — только, пожалуйста, сделай одно исключение. У меня есть очень грубый сосед, который доставляет мне одни неприятности. Исключи его из этих всех существ.

Отсутствие сострадания

Одна китайка свыше двадцати лет помогала дзен-монаху. Она построила ему небольшую хижину и кормила его, тогда как он занимался медитацией. Наконец ей захотелось узнать, насколько он продвинулся за это время. И вот она заручилась помощью очень чувственной девушки.

— Попробой расшевелить его — сказала женщина.

Девушка пригласила монаха к себе и завела флирт.

— Старое дерево зимой растет на холодной скале, — ответил монах поэтически. — Там нет ни капли тепла.

Девушка вернулась и передала женщине слова монаха.

— И подумать только, что я кормила этого человека двадцать лет! — в гневе воскликнула старуха. — Никто не

заставлял его ответить на твою страсть, но он должен был по крайней мере проявить сострадание!

Выбор

Один купец утверждал, что, благодаря богатству, он избавлен от необходимости потакать чьим-то желаниям или вкусам.

— Вот как! — воскликнул монах-отшельник, услышав эти речи. — Ну а когда ты сегодня выбирал место для стоянки своего каравана, что было важнее: красота местности или наличие корма для вьючных животных?

— Ясное дело, изобилие трав решило мой выбор, — ответил купец.

— Выходит, хоть ты и богат, а живешь так, чтобы скоту было по вкусу, — засмеялся отшельник.

В надежде на исправление

Молодой самурай стоял с луком и несколькими стрелами в руках, взглядом измеряя расстояние до мишени. Проходивший мимо монах сказал ему:

— Ты не научишься метко стрелять, если будешь надеяться на исправление промахов. В бою такой случай тебе никогда не представится. Твоя задача — научиться поражать цель с первого раза. Ты должен всегда помнить, что у тебя только одна стрела. И в жизни тоже — всякое дело делай сразу, не надейся, что потом можно будет что-то исправить!

Змееныш

Некий человек был приглашен в дом друга. Когда он собирался выпить предложенную чашу вина, ему показалось, что он видит внутри чаши маленькую змейку. Не желая обидеть хозяина, он мужественно осушил чашу.

Вернувшись домой, он почувствовал страшные боли в желудке. Было испробовано множество лекарств, но все оказалось тщетным, и человек, теперь серьезно больной, чувствовал, что умирает. Его друг, прослышав о беде, еще раз позвал его в свой дом. Усадив гостя на то же место, он снова предложил ему чашу вина, сказав, что в ней — лекарство. Когда страждущий поднял чашу, он опять увидел в ней змейку. И показал ее хозяину.

Без единого слова хозяин показал на потолок над головой гостя, где висел лук. Больной тут же понял, что змееныш был только отражением висящего лука. Оба человека посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Боль гостя мгновенно прошла, и он поправился.

Зима

Наставник дзен вел повозку, в которой сидела женщина со своим ребенком. Выпало много снега, и утро выдалось очень холодным. На небе не было солнца, было облачно. Монах начал замерзать, и женщина в повозке тоже. Он увидел, что она постепенно становится синей и теряет сознание.

Тогда он взял ребенка, вытолкнул женщину из повозки и уехал прочь.

Женщина была шокирована. Она осталась стоять там, на снегопаде, ее ребенок увезен прочь — что же это за человек? И он забрал повозку. Она пустилась бежать, кричать, вопить, проклинать — и через полкилометра, благодаря тому, что она бежала, проклинала, кричала и вопила, она оказалась в совершенном порядке.

Тогда наставник остановил повозку, посадил ее и сказал:

— Ну слава будде. Не сделай я этого, вы бы наверняка замерзли насмерть.

Ученый диалог за ночь

Любой странствующий монах мог остановиться в дзенском храме при условии, что сумеет победить в диспуте тех, кто живет в этом храме. Если же он будет побежден, ему придется уйти.

В одном храме на севере Японии жили два брата монаха. Старший брат учился, а младший был дурачком, да и к тому же еще и одноглазым. Однажды к ним зашел странствующий монах и попросился переночевать, предложив, в соответствии с обычаем, побеседовать о возвышенном учении.

Старший брат, уставший от занятий за день, велел младшему выступить вместо себя.

— Это будет разговор жестов, — научил он дурачка.

Итак, младший брат и странник пошли к святыне и сели. Вскоре странник поднялся, подошел к старшему брату и сказал:

— Твой младший брат удивительный парень. Он победил меня.

— Перескажи мне диалог, — попросил старший брат.

— Сначала, — сказал странник, — я поднял один палец, символизируя просветленного Будду. Тогда твой брат поднял два пальца, символизируя Будду и его учение. Я поднял три пальца, символизируя Будду, его учение и его последователей, живущих гармонической жизнью. Тогда твой брат потряс сжатым кулаком у меня перед лицом, указывая, что все три произошли из одной реализации. Таким образом, получается, что он победил, и я не имею права оставаться здесь.

С этими словами странник ушел.

— Где этот парень? — спросил младший брат, вбегая к старшему.

— Я узнал от него, что ты победил в споре.

— Ничего я не победил. Я хочу поколотить его.

— Расскажи мне, о чем вы спорили, — попросил старший брат.

— Ну, минуту он смотрел на меня, потом поднял один палец, оскорбляя меня намеком на то, что у меня один глаз.

Так как он странник, то я подумал, что мне надо быть повежливее с ним. Поэтому я поднял два пальца, поздравляя его с тем, что у него два глаза.

Тогда этот грубиян и негодяй поднял три пальца, намекая на то, что на нас двоих у нас только три глаза.

Тогда я взбесился и стал колотить его, а он убежал. На этом все кончилось.

Туннель

Дзенкай, сын самурая, отправился в Эдо и здесь стал приближенным высокопоставленного чиновника. Он влюбился в жену чиновника и был застигнут. Защищаясь, он убил чиновника, и после этого сбежал с его женой. Позже они оба стали воришками. Но женщина оказалась такой жадной, что Дзенкай проникся омерзением к ней. Наконец, оставив ее, он отправился далеко, в провинцию Будзен, где стал бродягой-нищим.

Чтобы искупить вину за свое прошлое, Дзенкай решил совершить в жизни какое-нибудь доброе дело. Он узнал, что в этих местах есть опасная дорога через пропасть, грозящая смертью или увечьем многим людям, и решил прорыть через горы туннель.

Выпрашивая днем пищу, Дзенкай по ночам рыл туннель. Когда прошло тридцать лет, туннель был длиной двести восемьдесят футов, двадцать футов высотой и тридцать футов шириной. За два года до окончания работы сын убитого чиновника разыскал Дзенкаю и пришел убить его, чтобы свершилась месть.

— Я охотно отдам тебе свою жизнь, — сказал Дзенкай. — Позволь мне только закончить вот эту мою

работу. В день, когда она будет закончена, ты можешь убить меня.

Сын прождал день, два. Но прошло несколько месяцев, а Дзенкай продолжал копать.

Сын устал от безделья и стал помогать ему копать. Через год он стал восхищаться волей и характером Дзенкай.

Наконец, туннель был готов, и люди могли пользоваться им и путешествовать безопасно.

— Теперь руби мне голову, — сказал Дзенкай. — Моя работа окончена.

— Как же я могу отрубить голову моему учителю? — спросил юноша со слезами на глазах.

Торговец янтарем

Сын китайского крестьянина достиг совершеннолетия и отец, пожелав, чтобы тот обучился ремеслу, отдал его в ученики местному торговцу янтарем.

В первый день торговец дал мальчику осколок янтара и сказал:

— Возьми его и иди подметать двор.

В конце дня мальчик вернул янтарь учителю и отправился спать.

На второй день указания были теми же, и так же продолжалось весь месяц.

На второй месяц по утрам торговец отдавал мальчику янтарь и посылал его мыть посуду, требуя вернуть камень

вечером. В течение всего года он посылал мальчика за покупками, приказывал ему стричь газон, красить забор и отправлял с разными поручениями в город.

Прошел год, и мальчик сказал своему учителю:

— Мне надоело это ученичество. Я ничему не научился, я работал как вол, и ничего не получил взамен. Я ухожу!

— Хорошо, — сказал учитель. — Ты свободен.

— Знаете что, — сказал ученик, — я хочу, чтобы вы заплатили мне за год тяжелой работы!

— Конечно же, — ответил учитель. — Возьми этот янтарь, продай его на рынке и оставь деньги себе.

Мальчик посмотрел на янтарь и сказал:

— Да это же подделка!

Продавец петухов

Продавец бойцовых петухов расхваливал на рынке свой товар.

Он уверял, что его петухи бьются до смерти.

— Продай мне лучше таких, — обратился к нему покупатель, — которые бьются до победы!

Как написать китайское стихотворение

Знаменитого японского поэта спросили, как написать китайское стихотворение.

— Обычно китайское стихотворение состоит из четырех строк, — объяснил он.

Первая строка содержит начальную фазу.

Вторая — продолжение этой фазы.

Третья отворачивается от нее и начинает новую фазу.

Четвертая объединяет все три.

Так, например, построена популярная японская песенка:

Две дочери торговца шелком жили в Киото.

Старшей было двадцать, младшей восемнадцать.

Солдат может сразить мечом,

А эти красотки — своими глазами.

Не в деньгах счастье

Ученик спросил наставника:

— Верно ли, что не в деньгах счастье?

— Абсолютно верно. Ибо за деньги можно купить постель — но не сон; еду — но не аппетит; лекарства — но не здоровье; слуг — но не друзей; женщин — но не любовь; жилище — но не домашний очаг; развлечения — но не радость; учителей — но не ум. И это не исчерпывает списка.

Укрощение призрака

Одна молодая женщина заболела и была при смерти.

— Я так сильно люблю тебя, — сказала она своему мужу. — Я не хочу покидать тебя. Не уходи от меня к другой женщине. Если ты это сделаешь, я вернусь к тебе призраком и буду причинять тебе неприятности.

Вскоре жена умерла. В течение трех месяцев муж исполнял ее последнее желание, а потом встретил другую женщину и полюбил ее. Они решили пожениться. Сразу после обручения к бывшему мужу каждую ночь стал являться призрак покойной жены, укоряя его за то, что он не сдержал слова. Призрак был слишком умен. Он точно пересказывал человеку, что происходило между ним и его возлюбленной. Если бывший муж делал своей невесте подарок, призрак подробно описывал его. Он даже повторял все их беседы, и это так досаждало бывшему мужу, что он не мог спать.

Кто-то посоветовал обратиться к дзенскому учителю, жившему неподалеку от деревни. В отчаянии бедняга отправился к нему за помощью.

— Должно быть, это очень умный призрак. Он достоин восхищения. Когда твоя жена-призрак появится в следующий раз, поторгуйся. Скажи, что она знает о тебе так много, что тебе не удастся ничего скрыть от нее, и что если она ответит на один твой вопрос, то ты обещаешь разорвать помолвку и остаться холостяком.

— Что же я должен спросить у нее? — сказал человек.

Учитель ответил:

— Возьми полную горсть соевых бобов и попроси, чтобы она точно сказала, сколько бобов у тебя в руке. Если она не сможет ответить, знай, что она — плод твоего воображения и никогда больше не будет беспокоить тебя.

На следующую ночь, когда призрак появился, человек приветливо встретил его и заметил, что тот знает обо всем.

— Конечно, — ответил призрак. — И я знаю, что сегодня ты был у дзенского учителя.

— Если ты знаешь так много, — требовательно сказал человек, — скажи мне, сколько бобов в этой руке?

Больше призрак не приходил.

Пыль на зеркале

Учитель дзен отправил своего главного ученика на постоялый двор на последнее испытание. Ученик спросил:

— Что это за испытание? Что я должен там делать?

Учитель ответил:

— Иди и просто наблюдай все, что там происходит, и расскажи мне.

Я пойму, станешь ли ты моим преемником или нет.

Ученик отправился на постоялый двор.

Он наблюдал все. Придя к учителю, он рассказал:

— Я видел, что хозяин чистит зеркало вечером — каждый вечер — и снова чистит утром. Я спросил его: «Вы протерли зеркало всего несколько часов назад, зачем снова чистить его?» Хозяин ответил: «Пыль собирается каждое мгновение, поэтому нужно чистить зеркало в любую свободную минуту. Ты всегда найдешь на нем собравшуюся пыль». И я пришел к выводу, что вы были совершенно правы, послав меня на постоялый двор. То же самое происходит и с умом: его нужно очищать каждую секунду, потому что каждую секунду пыль по своей природе продолжает собираться.

Рука судьбы

Великий японский воитель Нобунага решил однажды атаковать врага, который десятикратно превосходил числом солдат. Он знал, что победит, но солдаты его смутились, испугались такого количества врагов. В дороге он остановился у храма и сказал:

— Когда я выйду из храма, то брошу монету. Выпадет герб — мы победим, выпадет цифра — проиграем сражение.

Нобунага вошел в храм и стал безмолвно молиться. Затем, выйдя из храма, бросил монету. Выпал герб.

Солдаты так неистово ринулись в бой, что легко одолели врага.

— Ничего не изменить, когда действует рука судьбы, — сказал ему адъютант после сражения.

— Верно, не изменить, — подтвердил Нобунага, показывая ему поддельную монету с двумя гербами на обеих сторонах.

Скупой художник

Гессен, монах-художник, перед тем, как начать рисовать, всегда настаивал на том, чтобы ему заплатили вперед, и запрашивал высокую цену. Он был известен как «скупой художник».

Однажды гейша заказала ему картину.

— Сколько вы сможете заплатить? — спросил Гессен.

— Сколько запросишь, — ответила девушка, — но я хочу, чтобы ты работал передо мною.

И вот в определенный день Гессена позвали к гейше. Она устраивала праздник для своего покровителя. Гессен усердно трудился над картиной. Когда картина была закончена, он запросил самую высокую цену, о какой только слышали в его время. Он получил сколько хотел, а гейша, повернувшись к своему покровителю, сказала:

— Этот художник хочет только денег. Его картины прекрасны, а ум низок. Невозможно показывать картину, нарисованную таким отвратительным человеком. Она годится лишь для одной из моих нижних юбок.

Приподняв юбку, она попросила Гессена сделать другой рисунок на изнанке юбки.

— Сколько вы сможете заплатить? — спросил Гессен.

— О, сколько хотите! — ответила девушка.

Гессен назвал фантастическую цену, нарисовал картину требуемым образом и ушел.

Позже узнали, что у Гессена были причины для того, чтобы копить деньги. На его провинцию часто обрушивался голод. Богачи не помогали беднякам, поэтому у Гессена был тайный склад, который он наполнял зерном на случай бедствия. Дорога от его деревни до святыни была очень запущена, и путники очень от этого страдали. Он хотел построить хорошую дорогу. Его учитель умер, так и не осуществив своего желания построить храм, и Гессен хотел построить этот храм для него.

После того, как Гессен выполнил три своих желания, он забросил кисти и принадлежности художника, и, удалившись в горы, никогда больше не рисовал.

Арест каменного Будды

Купец, несший на плечах пятьдесят свертков хлопка, остановился передохнуть от жары в убежище, где стоял каменный Будда. Здесь он заснул, а когда проснулся, его хлопок исчез. Он немедленно заявил об этом в полицию. Судья по имени О-ока начал следствие.

— Должно быть, этот каменный Будда украл хлопок, — заключил судья.

— Он должен заботиться о благосостоянии людей, но он пренебрег своей святой обязанностью. Подите и арестуйте его.

Полиция арестовала каменного Будду и притащила его в суд. За статуей шла шумная толпа, которой любопытно было узнать, какой приговор вынесет судья. Когда появился О-ока. Он упрекнул аудиторию:

— Какое право вы имеете смеяться и шутить во время суда? Вы не уважаете суд и подлежите штрафу и тюремному заключению.

Люди поспешили извиниться.

— Я наложу на вас только штраф, — сказал судья. — Я повелеваю, чтобы каждый из вас в течение трех дней доставил в суд по свертку хлопка. Кто не сделает этого, будет арестован.

Один из принесенных свертков сразу был опознан купцом как его собственный, и воришке легко нашли.

Живой Будда и бочар

Дзенские наставники давали персональные советы в уединенной комнате. Никто не заходил в нее, пока учитель и ученик находились там.

Мокураи, дзенский наставник в храме Кеннин в Киото, любил разговаривать с купцами, газетчиками так же как с учениками.

Один бочар был почти неграмотным. Он задавал Мокураи глупые вопросы, пил чай и уходил.

Однажды, когда бочар был в гостях, Мокураи хотел побеседовать наедине с учеником, поэтому попросил бочара подождать в другой комнате.

— Я знаю, ты живой Будда, — сказал бочар. — Но даже каменный Будда никогда не отказывает людям, пришедшим вместе, даже если их много. Тогда почему же я должен уйти?

Настоящие друзья

Давным-давно в Китае жили два друга, один был мастер играть на арфе, другой — мастер слушать. Когда первый играл и пел о горах, второй говорил:

— Я вижу горы перед нами.

Когда первый играл о воде, слушатель восклицал:

— Я вижу бегущий поток.

Но вот второй заболел и умер. Первый из друзей пере-резал струны своей арфы и никогда больше не прикасался к ней. С этого времени обычай перерезать струны арфы является знаком настоящей дружбы.

Обучение основному

Давным-давно в Японии были в ходу фонари из бумаги и бамбука со светильником внутри. Одному слепцу, который вечером навестил своего друга, предложили взять в обратный путь такой фонарь.

— Мне не нужен фонарь, — ответил он. — Свет или тьма для меня одинаковы.

— Я знаю, что тебе не нужен фонарь, чтобы найти дорогу, — ответил друг. — Но если у тебя его не будет, кто-нибудь может наткнуться на тебя. Так что возьми его.

Слепой отправился в дорогу с фонарем и не успел еще далеко отойти от дома, как кто-то налетел на него.

— Смотри, куда идешь, — воскликнул он. — Разве ты не видишь фонаря?

— Твой светильник давно погас, братец, — ответил прохожий.

Уксус Тосуи

Тосуи был дзенским наставником. Он отказался от жизни в монастыре и ушел жить вместе с нищими под мостом. Когда он стал стариком, его друг помог зарабатывать

ему на жизнь, не нищенствуя. Он показал Тосуи, как собирать рис и делать из него уксус, и Тосуи занимался этим до самой смерти.

Когда Тосуи делал уксус, один из нищих дал ему портрет Будды. Тосуи повесил его на стенку лачуги и сделал на ней надпись.

Надпись гласила: «Господин Амида Будда, эта маленькая комната очень мала. Я могу позволить Вам остаться здесь на время. Но не думайте, что я прошу Вас помочь мне оказаться в Вашем раю».

Золотая середина

Император Китая сидел на помосте под навесом и читал книгу. Внизу мастер-колесник ремонтировал его карету. Император спросил его:

— Почему ты такой старый и сам ремонтируешь карету? Неужели у тебя нет помощника? Тот ответил:

— Твоя правда, государь. Ремеслу-то я научил своих сыновей, а вот искусство свое передать им не могу. А здесь работа ответственная, требуется особое искусство.

Император сказал:

— Что-то ты мудрено рассуждаешь! Поясни-ка попроще свою мысль.

Старый мастер сказал:

— Могу я тебя спросить, что ты читаешь? И жив ли человек, который написал эту книгу?

Император начал сердиться. Старик, видя это, сказал:

— Не сердись, пожалуйста, я сейчас поясню свою мысль. Видишь ли, мои сыновья делают хорошие колеса, но они не достигли совершенства в этом деле. Я достиг его, но как им передать мой опыт? Истина посередине...

Если сделать колесо крепким, то оно будет тяжелым и некрасивым. Если постараться сделать его изящным, то оно будет ненадежным. Где та грань, та мера, которой я руководствуюсь? Она внутри меня, я постиг ее. Это и есть искусство, но как его передать?

В твоей карете колеса должны быть изящными и крепкими одновременно. Вот и приходится мне, старику, самому делать их.

Так и трактат, который ты читаешь. Человек, написавший его много веков назад, достиг высокого понимания, но передать это понимание нет никакой возможности.

Воздаяние

В старину один сановник был приговорен к смерти, и ему было даровано право последнего слова. Тюремщик спросил его, что он хочет сказать. Сановник задумался, а затем молча написал пять иероглифов: «Нарушение, принцип, закон, власть, небо».

Тюремщик удивился и спросил, что он имеет в виду. Сановник с чувством глубокого раскаяния объяснил ему:

— Мне всю жизнь везло. Я совершал нарушения, полагая, что с помощью власти и денег можно нарушать принципы и справедливость. Откуда же мне было знать, что меня победят

с помощью принципов и справедливости? Некоторые вещи я считал справедливыми, однако, справедливость ниже закона, и незаконная справедливость не может устоять. Иногда закон — ничто пред властью, и порочные правители играют властью и забавляются законами, произвольно меняя их. Власть должна следовать Дао, и хотя с ее помощью можно продержаться какое-то время, однако на нее одну нельзя полагаться всю жизнь — власть все равно не больше Неба. Небесная справедливость явила себя, и я, как ни старался, не смог от нее укрыться. Я сейчас умру именно потому, что получаю воздаяние за посеянные мной семена зла. О да, воздаяние...

Животное, которое звали сатори

Один дровосек усердно рубил лес далеко в горах. И вдруг появилось странное животное сатори, которое редко встречалось в деревьях.

Дровосек хотел поймать его живым. Животное прочло его мысли:

— Ты хочешь поймать меня живым, не так ли?

Дровосек был поражен и не знал, что сказать. Тогда животное сказала:

— Ты удивлен моим умением читать мысли?

Дровосек еще больше поразился, но затем у него возникла идея убить зверя одним ударом топора. Сатори воскликнуло:

— Теперь ты хочешь меня убить!

Дровосек окончательно расстроился и, поняв, что он совершенно не в силах что-либо сделать с этим таинственным животным, собрался снова заняться своим делом. Не отличаясь благонамеренностью, сатори продолжало преследовать его:

— Так ты, наконец, меня оставил?

Дровосек не знал, что делать с этим животным и что делать с собой.

Смирившись со всем, он взял топор и, не обращая никакого внимания на присутствие зверя, усердно и сосредоточенно рубил лес. Когда он стал таким образом работать, топор соскочил с топорница и убил сатори.

Тонкий шелк

Кто-то сказал, что обложки из тонкого шелка неудобны тем, что быстро портятся.

Тон-а заметил в ответ:

— Тонкий шелк становится особенно привлекательным после того, как края его растреплются, а свиток, украшенный перламутром, — когда ракушки осыплются.

С тех пор все вокруг стали считать его человеком очень тонкого вкуса.

В ответ на слова о том, что неприятно смотреть на многотомное произведение, если оно не подобрано в одинаковых переплетах, Кою-Содзу сказал:

— Стремление подбирать предметы воедино есть занятие невежд. Гораздо лучше, если они разрозненны.

Эта мысль великолепна. Вообще, что ни возьми, собирать части в единое целое нехорошо. Интересно, когда что-либо незаконченное так и оставлено, — это вызывает ощущение, будто жизнь течет долго и спокойно.

Один человек сказал как-то:

— Даже при строительстве императорского дворца одну часть специально оставляли недостроенной. В сочинениях, написанных древними мудрецами, тоже очень много недостающих глав и разделов.

Советник

Один князь три месяца осаждал вражескую крепость и никак не мог взять ее. Недовольный своим войском, он велел советнику отправить письмо домой с приказанием прислать на подмогу еще дружину из самых отчаянных храбрецов. Но советник заметил ему, что армия баранов под командованием льва лучше, чем армия львов под командованием барана. И предложил прислать лучше другого командующего.

Визитная карточка

Кейгу, великий дзенский учитель эпохи Мэйдзи, стал главой Тофуку, кафедрального собора в Киото. Однажды правитель Киото навестил его в первый раз. Его слуга вручил визитную карточку правителя, на которой было написано: «Китацаки, правитель Киото.»

— Я не имею дела с такими людьми, — сказал Кейгу слуге. — Скажи ему, пусть уходит отсюда.

Слуга с извинениями вернул карточку.

— Это моя ошибка, — сказал правитель и карандашом зачеркнул слова «Правитель Киото».-

Спроси учителя снова.

— О, это Китацаки? — воскликнул учитель, когда увидел карточку, — я хочу видеть этого человека!

Стрельба из лука

Один европеец изучал стрельбу из лука с учителем дзен в Японии. Он достиг совершенства — стопроцентного попадания в цель. Он сказал Учителю:

— Что же еще? Что теперь мне учить здесь? Могу ли я уйти?

Учитель ответил:

— Ты можешь идти, но ты выучил только азбуку моего искусства.

Европеец воскликнул:

— Азбуку твоего искусства? Но мое попадание в цель — стопроцентное!

Учитель ответил:

— Кто говорит о цели? Каждый дурак может сделать это простой практикой. Здесь нет ничего особенного. Теперь начинается настоящее. Ты стал делателем, совершенным делателем, но смысл не в этом. Теперь тебе придется брать свой лук, не будучи делателем. Тебе нужно натягивать лук, не будучи натягивающим. Тебе нужно наводить стрелу на цель без прицеливания.

С твоей стороны не должно быть усилия, напряжения, делания. Нужно скорее позволить этому случиться, чем делать это!

Сравнение

Помните — вы нужны. Никто не выше, и никто не ниже. Каждый к месту.

Один самурай, очень высокомерный воин, пришел однажды к наставнику дзен. Самурай был очень знатен, но, взглянув на наставника, увидев прелесть момента, вдруг почувствовал себя каким-то ничтожным. Он сказал:

— Почему я чувствую свое ничтожество? Миг назад все было хорошо. Как только я вошел на твой двор, я пал. Никогда раньше не чувствовал этого. Я много раз встречал смерть лицом к лицу и никогда не чувствовал страха — почему я сейчас испуган?

Наставник сказал:

— Погоди. Я отвечу, когда все уйдут.

Люди приходили посетить наставника весь день, и самураю надоело ждать. Вечером, когда комната была пуста, самурай спросил:

— Теперь ты можешь ответить мне?

— Выйди.

Было полнолуние, и луна восходила над горизонтом. Наставник сказал:

— Посмотри на эти деревья — на это высокое до неба и это маленькое рядом с ним. Они оба растут перед моим

окном много лет, но у них нет никаких проблем. Это маленькое дерево никогда не говорит большому: «Почему я чувствую унижение перед тобой?» Это дерево малое, а то такое большое — почему я никогда не слышал их ропота?

Самурай задумался и ответил:

— Потому что они не могут сравнивать.

— Вот видишь, ты сам знаешь ответ. Когда не сравниваешь — все ничтожество и все величие исчезает. Ты существуешь. Маленький куст или большое дерево — неважно, ты являешься самим собой. Лист травы так же необходим, как величайшая звезда. Этот голос кукушки также велик, как любой Будда — мир был бы менее богат, если бы кукушка исчезла. Посмотри вокруг. Все необходимо и все хороши вместе. Это глубокое единство, никто не выше и никто не ниже, никто не важнее, никто не ничтожнее. Все несравнимо уникальны и необходимы. В этом религия осознания.

Как ворона разрушила две семьи

В давние времена, в Японии, перед воротами дома сёгуна Ятамаро росло высокое дерево.

Две вороны свили на том дереве себе гнездо и через положенное время высидели птенцов, оберегая их. Отец семейства, улетаая далеко от гнезда в поисках пищи, возвращался, кормил жену и птенцов и вновь улетаал за кормом.

Однажды сёгун Ятамаро, каждый день любовавшийся дружной семьей, заметил, что когда отец семейства улетаал за кормом, прилетел другой ворон-самец и

соблазнил жену. Соблазненная новым мужем, она взмыла высоко в небо и улетела в далекие края, оставив птенцов и родное гнездо навсегда. И когда ее прежний муж вернулся с кормом, жены не было. Несколько дней он укрывал птенцов, не отлучаясь за кормом.

Сегун Ятамаро, с волнением в сердце наблюдал за случившимся.

Через несколько дней, заподозрив неладное, он приказал слуге залезть на дерево и осмотреть гнездо. Оказалось, что муж так и умер, укрывая птенцов. Умерли и птенцы.

Увидев, к чему привело прелюбодеяние вороны, Ятамаро был так потрясен, что весь мир для него словно перевернулся. Он оставил дом, жену, детей, оставил службу и ушел в монастырь.

Жена сегуна сердцем осталась чиста и верна мужу, даже когда от голода умерли дети. А через некоторое время в тоске и печали умерла и она сама. Так прекратился род Ятамаро.

Когда разводят огонь, сначала собирают дрова.

Перед тем, как пойти дождю,

становится влажным камень.

Перед тем, как гремит гром, сверкает молния.

Люди и птицы живут по своим законам.

Для ясных глаз

Поэт Су Дунпо и его друг Фо Инь часто проводили время вместе — пили вино, читали стихи, беседовали о науке.

Однажды, встретившись, как обычно, друзья заговорились и совсем забыли о времени, а когда вспомнили о нем, была уже полночь. Поскольку городские ворота к этому времени уже закрывались, Су Дунпо не мог возвратиться домой, и ему пришлось остаться на ночь в храме у приятеля. Когда место для ночлега было приготовлено, Дунпо подошел к постели, снял халат, обувь, сел на пол в позу со скрещенными ногами и, плотно закрыв глаза, стал с силой растирать подошвы ног. Фо Инь, глядя на друга, шутливо заметил:

— Уважаемый эрудит медитирует, устремляясь к Будде и богине милосердия, и совсем не думает о ждущей его дома жене. Да, ничего не поделаешь!

Су Дунпо ничего не ответил, как будто не слышал этих слов.

Прошло еще немало времени, прежде чем он открыл глаза и, рассмеявшись, сказал:

— Дунпо растирает подошвы не для того, чтобы устремляться к богине милосердия, а для того, чтобы усилить зоркость и ясными глазами смотреть на жизнь.

Точность мастера

Однажды Ягю Дзюбэй (Мицусеи), известный мастер меча, находился в резиденции дайме, и его вызвал на бой на боккенах находившийся там ронин. Дзюбэй принял вызов, состоялись две схватки, и обе закончились взаимным убийством, ничьей. После этого Дзюбэй спросил ронина:

— Ну, ты увидел настоящий результат поединка?

— Конечно — оба раза была ничья!

Дзюбэй повернулся к дайме и задал ему тот же вопрос.

— Как и сказал ронин, оба раза была ничья, — ответил дайме.

Дзюбэй с отвращением процедил, что они оба слишком неопытны, чтобы понять, каков был настоящий исход обеих схваток. Ронин разгневался и потребовал еще одного поединка, на этот раз на настоящих мечах.

— Зачем делать глупости — ведь у тебя не две жизни? — спросил Дзюбэй.

Однако жаждавший славы ронин требовал боя и Дзюбэй сдался.

На этот раз они взяли настоящие мечи.

Бой шел как и раньше — оба ударили одновременно, оба удара пришлось по левому плечу. С небольшой разницей — противник Дзюбэя упал и тут же умер — удар рассек ему плечо, перерубил кость и ушел далеко вглубь.

На самом Дзюбэе не было и царапины — меч его противника рассек верхнее косодэ, но не прорезал нижнего.

— Исход боя решает расстояние в сун или полсуна, — сказал Дзюбэй, — Из-за того, что вы не хотели этого признать, я впустую убил человека.

Квашеная редиска

Однажды Сегун Иэмицу разговаривал с Такуаном на разные темы.

— Осе, все, что я ем в последнее время, кажется мне безвкусным. Можете ли вы угостить меня каким-нибудь деликатесом?

— Это несложно. Пожалуйста, приходите завтра в десять часов утра в мою обитель. Я угощу вас вкусной пищей. Я буду хозяином, а вы гостем. Уверю вас, если вы будете вести себя, как подобает гостю, все будет хорошо. И еще: приехав ко мне, пожалуйста, не уходите до конца приема. Я должен предупредить вас об этом заранее.

— Хорошо. Уверен, что это будет настоящий пир. Завтра в десять часов я буду у вас, — пообещал Иэмицу и, удовлетворенный, отправился в свой замок.

На следующий день Иэмицу прибыл к Такуану в сопровождении нескольких прислужников. Дело было в конце декабря. С раннего утра шел снег, и ко времени приезда сегуна намело уже немало. Несмотря на такое количество снега, Иэмицу надеялся, что у Осе его ждет пир горой.

Осе его встретил возле плетеной калитки.

— Я рад, что вы пожаловали, не испугавшись плохой погоды, — сказал Осе.

— Что вы, Осе, земля, укрытая снегом, выглядит так необычно, — ответил сегун.

— Как известно, когда Тоетоми Хидэеси был еще жив, в метель он часто отправлялся к Рикю и наслаждался в его жилище вкусом дзен. Ваш смиренный слуга не обладает изысканным эстетическим вкусом Рикю, но вы,

сегун, я уверен, обладаете всеми добродетелями Хидэеси. Как и было обещано, я угощу вас самыми изысканными блюдами.

Осе пригласил сегуна в чайную комнату, попросил некоторое время подождать и ушел к себе.

Снег падал и падал. Из чайной комнаты открывался прекрасный вид на сад с припорошенными снегом соснами и отражающимся в пруду каменным фонарем. Глядя на этот прекрасный пейзаж, Иэмицу мечтал об угощениях, которые готовит Осе.

Но несмотря на его нетерпеливое ожидание, Осе не появлялся.

С десяти утра до трех часов пополудни ничего не произошло. Даже бесстрастный Иэмицу начал нервничать. «Что случилось с Осе? — думал Иэмицу. — Может быть, приготовление еды требует длительного времени? Обычно, когда мне надоедает ждать, я уезжаю, но сегодня я не могу уехать, потому что я пообещал ему дождаться конца приема».

Между тем в чайном домике не было ничего съестного, кроме холодного чая. Сегун и его прислужники сильно проголодались. В три часа Осе появился и сказал:

— Прошу прощения за то, что заставил вас так долго ждать. Пожалуйста, отведайте мои кушанья, — и он предложил Иэмицу переместиться к небольшому столику. На столик были поданы два небольших квадратных блюда. Такие же блюда были поданы прислужникам, которые с

недоумением поглядывали на них, не зная, что им с ними делать. Иэмицу поспешно поднял крышку первого блюда. В нем был вареный рис.

— Позвольте, — сказал Иэмицу и, быстро наполнив свою чашу рисом, принялся есть.

Затем он открыл второе блюдо и обнаружил там небольшие желтые кусочки, очень приятные на вкус. Иэмицу до ушей улыбался, уплетая рис с этим новым блюдом.

— Осе, это очень вкусно, — сказал Иэмицу и попросил добавки.

Осе смотрел на него с улыбкой. Закончив трапезу, Иэмицу положил на стол палочки для еды и воскликнул:

— Восхитительно! Ни разу в жизни я не ел ничего подобного. Кстати, что это было во втором блюде?

— Квашеная редиска, — ответил Осе

— Квашеная редиска? Неужели? — сегун был очень удивлен.

— Господин, — начал Осе, — вы занимаете высочайшее положение в стране и являетесь самым богатым человеком этой страны. Поскольку вы едите каждый день самую изысканную пищу, она не радует вас. Ваш вкус был испорчен. Смирный монах пригласил вас к себе на трапезу, заставил вас ждать, пока вы не проголодались, а затем предложил вам свою скромную пищу. Вы не обиделись, а, напротив, назвали ее восхитительной. Теперь вы знаете, что для того, чтобы есть вкусную пищу, человек должен испытывать голод. Надеюсь вы обратите на это внимание.

Так Осе отдал должное терпеливости сегуна.

— Осе, ваши угощения сегодня были прекрасными, и мне очень понравились.

Но прислужники начали шептаться между собой:

— Как все это скучно! Осе накормил нас квашеной редиской, называя это изысканным блюдом. Более того, он прочитал нам нудную лекцию.

— Осе, великий Иэясу, бывало, не ел по нескольку дней, пока продолжалась битва, — сказал сегун. — Ему я обязан тем, что стал сегуном. Мне следует брать с него пример.

— Воистину вы — просветленный правитель, — сказал Осе, смеясь. — Надеюсь, в будущем вы будете более рассудительны. Затем Осе взял лист бумаги и написал на нем стихотворение:

Вы так переборчивы —
неужели вы забыли о плохом урожае?
Осенью обезьяна находит в горном лесу много орехов.

— Осе, это очень милое стихотворение, но я не могу оценить его на полный желудок.

Сегун отправился обратно в замок в хорошем расположении духа. Он долго не мог забыть вкус квашеной редиски, называя ее «такуан дзукэ». На следующий день он вызвал Осе в замок и попросил дать рецепт квашения редиски. Впоследствии сегун издал указ о том, чтобы люди использовали этот рецепт повсеместно.

Историческая справка

Первые патриархи

Основатель дзен-буддизма — Бодхидхарма (412-532) — 28-й буддийский патриарх.

Второй патриарх Эка (487-593).

Третий патриарх Сосан (кит. Сэн-цань, ум. 606). Эка принял его в монахи, и после этого он совершенно исчез для мира. О его жизни ничего больше неизвестно. Отчасти это было вызвано тем, что император династии Северная Чжоу преследовал буддизм. Его поэма «Слова доверия сердцу» — самый ценный вклад в учение дзен.

Четвертый патриарх Досин (кит. Дао-синь, 580-651).

Когда Сосан счел, что настало время сделать Досина своим преемником, он передал ему как символ духа и истины рясу, которую некогда носил Бодхидхарма.

Пятый патриарх Гунин (кит. Хун-жань, 602-675). Эпоха Пятого патриарха — поворотный пункт в истории дзена, который полностью раскрылся при Шестом патриархе Эно. До этого учителя дзена либо уходили в горы, либо погружались в шумный водоворот жизни, никто не видел плодов их работы. Но вот настало время открыто провозгласить это учение, и Гунин был первым, кто подготовил для этого почву, а Эно совершил это.

Шестой Патриарх Эно (кит. Хуэй-нэн, 638-713) — фактический основоположник дзен-буддизма в его классическом виде. Он знаменит призывом «узреть свой собственный лик, который мы имеем еще до рождения». Через сто лет император Сиен-цун посмертно присудил Эно титул «Большого Зеркала» (дай-чень). Говорят, что число учеников достигало в определенный период нескольких тысяч.

Согласно его доктрине, реальность — это отсутствие действия, пустота — это истина, а высший смысл всего — это нечто грандиозное и неподвижное. Он учил, что человеческая природа от начала до конца абсолютно совершенна и не требует никакого искусственного очищения, так как она в корне связана с тем, что безупречно. Учение Шестого патриарха во всех своих деталях актуально по сегодняшний день: все, кто вообще интересуется дзеном, получают все нужные сведения в его труде «Цао-ци».

Только после проповедей Эно дзен-буддизм получил развитие и распространился в Китае. В Японии и Корее его

первым начал проповедовать в 1191 г. Хиэй, основавший монастырь и возглавивший школу Риндзай. Досин возглавил в Японии школу Сото. Риндзай и Сото — две школы дзен-буддизма, существующие сегодня.

Основные положения учения сформулировал еще Бодхидхарма:

- особая форма передачи истины, не связанная с какими-либо трактатами,
- независимость от всякого рода буквы,
- прямой контакт с духовной сущностью человека,
- проникновение в глубины внутренней природы человека,
- достижение совершенства Будды.

Основная цель последователя дзена — достижение сатори (озарения), заключающегося в интуитивном познании мира и себя.

Дзен-буддизм, используя достижения йоги, даосизма и конфуцианства, дает средства и методы для достижения интуитивного, беспонятийного мышления, которое достигается путем сатори.

Несмотря на многочисленные видоизменения, во многих отношениях принцип и дух дзен-буддизма сейчас те же, что и во времена шестого патриарха, и как огромное духовное наследие Востока они продолжают пользоваться исключительным влиянием

Знаменитые учителя дзен

Нань-цюань (яп. Нансэн, 748-834) — дзенский наставник эпохи Тан. Прославился эксцентричным поступком убийства монастырского кота.

Тэндай-сю — буддийская школа «Небесной опоры», одна из древнейших в Японии.

Хакуин Экаку (1685-1768) — выдающийся японский наставник дзена, возродивший классические методы. Автор знаменитого коана о «хлопке одной ладонью».

Чжао-чжоу (яп. Дзесю, 778-897) — дзенский наставник эпохи Тан, ученик Нань-цюаня. Непревзойденный мастер парадокса, автор многих знаменитых коанов.

Юнь-мэнь (яп. Уммон, ум. 949) — дзенский наставник эпохи Тан. Основал собственную школу, просуществовавшую двести лет. На вопросы учеников обычно давал односложные и резкие ответы.

Литература

Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Пер. с англ. Ю. В. Бондарева. — М.: Центрполиграф, 2003.

Игнатович А. Н. Школа Нитирэн. — М., 2002.

Корнеев В. И. Тайский буддизм — М.: Наука, 1973.

Накорчевский А. А. Японский буддизм: история людей и идей. — СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2004.

Уотс А. В. Путь Дзен. — К.: София, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Непостижимое	5
Великие наставники	29
Учителя и ученики	125
Житейские истории	186
Историческая справка	219
Литература	222